

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им А.БАКЫХАНОВА

ЭЛЬГИОН БАБАЕВ

**ИЗ ИСТОРИИ
ГЯНДЖИНСКОГО
ХАНСТВА**

Баку - Nurlan – 2003

Печатается по постановлению Ученого Совета Института
истории Национальной Академии Наук Азербайджана

Научный редактор: Т.Т.Мустафазаде
доктор исторический наук, профессор

Рецензенты: М.С.Искендерова
кандидат исторически наук

Г.Дж.Гулиева
кандидат исторически наук

Бабаев Эльгюн Тофиг оглу. Из истории Гянджинского ханства. Баку,
Nurlan, 2003, 234 с.

4602000000 Qrifli nəşr
N – 098 - 2003

© “Nurlan”, 2003

© Бабаев Э.

ОТ РЕДАКТОРА

Ханский период, охватывающий конец XVIII - начало XIX столетий, - один из самых важных, интересных, но наряду с этим сложных периодов азербайджанской истории. Противоречивой особенностью этого периода является то, что в 1747 г., после развала со смертью Надир шаха империи, образованной им силой оружия, азербайджанский народ обрел независимость, ради которой давно боролся. Однако, в силу ряда исторических причин, в то время в Азербайджане появилось не единое государство, а около 20-ти ханств - малых государств и государственных образований. Раздробленность Азербайджана превращала его для сильных соседей в лакомый кусочек и делала его независимость хрупкой.

Одним из ханств того периода было Гянджинское. Это ханство образовалось вокруг города Гянджи. Ханство находилось в плодородной местности, объединяющей северовосточное предгорье Малого Кавказа с Куро-Араксинской низменностью. Центр ханства, город Гянджа, бывший древним городом Азербайджана, играл важную роль в истории нашей страны, являлся стольным городом ряда азербайджанских феодальных государств.

Именно благоприятное местоположение и природные богатства привлекали к Гяндже взоры ненасытных соседей, много раз этот город подвергался нападениям извне. Не случайно, что в начале XIX в. русские завоевательные войска первый удар нанесли именно на Гянджинское ханство.

Несмотря на то, что Гянджинское ханство занимает своеобразное место в истории Азербайджана, до сих пор оно не было объектом специального изучения. С этой точки зрения публикация этого труда является важным новшеством. Эта работа - результат напряженных научных изысканий молодого исследователя Эльгюна Бабаева, рано ушедшего из жизни, бывшего учеником известного профессора и изучаемого периода Фуада Алиева. Автор собрал воедино немногочисленные сведения, разбросанные по разным архивам и источникам, смог выделить основные моменты истории Гянджинского ханства, описать общую картину его экономического положения. К сожалению, безвременная кончина, помешала молодому ученому закончить начатое исследование, написать введение и заключение к нему. Однако, мы считаем, что в целом, работа сделана на должном научном уровне и ее издание во многом восполнит тот пробел в нашей историографии, который имеется в связи с историей Гянджинского ханства

Тофик Мустафаде
доктор исторических наук, профессор.

ГЛАВА I

ОБРАЗОВАНИЕ ГЯНДЖИНСКОГО ХАНСТВА

а) Политическая история Азербайджана накануне образования Гянджинского ханства

В начале XVIII века Сефевидское государство переживало политический и экономический кризис. Азербайджанские земли, входившие в его состав, фактически были поделены между Россией и Турцией. Происходившие в 1721 году события - ширванское восстание и нашествие афганцев на Иран, окончательно расшатали основы Сефевидской державы и явились поводом для введения в пределы Южного Кавказа, и в частности Азербайджана, охваченного вооруженными восстаниями против шахского правительства, русских и турецких войск.

Гянджинское беглярбекство, игравшее в этот период немаловажную роль в политической жизни региона, тоже ощущало на себе наступающий кризис. Этот кризис был усилен нападениями лезгин, первоначально выступавших под антишиитским знаменем, на азербайджанские города, в том числе и на Гянджу. Именно в это время правитель Сефевидского государства шах Султан Хусейн (1692-1722) отправляет Гянджинского беглярбека Угурлу хана Зиядоглы со своими войсками на Шамкир для умирения повстанцев. Войска Угурлу хана терпят поражение. Шах Султан Хусейн отстраняет его от должности беглярбека, а управление огромной территорией, включавшей и Гянджинское беглярбекство, вопреки воли жителей Гянджи, передает другому своему верноподданному, картлийскому царю Вахтангу VI. Однако, последний, хотел тайным путем заручиться поддержкой Петра I (I) и таким образом стать независимым от

правителей Ирана. Следует отметить, что Вахтанг VI не упускал возможности получения помощи и от Османского государства, с которым он, на всякий случай, также не порывал отношения. Интересны в этой связи, слова местного хрониста, тонко уловившего хилрую политическую позицию Вахтанга VI: «Оба самодержца понуждают меня: надо выполнять приказ одного из них, ныне хоромы (т.е.османские турки, Б.Э), не являющиеся нашими единоверцами и чуждые нам, хотят покорить нашу страну. Второй, наш подлинный владетель - персидский царь. А тот (Петр) наш единоведец и христианский император, сильный и могущественный. Я поступлю по их приказу: кому из них удастся привести в исполнение свое намерение, то исполню и я» (2).

Заметим, что в тайных переговорах Вахтанга VI с русским императором активное участие принимали его единоверцы - Гарабахские мелики (3).

Приступивший в 1722 году к власти шах Тахмасиб II, узнав о проделках Вахтанга VI, отстраняет его от управления Гянджинским беглярбекством. Начиная с этого времени в исторических документах, в качестве Гянджинского бег-лярбека, вновь появляется имя Угурлу хана (4).

В 1722-1723 гг. Петр I предпринимает т.н. персидский поход и захватывает Дербенд, а также Баку, завоевание которого входило в планы и Османской Турции. В 1723 г. султанские войска были направлены в сторону Гянджи (5). Такой оборот событий вынудил Тахмасиба II войти в союз с Россией. Согласно заключенному между ними договору (сентябрь, 1723) Петр I обещал Тахмасибу II содействие, а тот уступив России и Гилян, принал Дербенд и Баку русскими владениями.

Персидский поход и договор 1723 г. привели к резкому обострению русско-турецких отношений в этом регионе. Однако назревший конфликт был улажен заключением договора между Россией и Турцией (июнь 1724). Султан признал за Россией земли, переданные по договору 1723 г., а Россия за Турцией часть Южного Кавказа и северозападный Иран, ("разу же после заключения договора султанские войска заняли все предусмотренные в нем области. Таким образом, в конце августа 1725 года, турецкий военачальник Сары Мустафа паша взял и город Гянджу (6).

До нас дошло описание Гянджи конца XVII века, зафиксированное в сообщении иезуитского патера Авриля Филиппа, которое можно приписать и к первому десятилетию XVIII в. Прибывший в Ширван с миссионерскими целями Авриль Филипп писал «Ганджа - один из лучших городов Персии, расположен на прелестной равнине, множество ручьев, протекающих там, которыми с выгодой пользуются для орошения садов, занимающих большую часть города, не мало содействует тому, чтобы сделать почву окрестностей прекрасной и плодородной. Мы прибыли туда в середине весны, и никогда ни одно зрелище не поразило меня так, как это множество домов, прерываемое бесконечным количеством рощиц, образуемых деревьями, отягощенными цветами и листьями, нарождающаяся зелень которых делала их еще более приятными. И персы не называют этот поистине восхитительный уезд иначе, как цветником империи» (7).

И так, «цветник империи» Персидской подпал в первой четверти XVIII века под власть Турции, которая направила в Ширван для укрепления своей власти в захваченных территориях вышеназванного Сары Мустафа пашу. А население Гянджи, вопреки указаниям султанского правительства, было обложено тяжелыми податями.

К концу 20-х годов XVIII века Турция уже занимала почти весь Южный Азербайджан; одновременно существовала и угроза захвата собственно иранских земель. Обладание Южным Азербайджаном было утверждено заключением договора с афганцем Эшрефом, который был признан Турцией законным властителем Ирана (8). Дело даже дошло до того, что шах Тахмасиб II почти не имел власти в государстве и скрывался в окрестностях Астрабада, где вокруг него объединились крупные силы иранской аристократии и военачальников. Среди последних выдвиненцев особо выделялся Надир Гулу бек из туркменского племени авшаров, который еще в 1729 году выступил против Турции и России с требованием возвращения захваченных ими земель (9), в том числе и территории Гянджинского беглярбекства.

В 1732 году, приняв чрезвычайные полномочия с именем Тахмасиб Гулу хана, Надир начинает против Турции войну, поощряемую Россией, а к концу 1733 года он с войсками подходит к реке Араке и останавливается там на зимовку. Россия всячески способствовала Тахмасиб Гулу хану-Надиру и выражала готовность возвратить Ирану ряд прикаспийских областей, захваченных Петром I. Тем более, что после смерти Петра I правительство России стало тяготиться оккупированными прикаспийскими провинциями, требующими содержания там значительного количества воинских сил для их охранения от Турции и Ирана. Поэтому, Российское правительство отправило в Решт для ведения переговоров барона Шафирово с проектом договора, обязывающим передать Ирану правобережные области Куры. Левобережье до Дербенда оставалось под властью России, но и эти области она обещала возвратить Ирану, если последний сумеет полностью изгнать тур ко в из Южного Кавказа (10).

В январе 1732 года в Реште был заключен договор (11), создавший антитурецкую коалицию и сыгравший значительную роль во внешней политике России. Однако, несмотря на подстрекательства царских посланников, Надир хотел заключить договор с Турцией и захватить подвластные России прикаспийские области Азербайджана (12). В связи с этим он заявил прибывшему на переговоры князю Голицину: «Мне в вашей помощи нет нужды, особенно теперь, когда я помирился с турками, поэтому объявляю, что соединюсь с ними, с разных сторон пойдем войной против России, до самой Москвы. Я был на турок сердит и хотел итти на них войной, но вы принудили меня остановиться, потому, что Баку и Дербент не отдаете» (13).

Не желая осложнять события, Российское правительство решило уступить Надиру, главным образом для использования его успехов в своей борьбе против Турции.

Летом 1734 года Надир начал наступления на Ширван и уже в августе захватил Шамахи. Отсюда он двинулся в Казикумых с 12-тысячным отрядом. В урочище Деве-баган произошло сражение между Надиром и Сурхай ханом-ставленником турецкого правительства в Ширване (14). А.Бакиханов, описывающий эти события, сообщает о «больших потерях», понесенных ширванцами: «Турки и [крымские] татары бежали в Гянджу», - писал он, «а сам Сурхай хан ушел в Казикумык» (15). Разбив войска Сурхай хана и разграбив Казикумых (16), Надир занял выгодную позицию между Турцией и Россией, угрожая как русским войскам, находившимся в то время в Баку, так и турецким войскам, расположенным в Гяндже и Грузии (17).

Осенью того же года Надир двинулся к Гяндже и в середине октября подошел к городу, в котором находился турецкий гарнизон во главе с Али Пашой. По имеющимся данным, там находился и султан крымских татар Фаты Гирей (18). Не желая сдаваться Надиру защитники крепости отчаянно боролись. Во время осады Гянджи, к Надиру прибыл посланник русской государыни князь С.Д.Голицын, о чем упоминает в своих записях сопровождавший его врач И.Я.Лерх (19). А автор «Хроники войн Джара в XVIII столетии» сообщает, что С.Голицын прибыл для того, чтобы «стараться тайно и искусно, под рукою (т.е. исподтишка, - Э.Б.) побуждать Тахмасп-Кули хана к непрерывному продолжению с турками войны...» (20). По свидетельству И.Я.Лерха С.Голицын заключил с Тахмасиб Гулу ханом трактаты, «согласно которым уступались обратно все области, начиная от Куры до нашей границы» (21) (т.е. до Дербенда).

10 марта 1735 года между Россией и Ираном был заключен Гянджинский договор «вечного союза» (22). Согласно этому договору Баку и Дербенд отходили к Ирану; Россия признавала также власть Ирана в Дагестане.

Факт заключения такого договора мало чего изменял в судьбе азербайджанцев; они избавлялись от русского господства вновь попадали под иго Ирана, который на данном этапе смог умело воспользоваться русско-турецким конфликтом, происшедшим из-за выхода к Черному и Азовскому морям. Что касается России, то заключение такого договора, полностью нарушило его планы по захвату южных и западных провинций Азербайджана. Не сумев прочно утвердиться в Восточном Азербайджане, Россия вынуждена была покинуть эти области. Тем более, что назревший конфликт с Турцией требовал поддержания дружественных связей с Ираном. После заключения Гянджинского договора граница между Россией и Ираном установилась на севере Азербайджана и проходила по реке Койсу (23). Однако эти успехи не помогли Надиру добиться взятия Гянджи. Осада крепости затягивалась. Согласно донесению английского посланника при русском дворе К.Рондо лорду Гаррингтону, несмотря на попытки воинов

Тахмасиб Гулу хана взорвать крепостные стены и производимые ими подкопы, защитники мужественно сопротивлялись (24).

После четырех месяцев осады, в феврале 1735 года, Надир решил предпринять меры по скорейшему захвату Гянджи. Крепость с трех сторон окружили валом. Туда было отведено русло Гянджачая. В результате, южные стены крепости стали рушиться. Но защитникам удалось ядрами взорвать вал и выпустить воду. Таким образом, и эта затея Надира не удалась (25).

Следует отметить, что основную часть артиллерии, используемую во время штурма, поставляла Россия. Еще в сентябре 1734 года князь Голицын получает от Петербургского двора секретное указание: тайно от Турции, отправить из Баку в Гянджу несколько обозов пушек с боеприпасами, «в необходимом случае объявить туркам, что оные пушки не наши, а персидские» (26). Генерал Левашов, которому было поручено выполнение этого распоряжения, отправил в Гянджу «инженерного офицера и четырех бомбардиров, которыми Тахмасиб Гулу хан остался очень доволен» (27).

17-го апреля 1735 года Надир отдал распоряжение о прибытии к Гяндже дополнительной еще 30 - ти тысячной армии (28). Однако, это не решило исход борьбы за Гянд-жинскую крепость. Рассчитывая на помощь турецких войск из Карса и Иравана турецкий гарнизон Гянджи не сдавался. По этой причине, оставив под Гянджой 4-ых тысячное войско (29), Надир к концу мая двинулся в Эчмиадзин (30). 8 июня к северо-востоку от последнего произошло крупное сражение, в котором турецкая армия во главе с сераскерами Абдулла паша и Сары Мустафа паша потерпели поражение и вынуждены были отступить.

Это поражение лишило турецкий гарнизон в Гяндже надежды о помощи. 9-го июля 1735 г. начальник гарнизона в крепости Али паша и владетель Гянджинского беглярбек-ства Угурлу хан были вынуждены сдать город (31). Пережившая десяти месячную блокаду, Гянджа находилась в жалком состоянии. И.Лерх, сообщая о Гяндже того периода писал, что она «была очень обширна, но теперь очень разрушена; видны только разрушенные дома и караван-сарай» (32).

С наступлением зимы Тахмасиб Гулу хан-Надир от правился на Муган. К этому времени (13 января-23 февраля 1736 г.) на Мугане, у слияния рек Куры и Аракса, неподалеку от города Джавад, собралась феодальная знать Ирана и всех завоеванных Надиром стран (33).

Описывая это событие А.Бакиханов пишет: «В этом лагере его ожидали все почетные лица Персии, числом 100 тысяч человек, которые собрались туда по приказу Надира... после долгих споров между вельможами, продолжавшихся более месяца. Надир 26 февраля 1148 (1736) г. вступил на престол Персии» (34).

Однако, как свидетельствует Мирза Адыгезал бек, гянджинские беглярбеки, происходившие из фамилии Зияд оглы открыто и тайно противодействовали стремлению Надира занять шахский престол (35). По исследованию И.П.Петрушевского, Угурлу хан II Зияд оглы, едва ли не единственный, выступил там с не признанием Надира шахом (36).

Не решаясь передавать своих противников публичной казни, Надир шах провел ряд мер, направленных к ослаблению позиций гянджинских беглярбеков, которых он обвинил в союзнничестве с турками, оккупировавшими почти всю западную часть Азербайджана.

Согласно А.Бакиханову, «гянджинские ханы... по имени Зияд оглы, раньше были владыками от Худаферинского моста до деревни Шулавер, что выше Красного мостав Грузии» (37). Надир шах, взяв власть в свои руки, «счел нужным ослабить фамилию Зияд оглы, отделив от его владений пять меликов Нагорного Карабаха, и кочевые племена Мильско-Муганской степи, а также Зангезур» (38). Примечательно в этом отношении следующее сообщение А.Бакиханова: «... он (т.е. Надир шах, Э.Б.) утвердившись на престоле, ограничился только ослаблением их (т.е. гянджинских ханов, Э.Б.) власти, переселив многих из Карабаха в Хорасан (39). Меликов же Бергушадского и Хамсинских подчинил главному правителю Азербайджана. Жителей магалов Казахского из числа переселенных Хулагу ханом и Борчалинского, поселенных на границах Грузии шах Аббасом I, Надир поручил грузинскому валию и таким образом под властью ханов гянджинских остались только окрестности города Ганджи» (40).

Таким образом, все эти меры, привели к тому, что «узда права выпала из рук гянджинских ханов и они оказались в положении слабости от того, что крыло их было сломанным» (41). Но, несмотря на это, Надир шах вынужден был оставить Угурлу хана II Зияд оглы при власти в Гяндже. Кроме того Надир шах упразднил и прежнюю сефевидскую административную единицу - беглярбекство. По его фирману все азербайджанские беглярбекства были объединены в одну административную единицу, под общим названием Азербайджан, управление которого он поручил родному брату Ибрагим хану (42). Территория нового обширного административного деления, носившего название Азербайджан, охватывала земли от «Иравана до самого Дербента» (43), т.е. почти весь исторический Азербайджан.

Следует заметить, что объединение всех азербайджанских земель в едином административном делении с названием «Азербайджан» если и было значительным явлением, но тем не менее, обширное в неустойчивое военно-феодалное объединение Надир шаха, в которое страны и народы не связанные общностью экономической жизни, различные по культуре и историческому прошлому были включены насильственно, казалось рыхлым и бесперспективным. Искусственное объединение этих саран в пределах

огромного конгломерата народностей и племен, связанное с жестокой эксплуатацией масс и кровавым подавлением развернувшегося и в Азербайджане освободительного движения, сказывалось крайне отрицательно на состоянии производительных сил и тормозило экономику. Сокращение посевов приводило к острому недостатку в продуктах земледелия. Большой недостаток в хлебе ощущался и в окрестностях Гянджи. Пшеница и ячмень резко поднялись в цене; ман (т.е. литр) зерна стоил 900 динаров (44).

Завоевательная политика Надир-шаха, его не прекращающиеся военные походы разоряли местное население, ввергли его в нищету; тем более, на нем лежало обязательство кормить и снаряжать шахские войска. Согласно «Хроники Орбелиани», в течении одного месяца, по приказу Надир шаха, картлийцы должны были доставить шахским чиновникам около миллиона пуда хлеба, 6000 быков с вожатыми и 500 пустых арб. Эти арбы должны были быть нагружены зерном, реквизированным также у гянджинского населения (45).

Такое опустошение страны привело к голоду и болезням. В 1737 году в Гяндже и его окрестностях вспыхнула чума, которая вскоре распространилась на весь регион (46).

Непомерное усиление эксплуатации населения привели к расширению по всему Азербайджану антииранских волнений. В борьбе против иранского владычества принимали участие феодально-зависимые крестьяне и вольные общины джарцев, аварцев а также шекинцы, ширванцы и др.

Летом 1737 году правитель Азербайджана Ибрагим хан (брат Надир шаха), с помощью Угурлу хана II Гянджинского и Теймураза II Картлийского нанес дагестанцам, занявшим Кахетию и угрожавшим Гяндже несколько поражений (47). Затем объединенные силы двинулись в Дагестан и уладили там многих местных феодалов, не прекращавших сопротивления. Только казикумухский усмий Сурхай хан и его сын Муртаза Али отказались признать власть Надира и продолжали призывать местное население к борьбе против иранского господства (48).

В 1738 году, во главе 32 тысячного войска, Ибрагим хан вместе с гянджинским Угурлу ханом II направился во владения Сурхай хана, где в местности Ак-Бурдж задумал построить военное укрепление; новая крепость должна была стать базой для военных операций против племен Джара и Тала. Горцы близлежащих к Ак-Бурджу аулов стали деятельно готовиться к отпору. На помощь подоспели около 20 тыс. каракайтагцев. Однако, в бою, происшедшем в середине ноября 1738 года около горы Джаник, Ибрагим хан, а также и Угурлу хан II Гянджинский были убиты, а их войско разбито (49). Победителям досталась богатая добыча, состоявшая из 1500 ружей, трех пушек и прочей амуниции (50).

Разгром войск Ибрагим хана внес переполох в среде иранских гарнизонов, находившихся в Азербайджане, в том числе и Гяндже. Согласно сообщению источника, пятитысячное войско в Гяндже «в страхе находится от лезгинцев и всегда того ожидают, что лезгинцы придут для взятия Гянжи» (51).

После смерти Угурлу хана II Гянджинским беглярбекством правил его преемник Шахверди хан Зияд оглы (52). О первых годах его правления известно, только то, что он не поддерживал НаDIR шаха.

В 1743 году в Ширване, который «был совершенно разорен» иранскими войсками, развернулось новое освободительное движение против иранского шаха. Восстание, проводимое под лозунгом «хороший государь» под предводительством турецкого ставленника-самозванца Сам Мирза, нашло свою поддержку и среди гянджинского ханского дома. Вскоре, вместе с Казикумыхским Сурхай ханом, он овладел Шамахой. Местное население, доведенное до отчаяния тяжелыми налогами, с радушием приняло его (53).

Шахверди хан Зияд оглы также горячо поддерживал Сам-Мирзу. Недовольный политикой НаDIR шаха, он изъявил желание выступить с Сам-Мирзой и прислал прошение о своей солидарности (54).

Но тем не менее, эти выступления, происходящие в 1743 году, потерпели неудачу. После поражения восстания началась беспощадная расправа победителей. Известен факт, согласно которому НаDIR шах особенно жестоко расправлялся со знатными феодалами (55). Примыкая к освободительному движению, очевидно, и гянджинский Шахверди хан стремился к самостоятельности. Так, в донесении российского консула в Иране С.Арапова говорится, что... гянджинцы все в согласии с ним (т.е. с Сам Мирзой, Э.Б.) были...» (56). Такая позиция Шахверди хана заставила НаDIR шаха, по сообщению С.Арапова, снарядить 15 тыс. войско во главе с полководцем Насрулла Мирзой с целью «разорять Генжу» (57). Шахверди хан был вынужден бежать из Гянджи и найти убежище у Теймураза II (58).

Таким образом, иранское правительство жестоко расправлялось со всеми, кто осмеливался поднять оружие против НаDIR шаха, который решил ликвидировать и династию Зияд оглы. С этой целью в конце 1743 года правителем Гянджи он назначает бывшего топчубаши своего войска некоего курда по имени Хаджи-хан, который находился у власти до 1747 года (59).

Именно в этот период происходили наиболее крупные восстания, начало которых совпали со введением в 1743 году нового налогового обложения. Уже вскоре против шахского режима вспыхнуло восстание племени думбули в Хое и Салмасе. Для подавления беспорядков НаDIR шах отправляет несколько отрядов из своих войск под предводительством Хаджи хана, новоназначенного им правителя Гянджи (60). Сопrotивление повстанцев, после поражения их главных сил, было сломлено. Однако, и в

Гяндже, в это время было не спокойно. В ханстве часто вспыхивали выступления против существующего режима. Как сообщает очевидец, уже в 1747 году в Гяндже «почти генерально все жители от мала до велика и сами управители тех городов взбунтовали и ушли в горы» (61). Причиной тому были, как указано выше, очень высокие подати, разорившие даже имущих.

Развернувшаяся по всему Азербайджану широкая волна антииранских выступлений, а также переход в оппозицию шахской власти большей части феодалов, привели к изоляции Надир шаха. Любопытны слова А. Бакиханова: «Можно сказать без преувеличения, что государство, созданное Надир шахом, им же самим было ослаблено и разрушено» (62). 9 мая 1747 года он был убит в результате заговора некогда верных ему людей из своего же афшарского рода.

Со смертью Надир шаха его государство по существу распалось. Повсюду подняли головы претенденты на шахский трон. На почве создавшегося положения, в Иранском государстве усилилось центробежное устремление феодалов окраин, которые в свое время подчинялись Надир шаху лишь силой оружия.

В этой исторической обстановке в Азербайджане образовались «...отдельные ханства, и владетели их, управляя наследственно и независимо, стали самостоятельными государями» (63). Из восемнадцати ханств, появившихся на территории Азербайджана два образовались на месте прежнего Гянджинского беглярбекства: вокруг древнего города Гянджи образовалось одноименное Гянджинское ханство, территория которого простиралась от горной цепи Муровдага до реки Куры. А в промежутке между Араксом и Курой образовалось Гарабахское ханство, во главе с Пенах ханом Сарыджалинским. В пределах его существовали более мелкие образования-Варандинское, Хаченское, Гюлистанское, Дизакское и Джерабертское меликства, власть которых в основном ограничивалась в пределах их крепостей и прилегающих им малочисленных сел.

б) К вопросу образования и упрочения Гянджинского ханства

Таким образом, Гянджинское ханство было образовано в 1747 году после смерти Надир шаха, в результате восстания гянджинских феодалов, которые изгнали из Гянджи шахского ставленника Хаджи хана. Ситуацией воспользовался Шахверди хан Зияд оглы, «потомственный» правитель Гянджи, который к тому времени вернулся из Грузии и с помощью Теймураза, царя Картли, разгромил иранский гарнизон в Гяндже. Восстановив власть фамилии Зияд оглы он объявил себя гянджинским ханом (64). За оказанную ему помощь Шахверди хан обязался платить ежегодно 10 тыс. туманов царю Теймуразу и его сыну Ираклию И, царю кахетинцев.

Сразу же после Надир шаха развернулась кровопролитная борьба за престол между претендентами. Один из них, руководитель восстания, начавшегося в Ардабиле в 1747 году, самозванец, тоже под именем Сам-Мирзы, пытался восстановить бывшие границы некогда могучего государства Сефевидов. Консул России в Иране В.Копытовский в своем донесении от 24 мая 1747 года писал о событиях, происходящих в Азербайджане в этот период: «..в городе Реване, в Генже, Тефлизе, да в Шемахе збунтовал от шаха и отложились, а перве де Тефлиз, Генжа, Шемаха, а потом Ревань . » (65).

Таким образом, ханы Северного Азербайджана не поддержали Сам-Мирзу. Добившись самостоятельности после смерти Надир шаха, они менее всего были заинтересованы в возрождении сефевидских шахов и в «хорошем царе» (66).

Другой претендент на шахский престол двоюродный брат и военачальник Надир Амир Аслан хан стремясь распространить свое влияние на ханства Северного Азербайджана, с 20 тысячным войском двинулся на Гянджу. Население Гянджи узнав об этом, опередило его и во главе с Шахверди ханом нанесло ему поражение около города Барда (67). Потерпев поражение от гянджинцев, Амир Аслан хан двинулся в Иран, однако получив весть о вступлении Сам-мирзы в Тебриз, немедленно вернулся в Иран. При городе Маранд произошло сражение, где потерпев крупное поражение Сам-Мирза бежал в Гарадаг (68).

Добившись победы, Амир Аслан хан пытался создать самостоятельное Азербайджанское государство с центром в Тебризе. Подчинив ряд южно-азербайджанских провинций, он повторно пошел на Гянджу.

Азербайджанские ханы, вкусившие «плод» независимости, старались объединяться в союзы, что имело немаловажное значение для противодействия как Амир Аслан хану, так и последующим врагам (69).

В это время Амир Аслан хан находился недалеко от Гянджи, но был встречен упорным сопротивлением местных жителей; об этом свидетельствует следующий факт: чтобы пополнить свои ряды новобранцами - «для набрания войска», Амир Аслан хан послал 15 человек своих мухасибов в местечко Халхал. Однако, как явствует из сообщения консула В.Копытовского от 11 марта 1748 года, «имеющейся тамо командир Ахметхан оных присланных всех обобрал и отпустил в одних рубахах» (70). Не ожидавший такого сопротивления, Амир Аслан хан оставив Гянджу, направился в сторону Шамахи, но и здесь потерпел неудачу и вынужден был вернуться в Иран.

Добытая в борьбе против иранского владычества независимость, дала возможность азербайджанским феодальным правителям - ханам заняться

внутренними делами; начался процесс относительного восстановления хозяйственно-экономической жизни и развития производительных сил.

С 1747 года Гянджой начал править вышеупомянутый Шахверди хан. Он старался поддерживать мирные отношения со всеми соседями, некоторые из которых частыми набегами разоряли окрестности Гянджи и угрожали самому городу. Женат он был на Шереф-Джанхан бегим, от которой имел четыре сына и три дочери (71). Старший сын, Мухамед Хасан хан (1738-1778), был женат на сестре Сурхай хана Казн кумыкского Хури бике. Затем по возрасту шли Мамед хан (1742-1785), Джавад хан (1749-1804) и Рагим бек. Старшая дочь Шахверди хана Туту бегим была замужем за Ибрагим хана Гарабахского, средняя дочь Хуршид бегим после смерти старшей сестры в 1761 году вышла замуж за того же Ибрагим хана. Младшая дочь, Хейир Ниса бегим, сначала была замужем за Хусейн хана Шекинского (он умер в 20 лет), а после его смерти за Мамед Хасан ага, сыном Ибрагим хана.

В первые годы правления Шахверди хан поддерживал дружеские отношения с Гарабахским Пенах ханом и с северными соседями лезгинами; «...между джарцами и талай-цами и Шахверди ханом, правителем Ганжи, царило в это время полное согласие», - отмечается в «Хронике войн Джара» (72).

В этот период Картлийский царь Теймураз И, "пользуясь удачно сложившимися для него обстоятельствами, а именно междуусобиями из-за шахского престола» (73) в Иране, пытался расширить свои владения путем захвата территории Гянджи и подвластных ей земель, а при возможности и Гарабаха. В осуществлении этих планов Теймуразу помогал его сын Ираклий И, назначенный еще в 1744 году Надир шахом царем Кахетии (74). Следует заметить, что первую попытку расширения пределов своего государства они произвели не в отношении Гянджи, а в отношении Джарской области.

В начале 1749 года Пенах хан Гарабахский, в тайных умыслах которого имелись притязания и на гянджинские земли (следует заметить, что кроме Грузии и Гарабахского хана на Гянджу "имел виды» и шекинский хан), попытался опередить грузинских царей; для этой цели он постарался привлечь на свою сторону гянджинского Шахверди хана, шекинского Гаджи Челеби хана Гурбан оглы (1747-1755 гг.), шамахинского Гаджи Мамедали хана (1748-1763), а также габалинских, джарских и лезгинских беков. Он хотел совместными силами напасть на Грузию. Однако, по данным П.Г.Буткова, иреванцы известили об этом Ираклия II и он «имел случай готовностью своего отвратить сию коалицию» (75). Согласно сведениям того же П.Г.Буткова «после сего союзники между собой поссорились и Пена-хань осадил Ганжу, угрожал также Эривану» (76). По утверждению грузинской хроники, причиной ссоры между Пенах ханом и Шахверди ханом было то,

что «первый хотел стать во главе всех азербайджанских войск, а второй противился этому» (77).

В августе 1749 года, в связи с угрозой со стороны Пенах хана, армяне, проживающие в Иреванском и Гянджинском ханствах, обратились к Теймуразу с просьбой о помощи (78). В конце того же года Пенах хан совершил наступление на Гянджу и занял часть города, называемую Килсакендом (79). Воспользовавшись этим, весной 1750 года, совместные силы Теймураза и Ираклия выступили с 12 тысячным войском на Гянджу. Узнав о приближении грузинских войск на Гянджу, Пенах хан ограничился тем, что взял с Шахверди хана 300 туманов деньгами, а с жителей Килсакенда 150 туманов и отступил в Гарабах (80).

Прибывшие через несколько дней в Гянджу грузинские войска узнав об отступлении Пенах хана поспешили за ним и в сражении, происшедшем между ними, разбили его войска (81). За оказанную услугу Шахверди хан обязался платить Ираклию определенную сумму (82).

Однако, вскоре Пенах хан, собрав большое количество войска, вновь пошел на Гянджу. На этот раз Шахверди хан, снова просивший у грузинских царей помощи, передал им через своего брата Рза Кули бека следующие слова: «Освободите меня, и мы вам подчинимся, станем платить за содержание войск» (83).

Понимая, что в случае успеха Пенах хана в гянджинском походе, им придется вернуть Борчалы и Газах, грузинские цари изъявили готовность помочь гянджинскому хану. Согласно, возможно, немного преувеличенным сведениям грузинского источника, войска Пенах хана так разорили Гянджинское ханство что, «не тронутой осталась лишь крепость, даже мечети были разрушены» (84). Однако, большие военные силы Теймураза и Ираклия вынудили Гарабахского хана вновь отступить. А Шахверди хан обещал выплатить грузинским царям огромную сумму денег за оказанную военную помощь. Таким образом, в 1750-1752 гг. Гянджа стала данницей Грузии. В источниках указывается, что размер денежной субсидии Гянджинского ханства, в этот период должен был быть 10 тыс. туманов. Однако, при всех стараниях, Шахверди хану удалось собрать лишь 8.500 туманов, а «взамен недостающих 1500 туманов гянджинский хан уступил Грузии Шамшадил» (85).

Это подчинение давало грузинской стороне большие доходы, улучшало ее финансовые дела. Но усиление Ираклия, владения которого граничили с Шекинским ханством, настораживали самого сильного его противника в регионе Гаджи Челеби хана Шекинского (86). Для совместного выступления против Гаджи Челеби хана, Ираклий решил на союз с Пенах ханом. Согласно переговорам, против Шекинского хана сложился союз ханов, возглавляемый Пенах ханом Гарабахским и Ираклием II; в этот союз

вошли также Шахверди хан Гянджинский, Казим хан Гарадагский, Хусейн Али хан Иреванский и Хейдар-Гулу хан Нахчыванский (87).

Следует отметить, что Ираклий мало доверял азербай-жанским ханам, которые вскоре и на самом деле вступили в тайные переговоры с Гаджи Челеби ханом. В 1752 году 21 марта ханы союзники съехались в Гянджу на совещание и разбили свои шатры у местности Гызылгая (88). Воины Ираклия И, находившиеся в засаде, внезапно напали на ничего не подозревавших ханов и захватили их в плен (89). Бывшим среди них сыновьям и племянникам Пенах хана удалось бежать и оповестить о случившемся Гаджи Челеби хана (90), который в ожидании нападения стоял со своими войсками на левом берегу Куры. Как только до него дошла весть о коварном поступке Ираклия, он двинулся к Гяндже и начал преследовать грузинские войска, и наконец вступил с ними в сражение в урочище Гызыш-гая. Кровавопролитное сражение окончилось полной победой Гаджи Челеби хана и освобождением плененных ханов (91). По словам А.Бакиханова, Гаджи Челеби «не повидавшись с ними (т.е. с ханами - Э.Б), как со своими явными врагами, отпустил их с презрением домой» (92).

«Санкт-Петербургские ведомости» в своем ноябрьском выпуске за 1753 год приводят следующее сообщение об этих важных и для Российской империи событиях: «Персидской области пять ханов грузинскому царю были отчасти склонны, а именно: Козах-хан, Бурчалинской хан, Шам-шадельской хан, Иреванской хан и Генджинской хан, которые совокупясь с грузинским царем Ираклием ходили с войском на Шекинского Аджи Челебия для войны, причем от него Шекинского Аджи Челебия из войска царя Ираклия с 6000 побито и в полон взято. До прошлого года, он же Ираклий царь ходил на того же Шекинского Аджи Челебия с войском и с 6000 же человек, притом со всеми их пожитками потерял, а сам с малыми людьми возвратился; а ныне помянутые Иреванской, Генджинской, Козах, Шамшадельской и Бурчалинской ханы от царя Ираклия отделились и совокупились в Аджи Челебием, от чего Грузинский и Кахетинский цари в великой опасности состоят и к обороне своей никакой надежды не имеют» (93)... Данное сообщение подтверждается и аналогичным материалом из современной событиям грузинской хроники (94).

Таким образом, не смотря на разноречивость сведений источников все они однозначно сообщают- 1) о направлении войск царя Ираклия к Гяндже, 2) о его взаимосвязи с указанными ханами Азербайджана, 3) о готовящемся открытом выступлении совместных сил ханов против Гаджи Челеби, 4) о тайном сговоре ханов с Гаджи Челеби 5) о пленении ханов Ираклием, 6) о мужестве шекинского хана.

И так, разгромив войска Ираклия, Гаджи Челеби хан с триумфом вошел в Гянджу. Расположившись здесь, он послал своих гонцов в Газах,

Борчалы и другие области, ан-некцированные грузинскими царями, с призывом выступить против последних. После освобождения вышеназванных областей Гаджи Челеби поставил там своего сына Ага-Киши бека, который в течении трех лет правил этими местностями (95). «Таким образом, - пишет П.Бутков, - в 1752 году Ганджинский Шахверди хан отложился от царя Теймураза и не хотел платить ему требуемой от него ежегодной дани» (96). По свидетельству того же П.Буткова, весной 1752 года царь Теймураз отклонил предложение Гаджи Челеби о мире (97). Однако, нам известно, что в это самое время, в 60-ти верстах от Тифлиса, находились войска Ага-Киши бека. Сам Гаджи Челеби вступил в переговоры через посредничество дяди гянджинского хана, бывшего заложником в грузинской столице Ходжа хана, который обещал урегулирование вопроса (98). Ходжа хан от своего имени писал Гаджи Челеби хану: «если ты желаешь, то устрою мир между тобою и двумя вали - карталинским и кахетинским» (99).

Когда посланцы Ираклия II прибыли в Гянджу на переговоры, Гаджи Челеби поставил следующеe, условие: грузинский (картлийский) тсударь не только должен отказаться от всякой власти над отдельными областями и ханствами Азербайджана (100), но и не вмешиваться в дела страны под каким-либо предлогом. Из-за категоричного отказа грузинского царя выполнять предложенные условия, переговоры были прерваны, а посланцы Ираклия II задержаны; тем не менее им удалось передать в Грузию весть о случившемся.

Вскоре Шахверди хан и Ага-Киши бек с большим войском выступили против грузинских царей. К ним присоединились также, газахцы и борчалинцы (101). В составе войска противника были и отряды кабардинцев (2000 чел.) и русских (500 чел). Согласно А.Бакиханову, ханы Азербайджан на в своей борьбе против грузинских царей пользовались помощью «черкесов и других горских народов» (102). В августе 1752 года, войска Шахверди хана не добившись определенных результатов, вынуждены были отступить в Гянджу. А Ага-Киши беку пришлось оставить Газахский и Борчалинский магалы и возвратиться к себе в Шеки (103).

Именно в это время Пенах хан Гарабахский решил воспользоваться случаем и вновь возобновить свою власть в Гянджинском ханстве (104). Однако, усилившаяся в Иране борьба за центральную власть после падения тебризского сардара Амир Аслан хана, помешала ему претворить свой старый неосуществленный план в жизнь. Особенно острый характер эта борьба приняла между Мухаммад Гасан ханом Гаджаром и Фатали ханом Афшаром. Первый стремился низложением второго распространить свою власть не только на Южный Азербайджан, но и Ширван, Гарабах, Гянджу и Грузию. С этой целью он пытался привлечь на свою сторону Гарадагского Казим хана, шахсеванцев, а также некоторых ханов Северного

Азербайджана. Первоначально все ханы отказались от военного сотрудничества с ним, однако, в последствии, на его сторону перешли вышеупомянутый Гарадагский хан, а также Гянджинский Шахверди хан.

Согласно грузинской хронике, приблизительно в 1754 году, Шахверди хан вновь отправляет к Теймуразу и Ираклию своего посланца с поручением вести с ними переговоры о мире. Прибывший после этого к Шахверди хану Моурава Кайхосро, засвидетельствовал волю царей следующими словами: «Те ничего не желали, как мирного соглашения» (105).

Мирный исход переговоров, обезопасивший гянджинцев со стороны севера, дал Шахверди хану желаемую самостоятельность. Однако, с другой стороны, ему пришлось войти в военный союз с Мухаммад Гасан ханом; вот этот то его шаг лишил Шахверди хана поддержки и дружбы большинства ханов Азербайджана, в особенности хана Гарабахского.

В создавшейся ситуации Мухаммад Гасан хан Гаджар вместе с Гарадагским Казим ханом, а также с участием части войск Шахверди хана, решил сперва расправиться со своим основным соперником - урмийским Фатали ханом. С этой целью он двинулся на Тебриз и без особых трудностей занял город (106). Этот успех дал Мухаммад Гасан хану возможность начать поход против северных ханств Азербайджана. Поводом был отказ некоторых азербайджанских ханов, а именно - гарабахского, шекинского, шамахинского, губинского и бакинского, поддержать его (107). Худшее в этом мероприятии было то, что Шахверди хан должен был помочь своему военному союзнику живой силой.

Азербайджанские ханы стали укреплять свои города и оборонительные сооружения. До нас дошли архивные документы, составленные в этот сложный период. По словам нового русского консула в Иране с 1754 года П. Чекалевского, шамахинский Мухаммед Али хан стал переселять всех жителей Шамахи в горы, Бакинский хан решил «к пяти медным у него пушкам вылить в прибавок несколько еще.» (108). С этой целью, он послал за мастером к гянд-жинскому Шахверди хану, но получил отказ, что конечно было связано с союзническим отношением последнего с Мухаммад Гасан ханом.

В середине августа 1757 года Мухаммад Гасан хан Гаджар с 30-тысячным войском двинулся в сторону Гараба-ха. Узнав о приближении неприятеля, Пенах хан принял срочные меры и в короткий срок сформировал 8-тысячное войско. Атака крепости Шуша, предпринятая Мухаммад Гасан ханом, дважды не имела успехов и принесла врагам большие потери. Особые хлопоты доставляли внезапные вылазки шушинцев. Активное участие в обороне приняли и шекинцы, присланные Сефар Али ханом на помощь гарабахцам. А союзники Мухаммад Гасан хана - гарадагцы и гянджинцы вскоре оставили его один на один с гарабахцами и удалились в свои края. По

данным Буткова, «все бывшие войска из азербайджанцев и шайсеванцев разбежались по домам» (109).

Неудачно был завершён и поход Мухаммад Гасан хана на Грузию, куда было отправлено 4-тысячное войско. После этого, потеряв всякую надежду на покорение азербайджанских ханств и Грузии, Мухаммад Гасан хан вынужден был отступить. Такому ходу событий способствовали и начавшиеся в Иране волнения, в результате чего представители Зендской династии Керим хан и Шейх Али хан заняли город Газвин (ПО). В связи с этим Мухаммад Гасан хан покинул Гарабах и вернулся в Иран. Таким образом, попытка Мухаммад Гасан хана Гаджара распространить свое влияние на Северный Азербайджан потерпела полный крах (111).

Общая беда и борьба за ее ликвидацию усилили дружеские взаимоотношения Гарабахского ханства с Грузией. Русский консул П.Чекалевский в своем донесении сообщает о решении Пенах хана наказать Шахверди хана за его пособничество Мухаммад Гасан хану и приводит сведение о совместном грузино-гарабахском нападении на Гянджу: «Гарабахский Пенах Джуваншир при помощи ему в войске от грузинских принцев подлинно ходил на Генджинского Шахверди хана войною и город его несколько времени в осаде держал, с которого получа себе великую сумму денег и забрав с собою из тамошних обывателей до семисот семей возвратился в паки в свое владение» (112).

Однако, видимо не удовлетворившись денежной субсидией, Пенах хан решил полностью подчинить себе Гянджу и с этой целью посылает туда своего сына Ибрагим хана. Согласно используемому нами документу, последний «Шахверди хана в такую привел опасность, что он чаятельно город свой совсем ему здал» (113).

Таким образом, Гянджинское ханство в конце 50-х годов XVIII века попало в зависимое от Гарабахского ханства положение, и даже сам Шахверди хан вместе с семьей содержался под арестом в Гарабахе (114). По данным Буткова (115), впоследствии, примерно в 1761 году, Шахверди хан бежит из Гарабаха в Грузию и просит военной помощи у грузинского царя Ираклия II. Последний, не желавший дальнейшего возвышения Гарабахского ханства, силой оружия добился возвращения Гянджи Шахверди хану и «утвердил его по прежнему ханом» (116). Следует отметить, что этот факт вовсе не означает подчинение Гянджи Карт-ли-Кахетинскому царству; ибо Шахверди хан за оказанную услугу откупился значительной суммой денег.

В 1761 году, после упорной борьбы, правителем Ирана становится Керим хан Зенд (1761-1779). Однако его внимание к Северному Азербайджану постоянно отвлекалось междоусобицами в самом Иране. Поэтому, будучи не в состоянии силой оружия покорить

североазербайджанских правителей, он пытается окольными путями сепаратно склонить каждую из них на свою сторону.

В этот период русское правительство официально воздерживалось от вмешательства в дела Азербайджана; к этому оно призывало и Турцию. Об этом упоминается в рескрипте канцлера Бестужева-Рюмина к А.М. Обрескову (апрель 1752 г.): «Если мы сами в персидские дела не вступаем, то не можем не посоветовать и Порте следовать нашему примеру; вы должны внушить турецким министрам, что Порта должна дать персиянам (возможность) самим уладить свои дела» (117).

Изучение материала показывает, что внешне Россия в это время и на самом деле не проявляла интереса не только к Азербайджану, но также и к Восточной Грузии. На самом же деле, Россия фактически давно была заинтересована в своем участии в событиях на Южном Кавказе. Такой же позиции придерживалось и турецкое правительство, посланцы которого в апреле 1769 года, с султанским фирманом побывали в Гяндже, Тебризе, Дербенде, у дагестанских феодалов и призвали их на «священную войну» с Россией, поддерживаемой «христианскими государями» мира (118).

В это время наиболее сильным владетелем в Южном Кавказе был Ираклий II, укрепивший свою власть не только силой, но и посредством искусной дипломатии. По словам его современников он «персидских ханов, окружающих его землю, содержит в страхе и не в согласии. В случающихся раздорах он бывает у них посредником» (119).

Однако «лезгинский вопрос», возникший в этот период в регионе и принявший характер стихийного бедствия, явно мешал не только внешней, но и внутренней политике Ираклия II. «Лезгинский вопрос» стал основным во внутренней жизни и Гянджинского ханства. Исследования показывают, что «эти набеги вызвали в стране крайний упадок сельского хозяйства и резко сократили численность населения. Опустели целые районы» (120).

Согласно данным грузинской хроники, Ираклий II нередко помогал гянджинцам устоять перед напором лезгин; ...»То к Гяндже подходил хан терекемийский, то Азад хан афганский», но Ираклий выступал против отдельных претендентов, которые рассчитывали овладеть Гянджой (121). Но такие услуги оплачивались дорогой ценой, а все бремя всегда падало на население Гянджи, о тяжелом положении которого мы обнаруживаем в донесениях нового консула России в Баку, назначенного в 1762 году, М.Сулякова. Однако, видимо, он не мог понять сущности социального неравенства и потому антифеодальную борьбу представлял как выражение личной неприязни народных масс к своим правителям. Кроме того, в зависимости от субъективного отношения к тому или иному правителю, а может даже из-за неведения излагаемой ситуации, консул то оправдывал

антифеодальное движение народных масс, то называл их неблагодарными и «злонравными» по отношению к своим правителям (122).

В одном из своих сообщений за 1768 год, М.Суляков пишет, что население Гянджинского ханства «по нестерпимости...налагаемых тягостей, которые по человечеству нести было не в силах», восстал против Шахверди хана (123). Как мы уже отмечали выше, в 1761 году Шахверди хан с помощью Ираклия II вновь приобрел политическую власть; оказанная услуга стоила гянджинцам 10 тысяч туманов в год (124). Именно по этому с жалобой на своего хана гянд-жинцы обратились к Ираклию II, «чтобы он страждующий под тягочайшим игом народ освободил» (125). Ираклий II послал своего гонца к Шахверди хану с просьбой воздержаться от «неполезных поступков», так как «честному владельцу надлежит и к подчиненным своим оказывать бы милость» (126). Однако неподчинение Шахверди хана вынудило Ираклия II послать своего зятя с 6-тысячным войском, «чтобы тамошний народ освободить из рук мучительного владельца» (127). Но войско Ираклия II не приступило к действию и вернулось обратно, поскольку Шахверди хан был убит одним из своих приближенных. На его место вступил сын Мухаммад Гасан хан (128).

К месту тут заметить, что сведения консула М.Сулякова, все-таки положительно реагирующего на действия грузинского правителя, направленные против Шахверди хана, позволяют опровергнуть ряд искажений, допущенных кавказоведом П.Бутковым в силу его тенденциозности: «Жители Ганджи, -писал он,-огорченные Шахверди ханом убили его. И сыны хана прибегнули к царю Ираклию, который паки давше войско свое наказал бунтовщиков и утвердил одного из них, Магомет Ассам хана, старшего брата, в достоинстве отца его» (129). Такая постановка вопроса, разумеется, ставило бы Гянджинское ханство в прямую зависимость от Картли-Кахетинского правителя Ираклия II, что на самом деле не имело места в указанный период. После смерти Шахверди хана, Гянджинское ханство не только не прекратило своего существования, но даже не попало под зависимость какого-либо государства. На Гянджинском престоле оказался один из его сыновей, Мухаммад Гасан хан, политика которого характеризовала его как инициативного государственного и политического деятеля. Такая политика способствовала усилению Гянджинского ханства как самостоятельного государственного образования.

Таким образом, в середине XVIII века, после падения государства Надир шаха, на месте гянджинского беглярбекства образовалось одноименное ханство. Отметим, что династии Зияд оглы не только удалось вернуть свою власть, отнятую у нее Надиром, но и сохранить самостоятельность. Именно в этот период в процессе укрепления

азербайджанских ханств, выделились наиболее сильные из них, а именно Губинское, Гянджинское, Гарабахское, Тебризское и Урмийское (130).

Г Л А В А II

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ГЯНДЖИНСКОГО ХАНСТВА

а) Гянджинское ханство и политическое положение на Кавказе в 60-80-е гг. XVIII в.

В 1768 году, после смерти Шахверди хана, преемником Гянджинского престола стал старший сын его Мухаммад Гасан хан. Приступив к правлению, он решил укрепить власть гянджинского ханского рода, которая пошатнулась в результате относительного зависимого положения ханства от Каргли-Кахетинского царства. Эта зависимость особенно проявлялась во время частых нападений соседей на территорию Гянджинского ханства, правители которого в силу слабости страны не могли одолеть противника и прибегали к помощи более сильного близкого соседа - Каргли-Кахетии. Однако, зависимость от Ираклия II ставило Гянджинское ханство в глазах соседних ханов в униженное положение. Наряду с этим, ежегодная дань в размере 10 тыс. туманов довольно отрицательно действовала на экономику Гянджи.

Меры, предпринятые Мухаммад Гасан ханом, значительно улучшили состояние казны, но положение народа оставляло желать лучшего. Большое внимание уделял он на экономическое развитие Гянджинского ханства, особенно на развитие шелководства. Хан пригласил на постоянное жительство в Гянджу многих шелководов из Грузии, вызвав этим негативную реакцию Ираклия II, который поручил своей второй жене царице Тамаре принять меры для предотвращения этого переселения. Царица Тамара, которая в это время фактически занималась всеми правительственными делами, отдала приказ казначею двора Иосифу любым способом вернуть переселенцев (1).

Следует заметить, что в силу сложившихся в то время обстоятельств, Мухаммад Гасан хану не сразу удалось выйти из даневой кабалы Грузии; об этом свидетельствует следующее сообщение А.Бакиханова: «/Кайтакский/ уцмий эмир Гамза с 3000 отборной конницей прошел через Дербенд, Кубу и Ширван и напал на Ардабил. Опустошив этот край, он через Карабаг напал на Ганджу и разорил окрестности ее более, чем округ Ардабила. После этого через Шеки, Ахты, и Кюринский округ он возвратился назад» (2). Мухаммад

Гасан хану пришлось обратиться за помощью к Картли-Кახетинскому правителю (3).

С этой точки зрения, обращают на себя внимание и сведения о Гяндже, переданные 14-го июня 1769 года от имени царя Ираклия II графу Н.И.Панину в Петербург через князя Артемия Андроникашвили: «Город Генжа-персической, прехвальной, вблизи к нашим границам, в нем... все места плодovиты, тамо владетельный хан самовладетельной, войска выступито до трех тысяч человек... границы его к Ширвану, Карабагу, Эрвану и Хамзису до Грузией, места гористые и поля плодovитые. Оной же хан и с показанного города Генжи от соседов и своего народа многократно был выгнан, однако помощи нашею и дачею войска многожды их сопротивлению побеждены и по-прежнему оное владение от нас ему поручено и по сей причине состоит в подданстве нашем...» (4).

Заметим, что Россия с 1768 по 1774 г. вела войну с Турцией; и такой союзник как Грузия был очень желателен в борьбе с Османской Турцией. Именно поэтому, с началом войны, позиция России по отношению к Ираклию резко изменилась в лучшую сторону. Было решено послать грузинскому царю «для обозрения и для примера» отряд артиллеристов с легкими орудиями и некоторую сумму денег (5).

Что касается Ираклия II, он также предпринял некоторые дипломатические шаги. Через князя Андроникашвили он предложил графу Н.Панину послать правителю Ирана Керим хану успокоительное письмо по поводу участия Грузии в войне с Турцией. Одновременно, Ираклий II уверял Н.Панина, что в случае войны России с Ираном и он примет в ней участие (6).

Составленная Н.И.Паниным инструкция для Моурава, представителя Грузии в Коллегии иностранных дел России, дает представление о направлении политики России в Южном Кавказе. Однако, Россия не могла довольствоваться только Грузией. Представители Коллегии иностранных дел собирали обширные материалы и о близлежащих областях Грузии, в том числе и о Гяндже. Например, в рапорте капитана Н.Д.Языкова графу Н.Панину от декабря 1770 года сообщается, что «...также каждый год платят царю дань ган-жийский хан 10.000 руб. кроме подарков». В том же донесении говорится, что «царь Ираклий, владеет Картлиею, Ка-хетию и частью Осетии, Борчалы и Казах. Персияне (кочевой народ) отданы Шах Надиром царю Ираклию в вечное владение. Эриванской и Ганджинской ханы платят ему дань» (7). В этом сообщении, не смотря на видимую лояльность автора, все же чувствуется заинтересованность России положением в Гянджинском ханстве.

Правитель Ирана Керим хан держался корректно в отношении России, но появление русских войск в Грузии крайне встревожило и его. Чтобы

предупредить враждебные выступления, русское правительство решило обратиться к Керим хану, а также к ханам Азербайджана, в том числе и к гянджинскому, с особым извещением о цели прибытия русских войск в Грузию и с уверениями о своем миролюбии в отношении их (8).

В рапорте Н.Языкова сообщается и о письме Керим хана к Ираклию, в котором от имени турецкого султана просилось не впускать русские войска в Грузию «а которые есть, чтобы выгнать» (9)

В ответном послании Керим хану Ираклий сообщал ему о победах русских войск над турками и приглашал его к участию в войне с «вековыми врагами Ирана». Однако, такой призыв не был достоин ответа (10).

Во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. Грузия представляла для России интерес, в основном, пока как ее союзница. Царское правительство пыталось использовать силы Грузии для отвлечения части турецких войск с европейского фронта на азиатский. Других целей, а именно овладении Южным Кавказом, она тогда еще не преследовала.

После войны, завершенной Кючук-Кайнарджинским миром, отношения Картли-Кахетии и Ираном продолжали обостряться. Керим хан опасался усиления Ираклия, так же как и укрепления позиций России в Южном Кавказе. Недовольство вызвалось и политикой Ираклия в Азербайджане, особенно вмешательством во внутренние дела Гянджинско-го ханства.

В 1778 году, во Еремя дворцовых распрей, брат гянд-жинского Мухаммад Гасан хана Мамед хан свергнул его и взял власть в Гяндже в свои руки. В первую очередь он устранил всех своих родственников, которые могли бы каким-то образом помешать ему в государственных делах. Младшие братья его вынуждены были найти убежище за пределами ханства. Джавад хан отправился к Ибрагим хану Гара-оахскому, а Рагим бек - к Ираклию II (11). Прибывшего из Ирана дядю своего Риза-Гулу хана Мамед хан приказывает ослепить (12). Такая неразумная политика полностью ослабила государственный аппарат в Гяндже, По этой причине многие ханы Азербайджана отвернулись от Мамед хана.

Тяжелым положением Гянджи решил воспользоваться Ираклий II, который старался всеми средствами вновь поставить его в свою зависимость. Такая политика Ираклия II «разгневала» Керим хана, который в 1778 году напомнил ему о его вассальной зависимости и потребовал возобновления выплаты дани. Керим хан уже даже собрал войска и в союзе с дагестанскими феодалами готовился к походу на Грузию, но смерть наступившая его в начале следующего года, оборвала эти планы (13).

Что касается Ираклия II, который не мог примириться с потерей богатой Гянджи, то он начал собирать войско из отдаленных краев Картли-Кахетинского царства, из числа так называемых «мориге»-крестьян,

оторванных от хозяйства (14). Однако, опасаясь гнева других ханов Азербайджана, он для захвата Гянджи решил войти в союз с Ибрагим ханом Гарабахским, имевшим свои притязания на Гянджу и поэтому с радостью принявшим предложение Ираклия II.

Таким образом, в начале 1780 года (15) войска союзников окружили Гянджинскую крепость. Гарнизон крепости во главе с Мамед ханом, не смог долго сопротивляться и сдался союзным войскам. Сам Мамед хан, со всем своим семейством оказался в плену, а затем был ослеплен (16). Завоевав Гянджу, победители для управления ханством назначили своих представителей: Гарабахский хан - Хазрат-Гулу бека, а царь Картли-Кахетии - князя Кейхосрова Андрони-кашвили. Таким образом, Гянджинское ханство в течении шести лет «принадлежала равно тому и другому» (17). Отметим, что эти представители охранялись особым войском, присланным специально для этой цели. Только у князя Андроникашвили в распоряжении было до 3 тысяч воинов (18). Наличие такого количества воинов с той и другой сторон было вызвано не только боязнь выступления гянд-жинцев, но и недоверием «союзников» к друг-другу. Однако, это двоевластие, образовавшееся в Гяндже, долго не длилось. Уже к 1783 году положение изменилось настолько, что создалась взрывоопасная ситуация между Ираклием II и Ибрагим ханом. Причиной тому было, во-первых, желание каждого из них стать полновластным владельцем Гянджи, во-вторых, недовольство Ибрагим хана политикой Ираклия II, искавшего покровительства России.

Таким образом, оба правителя горели желанием взять власть в Гяндже в свои руки. Для достижения этой цели Ираклий II даже пытался в глазах гянджинцев показать себя более доброжелательным и справедливым, о чем свидетельствует его указ об отмене трехлетнего налога с жителей ханства (19).

Со своей стороны Ибрагим хан также старался склонить гянджинских жителей на свою сторону и «тайно вредить царю Ираклию» (20). Он образовал несколько партий, призывавших народ к неповиновению властям и с помощью Гаджи бека, из фамилии Зияд оглы, находящегося в его подчинении, в 1783 году поднял восстание. Однако, кончилось тем, что разбушевавшийся народ изгнал обоих инородных правителей из города и на исходе 1783 года Гаджи бек «сам стал управлять сею страной» (21).

Как мы уже отмечали выше, Ибрагим хан был крайне недоволен политикой Ираклия II в отношении к России. К месту тут заметить, что в этот сложный период в Южном Кавказе и русская дипломатия ориентировалась на помощь Ираклия II, которому она, безусловно, доверяла. Следует, также добавить, что именно к этому времени, особенно в 80-х годах, русским правительством была создана целая система действий, основанная на заранее разработанной программе завоевания Южного Кавказа. Сношения с

азербайджанскими ханами, а также с владельцами Восточной и Западной Грузии были поручены Г.А.Потемкину (22); это свидетельствовало об их исключительной важности для политики царизма на Кавказе. Командующим на Кавказской линии был назначен генерал - поручик ПС. Потемкин, который уже 4 ноября 1782 года прибыл в свою штаб-квартиру в Георгиевске на Северном Кавказе (23).

В конце 1782 года Ираклий II представил императрице Екатерине II прошение о принятии его под покровительство России. Среди предъявленных им условий, жизненно важное значение для населения близлежащих с Грузией местностей, в том числе и Гянджи, имели признание за Ираклием права владения Гянджой и Иреваном, помощь в приобретении Ахалцихской и Карсской областей, а также возвращение земель, отнятых лезгинами. В случае выполнения этих условий, Ираклий обещал свои услуги в войне с Ираном и Турцией (24).

Под протекторат России царь Ираклий вступал с привлекательным заявлением о своем стремлении к установлению мира во всем Южном Кавказе, поскольку междоусобицы и распри, продолжавшиеся между местными непокорными владельцами, явно мешали его не очень-то миролюбивой политике в отношении своих соседей. Именно поэтому, 25 февраля 1783 года, он просит ПС. Потемкина обратиться к азербайджанским ханам, чтобы они «перестали бы разорять друг-друга и пребывали бы между собой мирно» (25). Однако, составление в начале 1783 года проектов договора о покровительстве, называемого «дружественным», не дало Ираклию II желаемого результата. Как вскоре стало ясно, Грузия сама, попала под кабалу России. Любопытно, что в трактате не было даже словом промолвлено о признании Россией прав Грузии на Гянджинское ханство, о чем так старался царь Ираклий. Наоборот, согласно четвертой статьи, Ираклий терял самостоятельные действия во внешней политике (26). А Россия, под благовидным предлогом «защиты» Грузии, обязывалась отправить в Грузию два батальона пехоты с четырьмя пушками (27). И вообще, судя по условиям договора, русские батальоны посылались лишь «для охранения, а не для наступательных действий» (28). Но тем не менее, в ответ на просьбу Ираклия II о содействии русских войск для обладания Гянджинским ханством в 1783 году, князь П.Потемкин писал, что «царь во всяком случае должен иметь перед Шушинским Ибрагим ханом преимущество» (29). Однако, для утверждения своей власти в Гяндже с помощью русских войск, необходимо было добиться прекращения междоусобиц в Азербайджане. «Мы приняли на себя смелость, - писал Ираклий 11 П.Потемкину в феврале 1783 года, - подать Вашему превосходительству совет: не рассудите ль ко всем Адрибежанским ханам от себя послать листы в такой силе, чтоб они пересекли междоусобие, перестали

разорять друг-друга и пребывали бы между собой мирно» (30). Вполне возможно, что «циркулярные» письма П.С. Потемкина азербайджанским ханам и явились результатом этого совета.

Ираклий рассчитывал, что если русские войска продвинутся к Дербенду, то силы азербайджанцев будут разъединены и их замыслы на изгнание его из Гянджи разрушатся. «Предпочитаю выгодным, чтобы Россия овладела Адрибежаном, а потом часть оного благоволит пожаловать мне» (31), писал он в одной из своих записок весной 1784 года. Присоединение Гянджи к его владениям он ставил себе в заслугу (32).

Планы грузинской дипломатии нашли отражение еще в одном документе-в письме Ираклия полковнику В.Томаре (33), уполномоченному Российского двора в Грузии. Письмо содержит следующие пожелания Ираклия: чтобы Грузия была полезна России, во-первых, следует избавить ее от лезгинской опасности, во-вторых, утвердить ее власть в Гяндже и в третьих, распространить эту власть на Нахчыван.

Таким образом, русское правительство поддерживало программу усиления Грузии, чтобы затем, с ее же помощью овладеть всем Южным Кавказом: «Объявите от меня его высочеству царю, что покровительство е.п.в. над Грузией не связывает рук его на распространение благосостояния его, но еще оное подкрепляет», - писал П.С.Потемкин в январе 1784 года представителю России при грузинском дворе полковнику С.Д.Бурнашеву, находившемуся в Грузии в 1783-1787 гг (34).

Переход Восточной Грузии под протекторат России явно противоречил политической ориентации турецкого правительства. Сразу же после этого события оно явными и тайными путями обратилось ко всем азербайджанским владетелям с призывом объединиться против России. Укрепление российских позиций на Кавказе особо беспокоило Сулей ман пашу Ахалцхского, отношения Ираклия с которым в это время были намного обостренными. Усилились негодования на Ираклия за сближение с Россией и в других соседствующих с Грузией турецких пашалыках.

Летом 1783 года Ахалцх превратился в сборный пункт лезгинских отрядов. Их участвовавшие в этот период нападения на Восточную Грузию не были случайными, поскольку действиями лезгин руководил нанявший их сам Сулейман паша ахалцхский.

Осенью 1783 года турецкий султан послал своих эмиссаров во главе с Халил-эфенди в Южный Кавказ для заключения антирусско-грузинского союза с азербайджанскими и дагестанскими владетелями. Посетив Дагестан, Ширван и Гарабах Халил-эфенди направился затем в Иреван. Князь Андроникашвили, тогда еще правитель Гянджи, оповестил Ираклия о маршруте турецкого гостя (35). Последний, договорившись с ханами, прибыл в Шушу, ставшую его штаб-квартирой. В январе 1784 года в Шуше

собралось примерно восьмитысячное войско, созданное из вооруженных отрядов, приведенных сыном хунзахского владетеля, племянником уцмия кайтагского, сыном шамхала Тарховского, Али Султаном дженгутайским; сюда же прибыли несколько старшин из Чечени (36). Цель этого сбора было взятие Гянджи. Узнав об этом, П.С.Потемкин сразу же отправил дагестанским владетелям послания с просьбой отозвать обратно своих сыновей и племянников, собравшихся у Ибрагим хана (37).

Просьба П.С.Потемкина, под которой многовидящие на своем веку дагестанские владетели ясно различали скрытую угрозу, вскоре была удовлетворена.

Таким образом, если горячие головы сынов и племянников дагестанских феодалов решили откликнуться на клич турецкого эмиссара, сыгравшего, также ради своих амбиций, на их националистических и религиозных чувствах, то осторожность, а скорее инстинкт самосохранения их отцов и дядь заставили последних выразить свою преданность более коварному прогивнику. Возможно, эти правители пытались угодить и той и другой сторонам. Тем более, что новое турецкое посольство, прибывшее в Южный Кавказ осенью 1784 года во главе с Ибрагим-эфенди, явилось ответом на призывы Азербайджана и Дагестана о помощи, переданные султану через Халил-эфенди (38).

Результатом пребывания этого посольства в Южном Кавказе явилось не только усиление волнений, но и заключение весной 1785 года союза между Ахалцихе и азербайджанскими и дагестанскими владетелями - ширванским, текинским, гарабахским, хойским, джарскими старшинами, а также представителями из Гянджи (39). Однако объединенного выступления союзников против Грузии и России не произошло, поскольку не состоялся русский поход в Южный Кавказ. Вскоре этот союз распался. Но Ираклий не мог и не хотел смириться с потерей Гянджи. Уже осенью 1784 года он с помощью российских войск предпринял поход на Гянджу (40).

Предусмотрев намерения Ираклия II, гянджинский Гаджи бек пригласил для защиты города Али бека, владельца дженгутайских кумыков в Дагестане, который высказал готовность поддержать гянджинцев по ходатайству Ибрагим хана гарабахского. Следует отметить, что последний сам имел свои притязания на Гянджу. Однако, узнав о движении русских войск к реке Алазань во главе с полковником Бурнашевым, Али Султан оставив Гянджу потянул свое войско к Ахалциху. Чтобы пересечь путь Али Султана к Ахалциху русско-грузинские войска двинулись вдоль озера Гейча, но этим не только не смогли их догнать, но и поставили себя в более тяжелое положение, ибо нахождение близ границ с Ахалцихой было, во-первых, опасно для немногочисленного войска, а во-вторых, по словам Потемкина, «изнурительно для российских войск и не совместно со славою ими

приобретенною» (41). После этого неудачного предприятия, Бурнашев был вынужден оставить свои намерения захвата Гянджи и вернуться в Тифлис.

В начале 1785 года, после распада антирусского союза владетелей Азербайджана и Дагестана с Турцией, Ибрагим хан вновь решился на возобновление дружественных, а по отношению к гянджинцам предательских связей с Ираклием II, что бы совместно «завладеть снова Гянджею, иметь там своих губернаторов и по-прежнему делить пополам все доходы ханства» (42).

Это желание Ибрагим хана полностью соответствовало стремлениям Ираклия II, также любым путем пытавшегося восстановить свою власть в Гяндже. Поэтому, приняв предложения Ибрагим хана, он собрал войско под предводительством князя Андроникашвили и шамшадинского Али Султана и двинулся к Гяндже. Гянджинцы, во главе с Рагим беком, встретили грузинские войска в садах, окружающий город, но после непродолжительного сопротивления вынуждены были отступить в крепость. Этот незначительный успех обнадежил Ираклия II, который поверил, что сможет покорить гянджинцев и без помощи русских войск. Но для этого следовало укрепить свои тылы со стороны Фатали хана Губинского, который своими набегами на владения Ибрагим хан-союзника Ираклия, мог помешать взятию Гянджи грузинами. Для этой цели Ираклий послал гянджинского мелика Мирза Мисаила к Фатали хану, с просьбой оставить свои притязания на Гарабах. Посланник встретил Губинского хана на пути в Гарабах, в местности Сальян, где последний остановился со своим войском, чтобы запастись продовольствием. Мирза Мисаил не смог отговорить Фатали хана от задуманного плана. Согласно этому плану предполагалось вначале напасть на Гарабахское ханство и одновременно ударить по Гяндже (43).

Русский дипломатический чиновник П.Батырев, побывавший в 80-х годах в Дербенде, в своем рапорте, также сообщает о военных замыслах Фатали хана, который большое значение придавал именно захвату Гянджи. Тем самым он разрывал коммуникации Картли-Кახетинского царства и Гарабахского ханства, изолируя их друг от друга. Кроме того, Фатали хан знал о симпатиях жителей Гянджи, а также Шамхора и Газаха к Губи некому ханству и рассчитывал на поддержку местного населения (44). И на самом деле, гянджинцы были весьма довольны наступлением Фатали хана и вскоре склонили на свою сторону газачцев и борчалинцев, которые в надежде на скорейшее освобождение Гянджи, также были намерены отложиться от Картли-Кახетинского царства.

Вмешательство России сильно повлияло на ход событий. Фатали хан был вынужден отказаться от похода против Гарабаха и Картли-Кახетинского царства, поскольку вскоре получил твердое указание российского командования на Кавказе прекратить военные действия, не покушаться на

владения Ираклия II в Азербайджане (45). В своем письме П.С.Потемкину Фатали хан писал: «...по вашему совету я в Грузию не ходил и оставил царя Ираклия в покое... считаю что устоял я в данном вам обещании не касаться царя Ираклия (46).

Однако, вынужденный отказ от похода против Гарабахского ханства и Картли-Кახетинского царства не смогли заставить Фатали хана прекратить борьбу за овладение землями соседних ханств и прежде всего Гянджой.

В этот период несколько изменилась и политика Гарабахского ханства, где шла борьба между центральной ханской властью и находящимися в вассальной зависимости от нее меликами. В этой борьбе российское правительство играло двоякую роль: с одной стороны, обнадеживало Ибрагим хана Гарабахского в приеме под свое покровительство, а с другой, вело тесное сотрудничество с меликами, обещая им свою помощь и поддержку (47). По этой причине Ибрагим хан не доверял России. В это же время резко ухудшились взаимоотношения Гарабахского ханства и Картли-Кახетинского царства, соперничавших из-за обладания Гянджинским ханством. Союз Ибрагим хана и Ираклия II сменился открытой враждой.

Этим обстоятельством воспользовался Ахмед хан Хойский, который стал уговаривать гарабахского правителя завладеть Гянджой, изгнать оттуда представителей администрации Ираклия II (48).

Начавшаяся борьба с Гарабахским ханством за Гянджу ухудшила положение Картли-Кახетинского царства. В письме Ираклия II генералу П.С.Потемкину сообщалось: «Ваше превосходительство, мы вам изъясняем истинно, сколько мы понесли через два года разных убытков и уменьшение власти нашей. Ганжа и Шамхор, которыми совершенно владели, отступились от нас, коими ныне уже не владеем. Также казахи и шамшадинцы не так повинуются, как прежде, или по справедливости сказать, совсем не повинуются нам. Что касается Ибраим хана, который скрывал против нас свою злобу, ныне же явно открыл» (49).

В другом письме Ираклий II, отмечал, что «...нам весьма неприятно, что мы лишились Ганжу и Шамхора, ибо от сих мест получали немалые доходы к подпоре царству нашему...» (50).

Что касается Ибрагим хана, то единственно, что не устраивало его, так это требование Ираклия II и многих других ханов Азербайджана о возвращении к власти ослепленного Мамед (Магомед) хана Зияд оглы, который находился в заключении в Шуше. Опасаясь восстановления Гянджинского ханства, Ибрагим хан в начале 1785 года приказал умертвить Мамед хана (51). По сообщению Буткова, брату гянджинского хана Рагим беку якобы удалось в том же году бежать из заточения и вновь утвердиться на гянджинском престоле (52). Согласно этому же автору, текинский Мамед хан якобы содействовал в восстановлении фамилии Зияд оглы, «прислал ему

(Рагим беку) подарки, с музыкой и пальбой». Далее он предложил Ираклию И порвать с Ибрагим ханом, обещая взамен содействие в подчинении Гянджинского ханства, однако с условием, что там будет ханствовать фамилия Зияд оглы (53).

Опасаясь участвовавших набегов лезгинцев на приграничные районы Грузии, Ираклий был вынужден признать Рагим бека гянджинским правителем.

В это же время, когда Турция открыто содействовала выступлению против России, а в Южном Кавказе активно действовало посольство Ибрагима-эфенди, Фатали хан Гу-бинский стал особо настойчиво стремиться к установлению прочного мира с царем Ираклием. Если до 1784 года он, в основном, из-за гянджинского вопроса, тайно и явно враждовал с Ираклием II, то после изгнания войск Ираклия из Гянджи изменившаяся ситуация привела и к изменению взаимоотношений, ибо усиление позиций Ибрагим хана отнюдь не входило в расчеты Фатали хана.

Русская дипломатия также стремилась примирить Фатали хана с царем Ираклием, используя для этого вес усиливавшуюся заинтересованность хана в поддержке России (54).

В феврале 1786 года, после смерти хойского Ахмед хана, политического единомышленника Ибрагим хана, позиция последнего значительно ослабла. Весной того же года Ибрагим хану угрожала коалиция, состоявшаяся из губинского, ширванского и шекинского ханов (55). Яблоком раздора между Фатали ханом и Ибрагим ханом по прежнему была Гянджа.

В начале весны 1786 года но настоянию Ибрагим хана, его родственник, аварский Умма хан, совершил наступление на Гянджу и «взавши с одного города 5000 руб. контрибуции, отступил» (56), не сумев полностью захватить город, в Шушу, оставив однако часть войск близ р.Куры.

В мае того же года сам Ибрагим хан прибыл с войском в Гянджу, чтобы попытаться захватить город и стать единоличным его хозяином. Но грузинский царь не мог допустить усиления Ибрагим хана в Гяндже. С.Бурнашев, в своем рапорте от 1 июля 1786 года П.С.Потемкину, просил помочь царю Ираклию удержать город Гянджа в своих руках. По его словам для этого дела требовалось расположить в Мар-неули один батальон; именно этот батальон смог бы контролировать Газах и Гянджу. Далее он сообщал: «Когда Генжа подпадет под власть Ибрагим хана, Тифлис потерпит великий убыток по купечеству» (57).

25-го июня Ибрагим хан находясь под Гянджой, и держа город в осаде, отправил своего посланника Хазрат Гулу бека в Тифлис к царю Ираклию и предложил ему отправить с войском князя Андроникашвили, «для

управления по-прежнему» (58). Ираклий вынужден был согласиться, хотя не в его интересах было делиться с Ибрагим ханом властью в Гяндже. Однако напряженная обстановка в приграничных районах с Ахалцыхом требовала постоянного присутствия там царских войск.

Поэтому Ираклию пришлось пойти на уступки и вернуть Хазрат Гулу бека с нарочным обратно в Гянджу. Рагим беку, правителю Гянджи, предлагалось безпрекословно сдаться Ибрагим хану гарабахскому (59).

б) Политическая ситуация в регионе в период правления Джавад хана Зияд оглы

Дальнейшие события, происходившие в Гяндже, привели к тому, что приблизительно в начале лета 1786 года с помощью Ибрагим хана, гянджинский престол занял сын Шахверди хана Джавад хан Зияд оглы, а брат его, Рагим бек был вынужден найти убежище у Ираклия II. Многие авторы, в том числе П.С Бутков, указывают, что Джавад хану для занятия престола якобы помогал Ираклий II (60). Это предположение подтверждает и грузинский историк XIX века Платон Иоселиани, отмечавший, что Джавад хан вырос и воспитывался в Тифлисе, у Ираклия II. Однако после близкого ознакомления с архивными материалами становится ясно, что Ираклий II вряд ли имел какое-либо отношение к Джавад хану, тем более в случае утверждения его гянджинским ханом.

В письме Ибрагим хана, написанном 17 июля 1786 года Ираклию II, сообщалось об утверждении им «на время» по просьбе жителей Гянджи, правителем ханства Джавад хана (61). Но тем не менее, стараясь оправдать свой поступок перед царем Картли-Кахетии, Ибрагим хан через своего посланника Хазрат-Гулу бека устно передал следующее: «...когда царю не угодно иметь Джават хана в Генже, то и переменить его можно» (62).

Такое положение дел совсем не устраивало царя Ираклия II. В своем письме П.С.Потемкину он попросил подкрепления «чтобы умножили военных людей до трех тысяч оружейных..., дабы не дошло царство наше до крайней погибели» (63), ибо он был уверен, что только такими силами сможет заново подчинить себе Гянджу и Шамхор. В ответном письме П.С.Потемкин выражал сожаление потерей власти в Гяндже и Шамхоре, и обвинял в этом Ираклия, напоминая, что он с самого начала имел желание поставить в Гяндже батальон войск, но царь «дабы не навлечь неудовольствие жителям» не допустил этого (64). В ответном послании Ираклий оправдывая свой поступок сообщал: «...если бы мы тогда поставили в Гяндже батальон, то нам подвластные магометане и соседи наши негодую на нас восстали оружием и стали бы действовать противу нас» (65). В то же время

Ираклий считал потерю Гянджи и Шамхора «весьма неприятным фактом», поскольку «от сих мест получали немалые доходы» (66).

Таким образом, факты показывают, что несмотря на вынужденное согласие, приход Джавад хана к власти мало удовлетворял Ираклия II. Очевидно, также, что Ибрагим хан, сыгравший не последнюю роль в установлении Джавад хана на гянджинском престоле, искал пути примирения с Ираклием II, ибо ему было совсем не выгодно терять союзника, за которым стояла Россия. И поэтому, чтобы как-то угодить Ираклию II, Ибрагим хан решается на уступку Шамхора. Ему удается убедить Джавад хана, в том, что такой шаг предпринимается ради безопасности Гянджи со стороны Грузии. С этой миссией он отправляет к Ираклию II Хазрат-Гулу бека и мелика Мисаила. Их сопровождал находившийся в Шуше посланник царя Кайхосров Андрони-кашвили. Хазрат-Гулу бек от имени гарабахского хана сообщает, что последний не имеет никаких претензий на Шамхор. В свою очередь представитель Джавад хана мелик Мисаил передает, что в знак дружбы гянджинский хан отправляет царю половину своих годовых доходов. Однако, по настоянию полковника С.Д.Бурнашева, главы военно-дипломатической миссии России в Грузии, Ираклий II отказывает Хазрат-Гулу беку и приказывает передать Ибрагим хану следующее: если тот желает восстановить дружбу, то во-первых, без ведома царя не должен иметь никакие дела с Иреванским ханом и ни с кем кроме Джавад хана не переписываться в этой области. Во-вторых, Джавад хан должен подчиниться и Ибрагим хану и Ираклию, и чтобы город Гянджа вновь принадлежал обоим правителям. Кроме всего этого, Ибрагим хан не должен был иметь никакие отношения к Шамхору (67).

Возмущенные этими требованиями Ираклия II, посланники ханов гарабахского и гянджинского вернулись домой. Эти события намного ухудшили отношения с Ираклием II, а к концу 1786 года они приняли явно враждебный характер.

В начале 1787 года царь Ираклий II, имевший под ружьем до 6 тыс. человек, предложил С.Д.Бурнашеву совершить совместный поход на Гянджу и Гарабах. Однако, ведя выжидательную политику в отношении азербайджанских ханов, Бурнашев уклонился от этого предложения, аргументируя тем, что якобы Гарабах является иранским владением (68).

Важно отметить, что в своей борьбе против Гянджинского и Гарабахского ханств, Ираклий II опирался на армянских меликов Абова и Меджмуна, враждовавших все эти годы с Ибрагим ханом. На этот раз они открыто восстали против последнего. Укрепившись в своих владениях, один в Гюлистане, второй в Джараперте, они попросили Ираклия II дать разрешения на переселение в Грузию. Согласие царя означало открытую войну с Ибрагим ханом. Армяне из территории Гянджинского ханства в

количестве 2500 дворов тоже задумали переселиться в Грузию под руководством мелика Мисаила, бывшего посланника Джавад хана, предавшего его после возвращения из Тифлиса. Представители мелика Мисаила, отправленные к царю, заявили: если гянджинским армянам дадут земли в Грузии, они переселятся под власть царя Ираклия. Осенью 1787 года С.Д.Бурнашев известил обо всем этом П.С.Потемкина (69). Забегая вперед отметим, что мелик Мисаил не смог претворить в жизнь свой план, ибо вскоре был арестован сторонниками Джавад хана.

Накануне войны с Турцией внутреннее положение в Южном Кавказе осложнилось очередными волнениями в Гяндже. Требованию Ираклия II изгнать Джавад хана-ставленника Ибрагим хана, из Гянджи, местные жители отказались подчиниться. Тогда Ираклий объявил поход против Гянджи.

Следует отметить, что после восстановления самостоятельности Гянджинского ханства, жители Газаха и Бор-чалы, находившиеся под властью грузинского царя, выразили желание переселиться в Гянджу. Однако, были усмирены царем с помощью русских войск. Но тем не менее, 1500 семейств из Газаха во главе с Ахмед ага, смогли перебраться в Гянджу; туда же переселились еще 3200 дворов из Шамшадина (70).

В середине августа 1787 года грузинский отряд и русский батальон во главе с полковником С.Д.Бурнашевым выступили из Тифлиса и направились в сторону Гянджи.

Когда Ибрагим хан узнал об этом продвижении, он призвал к себе медиков Абова и Меджмуна и призвал их воздержаться от сношения с грузинским отрядом. Однако, мелики, давно ждавшие этого похода, обратились к Ираклию II с просьбой оказать им помощь в переселении в Грузию (71). Ираклий II послал им на подмогу 4 тысячное войско во главе с князем Орбелиани и своего сына царевича Юлона. После короткой битвы грузинские войска вынуждены были отступить (72).

Накануне этого похода Ираклий II сумел наладить дипломатические отношения с губинским Фатали ханом. Для этой цели в Губу был послан князь Георгий Цицианов (Гур-ген бек), а в Тифлис-посланник Фатали хана Гаджи Мирза Рагим. Это обстоятельство дало возможность Ираклию не только укрепить свои тылы, но и поиметь союзника в борьбе против Гарабахского хана, который покровительствовал Гяндже.

И на самом деле, сразу же после гянджинского похода совместных русско-грузинских сил, Фатали хан, объединившись с Мухаммад ханом шекинским, выступил против Ибрагим хана. Дело ухудшилось еще тем, что союзник Ибрагим хана Умма хан Аварский из-за болезни не смог помочь своему союзнику и выступить против Ираклия II и Фатали хана.

Тем временем, войска С.Д.Бурнашева достигли Гянджи и разбили лагерь в трех верстах от города. Вскоре сюда прибыли «посланцы

дербендского и нухинского ханов и предложили от их имени оставить Джавад хана гянджинского в покое» (73). Это обращение было связано с угрозой Умма хана разорить владения Фатали хана, в случае нападения на Гянджу и Гарабах. Такая опасность угрожала и Ираклию II.

Переговоры, начавшиеся с Джавад ханом, неожиданно прервались, поскольку 13-го сентября пришел приказ от генерал-поручика П.С.Потемкина о немедленном выводе русских батальонов из Южного Кавказа. С.Д.Бурнашев, желавший, все-таки, исполнить поручение Ираклия, но не имевший право поступиться приказом начальства, еще на три дня задержался у Гянджи (74). Его просьба, отправленная курьером к П.С.Потемкину, оставить батальон в Грузии хотя бы до весны, также была отклонена (75).

Решение о выводе русских войск из Грузии было подсказано ходом грузино-турецких переговоров и в связи с настойчивым требованием Турции об этом. Уже в начале октября 1787 года егерские батальоны полковника Бурнашева отбыли во Владикавказ. А между Гянджой и Картли-Кахетией установились компромиссные отношения. Ираклий II был вынужден признать независимость Гянджинского ханства. В связи с установлением мира в регионе, часть жителей Борчалы и Газаха, перешедшие под опеку Давад хана, вновь стали подданными грузинского царя (76).

Между тем, Турция самым очевидным образом шла на разрыв с Россией. По настоянию турецкого двора, Сулейман паша Ахалцихский настоял на выводе русских войск из Грузии; в случае неприемлимости этого предложения, он требовал не увеличивать их количества и не пользоваться ими в походах. За это Сулейман паша обязывался доставить Ираклию II утвердительную грамоту на неприкосновенность владения Гянджой и удержать горские народы от нападения на Грузию. В его письме особо отмечалось нижеследующее: если царь вовсе отклонит союз с Россией, то его ждут «великие за то награждения» от Турции и он получит в управление «многие окрестные земли» (77).

Очевидно, что под названием «окрестные земли» Сулейман паша подразумевал Гянджу и Иреван. Однако, после детального изучения данного вопроса, становится ясно, что это было только искушением для Грузии. На самом деле в этот период Турция поддерживала тесные связи с гянджинским ханством и дать возможность Ираклию II завладеть им, не входила в ее планы. Но не смотря на это, по настоянию России, Ираклий II отказался вести переговоры в предложенном направлении.

Итак, последняя война в XVIII веке между Россией и Турцией (1787-1791) началась, главным образом из-за Грузии. Но виновница, как и ее соседи с Южного Кавказа, в войне не участвовала. Выжидательная политика азербайджанских ханов во время этой войны свидетельствовала о том, что

проявление их недружелюбия в отношении Грузии было результатом не только того, что Грузия перешла под протекторат России, но и того, что они опасались установления гегемонии Грузии в Южном Кавказе.

Что касается Турции, то она по прежнему настаивала на уничтожении дороги через Кавказские горы, требовала от Ираклия II прекратить всякую переписку с русскими властями и не допустить прихода войск из России, отказаться от завоеваний в Азербайджане, т.е. от Гянджи и Иревана. Как и следовало ожидать, все эти условия были отвергнуты. Но вскоре Ираклий был вынужден пойти на мир с Турцией, и т.о. смог получить свободу действий в Азербайджане и Иране, где надеялся выступить в союзе с Фатали ханом Губинским.

В декабре 1788 года Ираклий II с помощью Фатали хана, а также шекинского Мухаммад Гасан хана смог захватить предместье Гянджи. В начале 1789 года грузинские войска во главе с сыном Ираклия, царевичем Вахтангом, одержали верх над Джавад ханом (78). Царь Картли-Кахетии, даже задумал устранить его от власти и учредить в Гяндже своего правителя. Но союзники воспротивились этому (79).

В январе 1789 г. во владениях Гянджинского ханства, на левом берегу р. Шамхор, состоялась встреча Фатали хана и Мухаммад Гасан хана с царем Ираклием. Знаменательно, что на этой встрече принимал участие и Джавад хан, незадолго до этого преподнесший губинскому хану «ключи от крепости» (80). Встреча окончательно решила вопрос похода на Гарабах, выработала план согласованных действий в Южном Азербайджане и разделила сферы влияния: Ираклию-весь Южный Кавказ, Фатали хану-Южный Азербайджан. Ираклий II и Фатали хан решили вести активную борьбу против Ага Мухаммад хана Гаджара и «действовать... под покровительством России» (81). На этой встрече был затронут вопрос о Гяндже и Шамшадиле; в конце концов было решено возвратить Шамшадилский магал Гянджинскому ханству, получившему известную самостоятельность (82).

«Гаджарская опасность», нависшая над Кавказом, должна была еще сильнее сплотить союзников. Однако «после окончания дружелюбных встреч Фатх Али-хан внезапно заболел, отправился в Ширван, и когда болезнь стала усиливаться, он поспешил к своей сестре Хадиджебике, в Баку, где и умер 22 марта 1203 (1789) г. на 53 году жизни» (83). Таким образом, совместный поход, запланированный на встрече союзников, был сорван.

Немаловажно отметить, что одним из поводов для намечавшегося выступления Ираклия был искусственно созданный в регионе «армянский вопрос». Еще в конце 80-х г. XVIII в. Ибрагим хан арестовал всех меликов, подозреваемых в связях с Россией. Но в конце-концов, эти мелики, предавшие Ибрагим хана, были освобождены из-под стражи с условием внесения контрибуции в размере по 15 тыс. рублей каждый (84). Некоторые

из них не желая, все-таки, подчиниться Ибрагим хану, решили с помощью Ираклия продолжить борьбу против нет. С этой целью они прибыли в Шамхор и начали готовиться к активному выступлению против Гарабахского хана Ибрагим хан потребовал от Джавад хана, во владениях которого укрылись мелики (среди них были и Абов с Меджлумом), предотвратить эту акцию и выдать взбунтовавшихся меликов. Джавад хан, связанный с Ираклием союзным обязательством, поставил последнего в известность с требованием Ибрагим хана. Ираклий, также на желавший осложнять отношения с Гарабахским ханом, согласился с выдачей меликов, но с условием возвращения укрывающихся у шушинского хана двухсот борчалинских семей (85). Мелики, потерявшие надежду на помощь со стороны Ираклия, собрали большое войско «из 2000 человек и расположились лагерем у реки Кура» (86). Предупрежденный Джавад ханом Ибрагим хан, договорившись с Умма ханом, отправил против меликов войско. Сражение, произошедшее между ним и меликами, было выиграно, но полное подчинение меликов не состоялось. Этому способствовало и усиление на юге власти Ага Мухаммад хана, который в 1791 г. провозгласил себя шахом, отложив коронавание на более поздний срок. В 1792 г. Ага Мухаммад хан окончательно изгнал из Гиляна своих двух братьев; а в 1793 г. он покончил со своим главным противником, ширазским Лютф Али ханом. Оставалось только напомнить ханствам Азербайджана и Картли-Кახетинскому царству об их вассальной зависимости. Позиция Иранского государства настораживала Ираклия II, который еще с конца 80-х гг. неоднократно указывал на неизбежность агрессии со стороны южного соседа (87). Еще в 1791 г. он сообщает Г.А.Потемкину, что движение на Азербайджан Ага Мухаммад хан предпримет с согласия Османской империи, которая якобы уступала ему власть над Кавказом. Чтобы оградить Грузию от «безвременной опасности» (88), Ираклий II направляет султану послание.

Совершенно очевидно, что слабая в военном отношении Грузия, имеющая непримиримые противоречия с Ираном, главным образом из-за Гянджи и Иревана, искала сближения с Турцией. Что касается русского правительства, то оно надеялось что Ага Мухаммад хан не осмелится напасть на владения, покровительствуемые Россией. К тому же, в Петербурге не имели отчетливого представления об изменении политической обстановки в Иране. Во время войны с Турцией, Г.А.Потемкин успокаивал императрицу Екатерину II победами русских войск над турками, но при этом, руководитель восточной политики, видимо, упустил из внимания «Гаджарскую опасность». Однако, Ираклий II и Ибрагим хан не могли не предвидеть эту опасность и поэтому вынуждены были примириться.

Анализ источников того периода показывает, что Ага Мухаммад хан, прекрасно понимая сложившуюся ситуацию, конечно, мог ожидать их

совместного выступления. Но он был уведомлен о том, что между азербайджанскими ханами не существует единства и договоренности о совместной защите, междоусобия поставили их во враждебное отношение друг к другу.

По приказу Ага Мухаммад хана его «приближенный Сулейман хан попытался пригласить в Тебриз «всех окрестных ханов...чтобы заставить их признать над собою власть Ага Магомед хана». В случае успешных переговоров должен был совершен совместный поход на Грузию (89). Однако, несмотря на явные угрозы со стороны Ага Мухаммад хана, азербайджанские ханы в большинстве своем не явились в Тебриз и отказались принять вассалитет Ирана. Только Джавад хан, бывший недовольный действиями Ираклия II и Ибрагим хана, и зная тем более, об их договоренности о разделе Гянджинского ханства, откликнулся на его призыв. Следует заметить, что брат Джавад хана, Рагим хан, изгнанный им из Гянджи еще в 1786 г. и нашедший кров у Ираклия II, искал с помощью последнего случая, вернуть гянджинский престол (90). На сторону Ага Мухаммад хана склонялся и текинский Мухаммад Гасан хан, веривший в его победу

На встрече с Ага Мухаммад ханом Джавад хан, надеясь на поддержку Ирана, обещал им содействие в походе против Картли-Кахетинского царства.

Переговоры Джавад хана с Ага Мухаммад ханом крайне беспокоили Ираклия. Именно поэтому он через своего сына, царевича Мириана, находившегося в это время в России, попросил защиты у русского императора (91).

В начале 1795 г. агрессивные намерения иранского шаха уже не подлежали сомнению. Посол царя Ираклия II в Петербурге князь Чавчавадзе просил русское правительство о посылке в Грузию 5-6 полков; вскоре он обратился к императрице, напоминая об обязательствах по договору о покровительстве (92).

В мае 1795г. по приказу Ага Мухаммад хана, в Ардабиле, под руководством Нурали хана начали собирать войско для наступления на Южный Кавказ. Весной 1795г. Ага Мухаммад хан начал этот поход. Он собрал огромную армию, насчитывающую, по мнению современников, около 85 тыс. воинов. Переправившись через Араке, он сразу же послал своего брата Али Гулу хана с войсками на Иреван; город без сопротивления подчинился ему. Взяв у Иреванского хана огромную сумму контрибуций, жену и сына в залог, Али Гулу хан объединился с силами самого Ага Мухаммад хана в Гарабахе (93).

В июне войска Ага Мухаммад хана достигли Шушу и предприняли несколько безуспешных штурмов крепости; тогда иранский шах решил пойти на переговоры. Но Ибрагим хан, зная его вероломство и хитрость, ни только не пошел на переговоры, но даже предпринял ночную вылазку. Очевидец

событий, шушинец Мирза Адигезал бек свидетельствовал, что войска Ага Мухаммад хана «повреждались» от мужественных набегов и героических ударов «счастливых» войск Гарабаха (94).

Осада Шуши длилась 33 дня. Наконец Ага Мухаммад хан убедился в тщетности своего намерения взять крепость в короткий срок и в начале августа выступил в Грузию, оставив в тылу Гарабахское ханство (95). В этом была не малая заслуга и Джавад хана, который во время осады крепости Шуши находился в лагере Ага Мухаммад хана и старался убедить его прекратить осаду Шуши и идти на Тифлис (96).

По предположению М.Броссе, поводом для вторжения персов в Тифлис, помимо неповиновения Ираклия, явилась и карательная экспедиция грузин против Гянджи, которую они предприняли во время осады иранцами Шуши (97). Сам же Ираклий, еще 29 августа писал Чавчавадзе, что Ага Мухаммад хан предпринимает поход для того, чтобы отнять у него Гянджу и Иреван, которыми он якобы владеет уже сорок пять лет и которые приведены под покровительство России (98).

Так или иначе, но настойчивые советы приближенных склонили Ага Мухаммад хана к походу против Грузии.

Из-под Шуши иранские войска двинулись в Агдам, куда Джавад хан гянджинский и Мухаммад Гасан хан ше-кинский привели свои отряды, которыми пополнили войска Ага Мухаммад хана. Эти же ханы снабжали армию продовольствием и провиантом. Старые враги Ибрагим хана, армянские мелики Абов и Меджлум изменив царю Ираклию, также перешли на сторону Ага Мухаммад хана и взялись проводить иранские войска в Тифлис (99).

В первый числа сентября войска Ага Мухаммад хана вступили в Гянджу. Узнав об этом, Ираклий не дождавшись помощи русских войск, заключил союз с Имеретинским царем Соломоном. Собрав общей численностью около 5 тыс. войск, союзники подошли к границе и расположились в Газахском магале, близ реки Инджа (100).

Однако, по ряду причин (в основном из-за интриг, разыгравшихся в царской семье), грузины не смогли приготовить Тифлис к обороне. Малочисленность войск также ставила Ираклия в нерешительное положение. Именно, поэтому, в последний момент Ираклий решил отступить в Тифлис (101). Такой поворот событий не понравился имеретинцам. Отказавшись воевать, они решили вернуться в Имеретию, и согласно источнику, даже по пути домой грабили окрестные села, и «с имуществом удалялись в горы» (102).

Узнав об этом конфликте, а также о слабой обороне Тифлиса, Ага Мухаммад хан решил немедленно начать наступление. Он двинулся из Гянджи и к 10-му сентября уже находился близ Тифлиса. Остановившись на

ночлег- в местечке Соганлыг (103), передовые отряды, «предводимые гарабагским меликом Меджлумом» (104), рано утром атаковали грузинскую столицу. Уже к вечеру того же дня иранским войскам удалось захватить город, который защищался небольшим, по сравнению с наступающим противником, количеством воинов. Несмотря на неравный бой противник потерял большое количество людей, среди которых был и мелик Меджлум, убитый внуком Ираклия, царевичем Давидом (105).

Итак, 12 сентября 1795 года город Тифлис был взят войсками Ага Мухаммад хана. Описывая это событие, Бутков писал: «Ага Магомет хан примчался с конницей, как утверждают, в одни сутки от Ганжи до Тифлиса, расстояния 120 верст... имея при себе и ганжийцев и эриванцев...взял беззащитный город... ограбил его, сжег все, что только объять мог, из царского дворца сделал гору из глыб; мост каменный через Куру, соединяющий предместье Авлабар с Тифлисом, разрушил. Он взял при ограблении Тифлиса корону, скипетр, пожалованные от Российского двора и 12 орудий, подаренные Ираклию от Екатерины II, увлек в неволю 10 тыс. душ христиан, столько же расхищено соседними владельцами» (106).

Оставив Тифлис, Ираклий II укрепился в местечке Душет (107). Однако, Ага Мухаммад хан решил вступить с Ираклием в переговоры, поскольку до него доходили слухи о приближении русских войск. Посыльный, отправленный к Ираклию II передал ему следующий пакет предложений: выдать пришедших к нему на помощь гарабахских жителей; послать в качестве аманата нескольких приближенных лиц, в том числе одного из сыновей; принять подданство Ирана (108). Наряду с этим иранский государь требовал от Ираклия II «большой белый алмаз, доставшийся грузинским царям от Аззат хана и часы, подаренные кн.Потемкиным и висевшие в диване (совете)» (109). Взамен он обязался вернуть всех пленных, количество, которых уже достигло 30 тыс. человек, восстановить все разрушенное в Тифлисе и заключить с Ираклием дружественный союз (110).

Считая свое положение безвыходным, Ираклий готовился согласиться на эти требования и отправить в качестве аманата своего внука Давида. Однако, генерал Гудович посоветовал царю в ожидании обещанной помощи продлить время переговоров (111). Кроме того, есть сведения и о том, что в заключении союза между Ираклием и Ага Мухаммад ханом негативную, а может даже двоякую роль сыграл Джавад хан (112). С одной стороны он уверил Ага Мухаммад хана в неискренности Ираклия II, утверждая о его связях с русскими, с другой-втайне от иранского шаха написал Ираклию, о своей верности ему и предложил свое посредничество между ним и Ага Мухаммад ханом (113).

Грузинские высокопоставленные чины настаивали на скорейшем наступлении русских войск против Ирана. 25 ноября 1795г. князь Чавчавадзе

писал И.А.Остермапу: « Будет плохо, если сейчас же не последует помощи царю Ираклию, чтобы идти ему против разорителя, так как Ага Мухаммад хан причинил обиду великой России разорением Грузии» (114). Настаивая на присылке дополнительной помощи, грузинский двор и ряд азербайджанских правителей думали и о расправе со своими внутренними врагами.

Следует заметить, что в силу разыгравшихся событий, вновь обострился самый больной вопрос во внутренних отношениях южно кавказских правителей в конце XVIII в. - вопрос о подчинении Гянджи.

Потеряв после ухода иранских войск своего покровителя, Джавад хан если и стремился разладить свои отношения с Ираклием, однако подчиняться ему он вовсе не желал. Со своей стороны Ираклий II не хотел отказываться от своих притязаний на Гянджу и поэтому, в феврале 1796г. отправил на азербайджанский город трехтысячное войско под руководством своего сына царевича Александра. Следует отметить, что после нашествия Ага Мухаммад хана, войска Картли-Кахетии еще не смогли восстановить свою былую мощь и как отмечает в своем рапорте полковник Сырохнеев гр. Зубову от 11 июня 1796 г., «их нельзя было назвать войском, так как люди босые, с палками, без ружей» (115). Поэтому, не прошло и трех месяцев со дня наступления на Гянджу, как все воины царевича Александра дезертировали. Сохранилось, письмо Ираклию II, написанное Ибрагим ханом, также заинтересованным гянджинским вопросом: «Гянджа есть общий наш враг., нужно сему делу нам положить конец» (116).

Однако, это совсем не означало, что Ибрагим хан был согласен с укреплением Ираклия в Гяндже. Поэтому, решив опередить его, уже в марте 1796г. они совместно с Умма ханом аварским подошли к Гяндже и осадили ее.

Именно в это время до Ираклия II дошла весть о переправлении русских войск через Терек; почувствовав себя увереннее, Ираклий II отказал посольным хана, которые пытались начать переговоры. 20-го сентября, по решению Совета, созванного в Тифлисе на восьмой день пребывания противника в городе, войска Ага Мухаммад хана оставили разрушенную и разграбленную столицу и вернулись на Муганскую степь.

Нашествие Ага Мухаммад хана было тяжелым бедствием, подорвавшим и без того слабые ресурсы Картли- Кахетинского царства. Страна еще более обезлюдилась. Посол Кочубей писал 1-го января 1796 г. фельдмаршалу Румянцеву-Задунайскому, что «в Грузии было захваченно так много пленных, что их продавали по 20-15 пиастров за человека» (117). В «Обзрении истории Грузинского народа» имеется сведение о том, что отступая, Ага Мухаммад хан привел в Гянджу около 30 тыс. пленных грузин, которые были проданы в рабство в Иран и Турцию (118). В этом деле

участвовал и Джавад хан, который «скупал у персидских солдат и драгоценные вещи, награбленные ими при разгроме Грузии» (119).

После получения в Петербурге рапорта генерала Гудовича от 23-го сентября о нападении Ага Мухаммад хана на Тифлис (120), совет при Екатерине II, 18-го октября постановил изгнать персов из Южного Кавказа, совершить и «дальнейший поход, если генерал Гудович найдет нужным» (121). В рескрипте на имя генерала Гудовича императрица в ноябре 1795г. ставила задачу: «опрокинуть скопище Ага Магомет хана поражением и преследованием, искоренить властителя сего, если дерзнет он до конца противиться полззам и воле нашей» (122).

Пока Ираклий вторично собирал войско, Ибрагим хан приступил в переговоры с Джавад ханом и как только дошла до него весть о выступлении войск Ираклия из Тифлиса, заключил союз с гянджинским ханом. Взяв с него контрибуцию в размере 10 тыс. рублей и в аманаты сына и сестру его, гарабахский хан отступил от крепости. Аварский хан довольствовался тем, что получил за каждого своего воина по 40 рубл. и тоже вернулся в свои владения (123).

Когда в мае 1796 г. войска Ираклия II подошли к стенам Гянджи, то оказались перед фактом заключения союза Джавад ханом и Ибрагим ханом. Картли-кахетинцы были вынуждены довольствоваться только тем, что смогли вернуть 400 пленных, находившихся в Гяндже и не желая усложнять обстановку вернулись обратно в Тифлис (124).

Между тем, следует отметить, что после смерти Фатали хана губинского и распада созданного им объединения части земель Азербайджана вокруг Губинского ханства (1789), на фоне всего Азербайджана стало просматриваться как наиболее обширное государственное образование ханство Гарабахское. Особенно в 90-х годах Гарабахское ханство оказалось наиболее сильным в экономическом и политическом отношениях государством Азербайджана. Усиление угрозы со стороны Ирана заставило Ибрагим хана отказаться от своей двойственной политики в отношении России, заключить союз с Картли-Кახетинским царством, провести ряд мероприятий по укреплению обороны Гарабахского ханства (125).

В таких условиях русское правительство приняло решение о войне с Ираном, где у власти уже стоял Ага Мухаммад шах Гаджар, коронованный по примеру Надир шаха в Мугане в ноябре 1795г. Общее командование походом было поручено графу Валериану Зубову (126), брату фаворита императрицы Платона Зубова. Участвовавшие в походе войска состояли из трех корпусов: Главного, Каспийского и корпуса генерала Булгакова. Кроме того, действовали многочисленные отряды - Савельева в Дагестане, Сырхнеева в Грузии, отряды в Баку и на о. Сары. Общая численность войск

достигала 20.954 воинов (127). Цель похода заключалась прежде всего в установлении гегемонии России в Южном Кавказе, а также во восстановлении власти царя Ираклия во всех его владениях. Анализ прошлого показало, что политика, направленная на усиление Грузии в Южном Кавказе, не содействовала укреплению мира и установлению власти в этом крае. Наоборот, она вела к обострению обстановки в Азербайджане и Дагестане не в пользу России.

Еще в декабре 1795 г., во главе с генерал-майором Савельевым, из Кизляра в направлении Дербенда выступили три батальона и один эскадрон легионной казачьей команды с шестью орудиями и двухмесячным провиантом (128). Дербендский Шейх Али хан, узнав о наступлении русских войск, уведомил Ага Мухаммад шаха. Тем временем, уже к 15 февраля следующего года, отряд Савельева подошел к Дербенду, но не смог предпринять решительных действий против укрепленной городской крепости. Тем не менее, Шейх Али хан обратился за помощью к Ага Мухаммад шаху, который под предлогом усталости своих воинов «дал надежду будущим легом подкрепить его» (129). Считая это предлогом, генерал Гудович связывал отказ в участии обороне с появлением отряда Савельева в Дербенде: «хан заявил, что с русскими воевать он не будет» (130).

Российские войска, которые должны были принять участие в походе, собрались вблизи Кизляра под командованием В.Зубова. 19 февраля 1796 г. он получил подробную инструкцию, где Екатерина II предлагала ему привлечь местных владетели к России, действуя ласками и уговорами, а также проявляя снисходительность (131). Кроме того, императрица рекомендовала план военной операции, согласно которому русские войска должны были действовать по трем направлениям. 1) Каспийский флот, с наступлением в Бакинское и Тальшское ханства; 2) Кавказский корпус, с наступлением из Грузии на Гянджу и Гарабах, 3) Главный корпус, с наступлением от Кизляра, через Дербенд и Баку до устьев рек Араке и Кура (132).

Поход русских в Азербайджан начался 15 апреля 1796 г. выступлением Главного корпуса во главе с В.Зубовым на Дербенд, который, как и во все времена, считался важнейшим стратегическим пунктом, ключем к Азербайджану с севера (133). Российские войска в течении нескольких дней подвергали крепость бомбардировке и 10-го мая смогли захватить Дербенд. Вступив в город, В.Зубов назначил его правительницей дочь Фатали хана Периджа ханум.

24 мая 1796 года русские войска выступили из Дербенда в сторону Баку. Узнав о приближении В.Зубова с войском, Бакинский Гусейн Гулу хан 13-го июня прибыл к нему в лагерь и преподнес ключи от города. В.Зубов

направил в Баку отряд ген. майора Рахманова, который состоял из 3-х батальонов пехоты и 2-х эскадронов конницы (134). После вступления русских войск в Баку, там была создана база провианта, доставляемого сюда морем.

Из Баку войска В.Зубова двинулись в сторону Шама-хы и остановились лагерем в местности Гурт-булаг яйлагы (135). Мирза Джамал Джаваншир сообщает, что когда весть о прибытии российских войск под командованием В.Зубова в Шамахы дошла до Ибрагим хана, он послал на встречу им «своего сына Абульфат хана с сыновьями некоторых беков Гарабаха, с подарками и породистыми лошадьми, изъявив свою покорность и искренние чувства к высокому Российскому государству» (136). В свою очередь, по словам того же автора, «оказав большие почести Абульфату и другим сыновьям беков Гарабаха, главнокомандующий отправил прошение Ибрагим хана Ее Величестве Императрице, а с одним князем послал богатые подарки Ибрагим хану, обнадежив его вечной милостью ее величества царицы» (137). Несмотря на кажущиеся дружественные отношения Ибрагим хана с В.Зубовым, он все-таки опасался своего низвержения, передачи власти над Гарабахом армянским меликам. Интересно, в этом отношении заключение П.Буткова: «Чем чаще Зубов производил сношения свои с ханами, Ибраим ханом шушинским, Селим ханом шекинским, Джават ханом ганжийским и другими азербиджанскими ханами, тем труднее было скрыть от них, что в настоящем походе российских войск кроется освобождение из под магометанского ига христиан, кои знатнейшее население областей их составляли» (138). Тем не менее, опасность со стороны Ага Мухаммад шаха, заставляла гарабахского хана сохранить верноподданничество России. В этой связи Ибрагим хан писал В.Зубову. «По преданности моей к России, прошу признавать меня и город мой как бы своим... Прошу не замедлить посылкою сюда 12 тыс. войск, с которыми я бы приступил по Нахчыванской дороге к нанизанию российских неприятелей» (139). Из этого письма ясно видно, что отношение гарабахского хана к русским войскам было вопросом политики, в обстановке опасностей, грозивших ему, Ибрагим хан сделал свой окончательный выбор и обратился к В.Зубову. Очевидно, его пугали действия иранских войск при их предыдущих походах на Южный Кавказ.

В этот сложный период не только Ибрагим хан, но и Джавад хан пытались воспользоваться российской помощью. Владениям Джавад хана постоянно угрожали с запада и востока, на них претендовали Ираклий II и Ибрагим хан. Это была весьма реальная угроза. Напряженные отношения к российскому корпусу создали бы в этих условиях гянджинскому хану еще одного сильного врага.

Именно поэтому, Джавад хан в своем сентябрьском обращении к В.Зубову, упоминая об иранской угрозе, просил о скорейшем прибытии российских войск в Гянджу (140). Такая мотивировка, видимо, была избрана Джавад ханом в угоду российского правительства, в подданство которого в силу угрозы со стороны Гарабаха и Картли-Кахетии, он хотел вступить.

Согласно дошедшим до нас сведениям, можно предположить, что Джавад хан был осведомлен и о российских планах о передаче его владений Ираклию II. В рескрипте от 19 февраля 1796г. Екатерина II предписывала В.Зубову присоединить к Грузии Гянджу и Иреван; тогда, по ее словам, Грузия «усилившись, и без помощи России сможет производить поиски, весьма для нас полезные при случае войны с турками» (141). Исходя из всего этого, можно наверняка заключить, что своим обращением к русским, Джавад хан пытался предотвратить захват своих владений.

Со своей стороны Ираклий II также надеялся овладеть Гянджой и все свои чаяния связывал с успехами российских войск в Азербайджане. Еще в июне, он отправил своих посланников к В.Зубову и признавая свои силы недостаточными для овладения Гянджой, просил у него помощи В ответе ему В.Зубов подтвердил реальность захвата Гянджи путем военных действий (142).

Следует также отметить и другое обращение Ираклия к В.Зубову через майора Вердеревского, в котором он просил не откладывать захват Гянджи до осени, указывал на лучшую переправу через реку Кура у «местечка Мингачеи» (143).

В начале октября 1796г. В.Зубов получил подкрепление для своего корпуса. Эти подкрепления, состоявшие из двух кавалерийских корпусов, одного батальона пехоты и 6 полевых пушек, были привезены князем Цициановым по дербендской дороге (144). После этого был выделен довольно сильный отряд, насчитывающий до 4-х тысяч человек. Именно этот отряд должен был двигаться к Гяндже и захватить ее. Отрядом этим, в состав которого входили второй батальон Кубанского егерского корпуса, гренадерский батальон, 7 эскадронов таганрогского драгунского полка, Павлоградский легкоконный полк, донские казачьи Кирева и Орлова полки, а также шесть полевых орудий командовал генерал-майор Римский-Корсаков (145). В планы его, составленные В.Зубовым, входили следуя к Гяндже, вызвать из Тифлиса подкрепление (отряды полковника Сырохнеева), занять крепость, ввести туда гарнизон, а с остальными войсками расположиться близ города и ожидать там дальнейшего распоряжения главнокомандующего. Затруднений, согласно прогнозам специалистов, не предвиделось; ибо в то время явно ощущалась склонность Джавад хана к России Но тем не менее Римский-Корсаков имел следующее предписание от В.Зубова, в случае сопротивления жителей, овладеть Гянджой силою.

21 октября, отряд генерал-майора Римский-Корсакова выступил из российского лагеря при р.Пирсагат и взял направление на Гянджу через земли Селим хана шекинского. По рекомендации Ираклия II, отряд шел к мингечаурской переправе через Куру. Послав вперед группу разведчиков под руководством дивизионного квартирмейстера Тихонова, генерал удостоверился в благополучии и безопасности пути следования. Отряд переправился через р. Куру, на 30-ти понтонах (146).

13 декабря отряд русских войск достиг Гянджи и без сопротивления занял крепость (147). Джавад хан лично поднес ключи от городских ворот, стараясь показать себя человеком преданным (148), и даже подписал присяжной лист. Затем, по требованию русского генерала, Джавад хан был вынужден освободить крепость от жителей и расположить в ней гарнизон российских войск. Сам он получил разрешения остаться со своими людьми в крепости еще на максимум 6 дней (149).

Назначив полковника Воейкова комендантом гянджинской крепости, генерал Римский-Корсаков расположил там батальон пехоты и все шесть орудий, находившихся в отряде. А сам, в ожидании прибытия отряда Сырохнеева из Тифлиса и дальнейших распоряжений В.Зубова, расположился недалеко от города. Тем временем, Римский-Корсаков получил сведения от Сырохнеева, который не мог выступить из Тифлиса, поскольку по указанию Ираклия II, ему должны были предоставить волов для передвижного транспорта (150).

Согласно предписанию В.Зубова отряд Римского-Корсакова должен был твердо стоять при Гяндже. В дальнейшем генерал должен был убедить Ираклия II, в необходимости наступления на позиции Ага Мухаммад шаха, захватившего Иреванское ханство. Этот же отряд должен был оказать давление на азербайджанских ханов и прежде всего на Ибрагим хана тушинского и заставить их направить свои войска на Ардабил и Тебриз (151), таким образом был бы нанесен сильный удар власти Ага Мухаммад шаха. План этот предполагалось реализовать весной 1797 г.

Однако смерть Екатерины II 6-го ноября 1796 г. изменила ход событий. Вступивший на российский престол Павел I (1796-1801), отличавшийся неуравновешенностью характера, распорядился о быстрейшем выводе российских войск из Южного Кавказа. Всем командирам полков были посланы именные рескрипты о выводе войск на Кавказскую линию. Командование всеми войсками, расположившимися на Кавказской линии, было поручено генералу Гудовичу, заменившему вышедшего в отставку В.Зубова.

Согласно исторической литературе, такое распоряжение Павла I, возможно, объясняется его натянутыми отношениями с рядом европейских государств, а также тяжелым финансовым положением Российского

государства и обострением классовых отношений в самой стране. Также следует отметить, что политика Павла I, полностью противоречила политике его матери, Екатерины II (152).

Итак, вывод российских войск из Азербайджана согласно царскому рескрипту, начался в декабре 1797 г. Тогда же отряд Римский-Корсакова покинул пределы Гянджинского ханства. Однако, русское правительство вовсе не хотело иметь впредь дела с непокорным и ненадежным по отношению к нему Джавад ханом. Интересно в этом отношении сообщение А.Бакиханова: «...когда русские оставляли крепость Гянджу, то они отдали ее не ему (т.е. Джавад хану, Э.Б.), а грузинскому валию. Ираклий хан грузинский, Ибрагим хан Карабахский и Селим хан Шекинский пришли с войсками в Гянджу, чтобы от имени Ираклия хана утвердить ее владельцем Али-Султана Шамшадилского. Джавад хан хотел бежать, но его жена Шюкуфа ханум остановила его и послала Али-Султану напоминание о том, что когда он находился в тюрьме и был обречен на смерть, то она испросила ему у Джавад хана свободу и прощение. Тронутый воспоминанием, Али-Султан тотчас явился к Джавад хану, покорился ему и отказался от всех притязаний на управление. Тогда народ и все прочие ханы удивляясь его великодушию, оставили Джавад хана при его достоинстве» (153), Таким образом, Джавад хану вновь удалось сохранить свою власть в Гяндже.

Приказ Павла I о выводе русских войск из Южного Кавказа, дал возможность Ага Мухаммад шаху возобновить свой северный поход. Если он, до этого не решался непосредственно вмешиваться в дела северно-азербайджанских ханств, то уход русских войск развязал ему руки. Ага Мухаммад шах, под угрозой смерти, велел Ибрагим хану Гара-бахскому передать ханство своему сыну, а самому отправиться в Мекку на богомолье (154). От царя Ираклия II он вновь потребовал покорности, угрожая в противном случае тем, «что царь сам может себе представить». В фирмане от 9 июня 1797г., содержавшем эту угрозу, Ага Мухаммад шах представил уход русских войск как проявление страха перед ним (155).

Следует отметить, что после первого похода Ага Мухаммад хана, во многих регионах Азербайджана царил голод. Особенно тяжелым было положение в Гарабахском и Гянджинском ханствах, наиболее пострадавшим от предыдущего разорительного похода иранских войск (156). В Гяндже четверть хлеба продавалась за 30 руб. серебром. На почве голода там возникла чумная эпидемия и население начало покидать свои насиженные места.

Весною 1797 г. Ага Мухаммад шах стал готовить свои войска для нового-второго похода в Азербайджан. В первую очередь подвергся нападению Нахчыван: Ага Мухаммад шах послал одного из своих сардаров с приказом разрушить села Нахчыванского ханства, а жителей понудить уйти в

Иран. Нахчыванский хан, явившийся к Ага Мухаммад шаху с просьбой отменить этот грозный приказ, был схвачен и предан мучительной смерти (157).

В условиях голода и опустошения Гарабаха Ибрагим хан осознал бесполезность новой обороны Шуши, а также во избежание лишних жертв удалился в горы Джаро-Белоканской области (158). В это время Ага Мухаммад шах грабил и разорял Тальшское ханство, владетель которого Мустафа хан отказался подчиняться ему и поддерживал дружественные отношения с Россией. Когда Ага Мухаммад шаха достигла весть об отъезде Ибрагим хана из Шуши, то он с 12-тысячной конницей двинулся на Гарабах. Иранский шах намеревался захватить его родственников и перехватить в пути самого Ибрагим хана (159). На этот раз Ага Мухаммад шах занял Шушу без единого выстрела. Правителем Гарабахского ханства он назначил Мухаммад (Мамед) бека (160), племянника и противника Ибрагим хана.

Прибытие в Гарабах иранских войск изменило политическую обстановку в Северном Азербайджане. Проиранские силы сделались хозяевами положения. Шейх Али хан Губинский и Мустафа хан Ширванский изгнав поставленных В.Зубовым ханов, возвратили себе власть. А ханы, так или иначе связанные с Россией, подверглись гонениям.

Голод, разруха и эпидемия, свирепствовавшие в Гянджинском ханстве в это время, не позволили Джавад хану оказать должное сопротивление иранской армии. Надеясь на свои старые заслуги, он по требованию Ага Мухаммад шаха, в начале июня, явился в Шушу. Но, обвинив Джавад хана в неоказании русским сопротивления, Ага Мухаммад шах под угрозой казни заключил его под стражу (161).

Та же участь постигла и Гусейн Гулу хана Бакинского (162). По свидетельству современников, Ага Мухаммад шах чинил жесточайшие издевательства и пытки над безоружными людьми, обвиняемых в связях с Россией, в участии обороне Шуши, в службе Ибрагим хану и т.п. Согласно этим же авторам Ага Мухаммад шах никогда не отменял своих приговоров. Исходя из сопоставления данных источников, вероятно, именно поэтому на восьмой день после захвата Шуши, Ага Мухаммад шах был убит (163).

Воспользовавшись сумятицей, Джавад хан Гянджинский освободился из заключения и поторопился в свои владения. Согласно данным Мирза Джамала Джаваншира, он как и грузинский царь и шамахинский Мустафа хан выразил свою поддержку Ибрагим хану, находившемуся в то время еще в Балакране (164).

А гарабахский престол в это время старался занять Мухаммад бек, который доверившись лживым обещаниям некоторых противников своего дяди, выступил против него. По свидетельству Мирза Джамала Джаваншира, Мухаммад бек действовал по наущению шекинского Мухаммад Гасан хана,

который обещал ему ни только свою дочь, но и все свое ханство (165). Ахмед бек Джаваншир, внук Мухаммад бека, в своем труде, посвященном политическому состоянию Гарабахского ханства, всячески старался изобразить своего деда более достойным правителем ханства. Любопытно, что в отличие от Мирза Джамала, он вместо имени шекинского хана называет имя Джавад хана, который якобы желал породниться с Мухаммад беком и подговаривал его покончить с Ибрагим ханом (166). Исходя из политической ситуации того периода, а также отношения Джавад хана к своему старому противнику Ибрагим хану, можно довериться сведениям Ахмед бека Джаваншира, и заключить, что Джавад хан, и на самом деле, вряд ли хотел возвращения Ибрагим хана к власти. Однако, все попытки Мухаммад бека, не смогли воспрепятствовать возвращению Ибрагим хана в Шушу. Поэтому, несмотря на то, что он «объявил себя независимым владельцем и действительно был таковым несколько дней» (167), то после прибытия Ибрагим хана в Шушу ему пришлось бежать к текинскому Мухаммад Гасан хану, которого он считал своим союзником. Последний схватил Мухаммад бека и отправил его к Мустафа хану Ширванскому, «который убил его, мстя за кровь отца и братьев своих, умерщвленных им по воле Фатх Али-хана Кубинского» (168).

После убийства Ага Мухаммад шаха, в Иране воцарился его племянник Фатали шах, правивший в стране до 1834. Гарабахский, гянджинский, бакинский и губинский ханы отправили к нему послов с подарками и поздравлениями, а также попросили его покровительства. Хотя было ясно, что этим они выражали лишь формальное подчинение, но тем не менее, войну, начатую своим предшественником, Фатали шах не продолжил.

Таким образом, в конце 90-х годов XVIII века Гянджинское ханство вновь приобрело политическую и экономическую самостоятельность, а Джавад хан стал укреплять свои владения и вести независимый курс к урегулированию отношений с соседними государствами, некоторые из которых переживали не лучшие свои времена. Так, в Гарабахском ханстве, согласно единственному в своем роде сведению Ахмед бека Джаваншира, происходили политические события, разделившие ханство на два противоборствующие лагеря; «В Шуше сановники ханства, забравшие по старости лет хана все дела управления в свои руки, разделились на две враждебные группы; одна из них в ожидании русского вмешательства в дела Закавказья ни в коем случае не хотела подчиняться Ирану, другая же, напротив... всеми мерами старалась угодить Иранскому государю» (169).

Очевидно, что, ситуация, сложившаяся в гарабахском ханстве в конце XVIII в., освобождала Джавад хана от каких-либо претензий Ибрагим хана.

Второе соседнее государство, выступавшее со своими притязаниями к Гянджинскому ханству, а именно Картли-Кахетинское царство, переживало в

этот период гораздо худшие времена, нежели Гарабахское ханство. В конце 90-х годов XVIII в. внутреннее неблагополучие в Грузии дошло до своего апогея. Престарелый царь уже не был в состоянии управлять всем государством. Участились набеги лезгин и джарцев (170).

В такое тяжелое время, 11-го января 1798 г., в Телаве, на 80-м году жизни скончался Ираклий II. С его смертью усилилась борьба за престол, которая началась еще при его жизни. Несмотря на попытки царицы Дареджан, старший сын Ираклия II Георгий был провозглашен царем, а его сын Давид наследником. Это событие стало поводом для начала междоусобия и раздора царевичей в борьбе за грузинский престол и в дальнейшем повлияло на ход событий, происходящих в Гяндже (171). Разъехавшие в разные места со своим окружением царевичи отклонились от повиновения и «призвали на помощь шамшадильского султана, Умма хана аварского, Ибрагим хана Шушинского, Джават хана Гянджинского...» - писал Гудович в своем рапорте от 8 февраля 1798 г. Павлу I (172).

В это же время (5-го июня 1798 г.) новый правитель Ирана Фатали шах, угрожая страшным разорением, потребовал от царя Георгия XII признания зависимости Грузии от Ирана (173). 5-го июля царевич Давид, бывший в то время полковником русской службы, отправил в Коллегию иностранных дел, переведенный им на русский язык ханский фирман и при этом заявил, что в случае промедления с помощью, Грузия вынуждена будет «против желания признать над собою власть шаха» (174). Кроме того, в своем письме от 21-го июля, он сообщал Лашкареву, что его отец собирается послать Фатали шаху князя Георгия Цицишвили, с подарками, стараясь доказать, что этого требует «политика» (175).

Заметим, что отношения между Джавад ханом и Георгием XII, в первую пору были неоднозначными. Отметим и весьма неустойчивую политику Джавад хана, который лавируя между Ираном и Россией, отдавал предпочтение то одному, то другому государству, исходя из их реального политического положения. Такая политика выражала в себе только одну цель: закрепить ханскую власть и поднять мощь Гянджинского ханства.

А Георгий XII, в начале своего царствования, чтобы расположить к себе Джавад хана, обещал возратить ему Шамшадил, «... в коей до 4 тыс. домов или семей... Сия провинция всегда принадлежала к Ганже, но царем Ираклием присвоена к Грузии» (176). Исходя из этого, в дальнейшем вся политическая борьба между Гянджинским ханством и Картли-Кахетией заключила в себе так называемый «Шамшадилский вопрос».

Таким образом, катаклизмы происходящие в этот период в Южном Кавказе, вынудили правительство Восточной Грузии искать покровительства России. В своем послании Павлу I и канцлеру Безбородко от 11-го октября 1798 г. Георгий XII просил утвердить его на царство, а сына Давида-

наследником. Кроме того, он просил прислать в Грузию «на вечное пребывание» трехтысячный корпус, а в случае нападения на Грузию-еще дополнительный семитысячный корпус (177). 16 декабря посол Чавчавадзе также представил ноту о возобновлении договора о протекторате. 11 февраля 1799 Коллегия иностранных дел дала ему положительный ответ, одновременно извещая об отправке в Грузию трех тысяч солдат с артиллерией и об отъезде туда полномочного министра П.И.Коваленского (178).

В ноябре 1799г. в Восточную Грузию прибыли 46-й егерский полк под командованием генерала Лазарева, а в декабре полномочный министр в Грузии П.И.Коваленский с утвердительной грамотой. Главнокомандующим войск в Грузии был назначен генерал-лейтенант Кнорринг.

Однако расположение русских войск в Грузии явно противоречило чаяниям многих владетелей Азербайджана и Дагестана, а также иранского шаха, которые осознали дальновидящую политику России в отношении этого региона. Особое недовольство выражал Умма хан аварский. Несмотря на прошение о покровительстве России 26-го августа 1800 г., он начал совершать частые набеги на Восточную Грузию, а также в близлежащие области Азербайджана, в том числе и на Гянджинское ханство. В своем письме к Георгию XII Мамед Гасан хан шекинский уведомляя его о намерениях Умма хана в отношении Восточной Грузии, сообщал также о нападении на владения Гянджинского хана. Однако, судя по письму, в борьбе с войсками Джавад хана лезгины потерпели поражение, потеряв в бою убитыми «104, да в плен взял 30 лезгинцев, а прочие ушли» (179). Потерпев при Гяндже поражение, Умма хан однако не оставил свои намерения в отношении Джавад хана. Согласно этому же письму, в этом деле ему активно помогал Ибрагим хан, предоставивший лезгинам «в помощь войска и пушки» (180). Таким образом, следуя своей выжидательной политике, Ибрагим хан с помощью аварского Умма хана пытался ослабить силы укрепившегося в эту пору Джавад хана, а также Восточной Грузии.

Чтобы застраховаться от нашествий лезгин, Джавад хан старался поддерживать с П.И.Коваленским добрые отношения, вел с ним переписку; по словам последнего «он был первый из окрестных владельцев, который прислал... нарочного с поздравлением и уверениями в своей к России преданности» (181).

Но тем не менее, события, происходящие в Грузии, имели отрицательное влияние на отношения между Россией и Гянджинским ханством. Неприязнь гянджинского хана к грузинскому царскому дому понимал и полномочный министр России в Грузии, который так оценивал эти отношения: «он (т.е. Джавад хан, Э.Б.) знает над собою власть Баба-хана (Фатали шаха, Э.Б.), но не думаю, чтобы это было искренно и по его

здравому рассудку предполагаю, он предпочел бы Всероссийского Императорского двора, только без всякого соучастия Грузии, коея правительствам взамен он не доволен, имея разные дела и жалобы на пограничных начальников здешних не удовлетворенными. О сих жалобах своих неоднократно адресовался и ко мне, прося моего в том посредства (182)...»

Что касается грузинского царя Георгия XII, то он, надеясь на силу русских войск, старался укрепить свою власть на грузинском престоле. Однако междоусобица, усилившаяся борьбой царевичей за власть, их военный поход на Тифлис, обостряли ситуацию не только в стране, но и за ее пределами. Положение было усугублено и действиями царевича Александра, вступившего в переговоры с Умма ханом. В результате был предпринят совместный поход на Тифлис. После короткой битвы близ деревни Такури 27-го ноября, союзники были вынуждены отступить: Умма хан-в сторону Белакана, а царевич Александр-в Гянджу (183).

Между тем, стало известно и о приближении войск во главе с сыном Фатали шаха Аббас Мирзой. Посланец Аббас Мирзы, вскоре прибывший в грузинскую столицу с предложением принятия покровительства Ирана, по настоянию П.И.Коваленского получил отказ.

Все эти события, а в особенности приближение войск Аббас Мирзы к границам Гянджинского ханства, побудили Джавад хана отказаться от своих прежних намерений по поводу сближения с представителями российского государства в Грузии. Последним толчком к разрыву отношений, послужил отказ уже более-менее укрепившегося в ту пору царя Георгия XII об уступке Гянджи Шамшадилского султаната, а также прибытие в Гянджу царевича Александра.

Но тем не менее, Джавад хан не особенно содействовал, но и не мешал действиям Аббас Мирзы в Южном Кавказе. Тем более, что в эту пору отношения между гянджинским ханом и Фатали шахом были теплые.

28 декабря 1800 года умер после тяжелой болезни царь Георгий XII (184). Пользуясь междоусобицами, происходящими между царевичами (один из них, Александр, все еще находился в Гяндже), а также ссылаясь на иранскую угрозу, император Павел издал в 1801 г. манифест, согласно которому царевич Давид лишился титула наследника царского престола, а управление делами в Восточной Грузии поручалось генерал-лейтенанту Кноррингу, с званием генерал-губернатора (185).

Лишившись после смерти грузинского царя надежды добровольно получить Шамшадил, Джавад хан решил вернуть земли, испокон веков принадлежащие его предкам, военным путем (186). Весной 1801 года войска Джавад хана предпринимают первые набеги на Шамшадил. Однако, осознавая недостаточность своих сил для возвращения Шамшадила, Джавад хан призывает местных агаларов переселиться на территорию

Гянджи некоего ханства. Генерал-майор Лазарев, сообщавший в своем рапорте генерал-лейтенанту Кноррингу о том, что «некоторые жители... начинают убегать в разные стороны», спрашивает «как предписано будет... с Джавад ханом поступить...» (187). В ответном послании, генерал Кнорринг приказал Лазареву расположить в Борчалы и в самом Шамшадиле батальон для недопущения переселенцев в Гянджинское ханство. В апреле 1801 г. численность российских войск в Грузии увеличилась прибытием двух батальонов Кавказского гренадерного полка и одного казачьего полка. В это же время последовал указ, о присвоении номеров полкам, находившимся в Грузии; полки Лихачева и Лазарева получили номера 16-й и 17-й егерские полки (189).

В июне Джавад хан предпринял новые попытки для переселения жителей Шамшадилы в Гянджу. Генерал Лазарев в своем рапорте Кноррингу сообщает: «жители по договорам Джавад хана Гянджинского, который обещает во всех случаях их защищать, намереваются уйти из Грузии» О90). Чтобы остановить их, он отправляет вооруженный отряд во главе с князем Соломоном Аваловым, а подполковнику Кузнецову предписывает, в случае нападения войск Джавад хана, защищать провинцию (191).

Несмотря на чрезмерные старания Лазарева, уже в середине июня «из 33 деревень Шамшадилской провинции остались на своих местах дер. Татулу, Хасан-сулу и половина Гокшалы на реке Хасань лежащая, половина дер. Амурлу на реке Аханже, половина дер. Байрамлу на реке Ассерике и половина дер. Айрум, в горах находящейся; из сел. Моруль находится при [Шамшадилском] султани 1 агалар с тремя семьями, да из 12 сел на р. Сагане находящихся, осталось при султани 2 агалара, прочие же все у хана Гянджинского. В деревнях, оставшихся в Шамшадиле, полагают примерно 400 семей, а в находящихся у хана Гянджинского 1900 семей» (192). Особенно старался переселению жителей в Гянджу Мухаммад Хусейн бек, который претендовал на место Шамшадилского султана Насиб бека (193). Однако он был арестован еще при царе Георгии XII и был освобожден только после его смерти. Приехав к Джавад хану, Мухаммад Хусейн бек попросил представления ему убежища, а взамен, обещал свою помощь в переселении жителей из Шамшадилы. Несмотря на ярое сопротивление Насиб бека, войскам Джавад хана во главе с Мухаммад Хусейн беком, удалось уговорить местных агаларов и большую часть из них, как уже упоминалось выше, переселить в Гянджу.

Таким образом, события, происходящие в самом начале XIX в. в этом регионе и непосредственно связанные с Джавад ханом (переселение шамшадилцев в Гянджу, прибытие грузинского царевича Александра в этот город и т.п.) вряд ли могли понравиться русскому правительству.

Тем не менее нажить себе врага в лице России Джавад хан не собирался. В случае похода русских войск на Гянджу он был бы бессилён защитить свои владения, даже несмотря на заверения Фатали шаха о подготовке иранских войск к наступлению на Грузию. Поэтому Джавад хан написал осенью 1801 г. два письма, адресуя одно из них ПИ. Коваленскому, а второе генерал-губернатору Кноррингу. В письме к Коваленскому он так объяснял нахождение царевича Александра в Гяндже: «Царевич Александр прибыл сюда и ... намерен был отправиться в Белоканы, но я его удержал, конечно, куда он прибывает, подаст причину к возмущению. Я за лучшее почитаю, так, как к братьям его и родственникам даны имения и пенсии, ... то если и царевичу Александру будет отдано имение или назначена пенсия, чтобы он жил в Гяндже... или в Грузии, жить ему все одно и то же, и если он будет жить здесь, то почтите как бы он находился у вас (194)...»

Таким образом, Джавад хан утверждал, что царевич Александр, якобы обижен из-за неполучения имения и пенсии от русского правительства. Однако он скрывал истинные намерения Александра, который имел единственную цель, - вернуть власть в Грузии и захватить царский престол.

В ответном письме к Кноррингу Джавад хан утверждал, что Шамшадил принадлежит Гяндже и «никто не вправе его у нас отнимать или отдавать» (195). Далее он сообщал: «иногда случалось, что часть этого племени, по какому-либо неудовольствию на нас, приставала к Грузии, впоследствии же, или по собственному желанию, или по увещанию Грузинского владетеля в соблюдении соседственной дружбы, возвращалась к нам. Во всяком случае, племя это кроме нас другого владетеля не имело» (196). Далее Джавад хан убеждал Кнорринга в своем дружественном отношении к Российскому государству. В ответном письме Кнорринг передавал Джавад хану свою истинную благодарность за его благонамеренные отношения к России и желал лично познакомиться с ним и обсудить «Шамшадилский вопрос» в дружественной встрече (197). Однако же, вскоре, изменив свое решение, Кнорринг потребовал от Джавад хана отказаться от всяких притязаний на Шамшадил, вернуть угнанный скот и население, а также возместить все убытки (198). Скорее всего, это было связано с предписанием нового императора России Александра I, поручившего Кноррингу склонить азербайджанских ханов на сторону России и укрепить приграничные районы Грузии (199).

Тем временем, иранский Фатали шах мобилизовал свои силы против Грузии. Этот факт подтверждается и в рапорте Лазарева к ген. Кноррингу (200). В нем указывалось о прибытии в Гянджу из Гарабаха посланника Фатали шаха к царевичу Александру и сообщалось о предоставлении ему военной помощи для нападения на Грузию. Из письма видно, что Фатали шах намеревался' отправить 50 тысячное войско во главе с Аббас Мирзой, с целью «послать в Тифлис к начальнику войск Российских, посланца чтобы они оставили Грузию и вывели свои войска оттуда, буде сего не выполнить, то вести войну» (201).

Вскоре Джавад хан принял меры к усилению своей власти в Шамшадиле. В начале марта 1802 г. генерал-лейтенант Кнорринг предпринял попытку привлечь в свою сторону шамшадилских агаларов. С этой целью он отправился из Тифлиса в Сарвани, Борчалу, Газах, а затем в Ки-зик. Здесь он провел безуспешные переговоры с местными агаларами и был вынужден возвратиться в Тифлис (202). В ответ на его миссию, Джавад хан отправил в Шамшадил вооруженный отряд вместе со своим сыном Гусейн Гулу Ага, о чем уведомили генерала Кнорринга (203). И на самом деле, сообщение о новом походе Гусейн Гулу Ага в шамша-дилскую деревню Айрум, имеется в рапорте генерал-лейтенанту Кноррингу поручика Тифлисского мушкетерского полка Выскребенцова: «Узнал я от Шамшадилского старшины султана Насиба, что Гянджинского хана сын с войском своим 2-го мая отогнал скота из деревни Ай-ру-лошадей 130, рогатого 258, ранен 1 человек, 8-го числа сего месяца взял в плен со скотом и имуществом жителей, 500 семей» (204).

Получив это сведение генерал Кнорринг, в письме к Джавад хану, потребовал от него принять меры в отношении своего сына, который якобы «покусился на этот поступок» без его ведома (205). Личный посольный Джавад хана Гурген бек, встретившись в Тифлисе с генералом Кноррингом, старается объяснить ему реальное положение дел, о чем последний уведомляет Джавад хана в адресованных ему письмах (206). Несмотря на жесткую позицию Кнорринга в отношении Джавад хана, ему не хотелось портить отношения с ханом, ибо, во-первых силы российских войск в Грузии еще не были достаточно сильными, а во-вторых, предвиделась угроза со стороны Ирана.

Не обращая внимания на скрытые угрозы русского генерала, Джавад хан, заступаясь за своего сына, одобрял его действия в отношении айрумцев, мотивируя это тем, что «народ Айрумский с самих предков наших были нашими подданными. Никогда к Грузии не принадлежал и когда он провинялся, мы его наказывали соответственно его поступкам. А посему вам не следовало так писать» (207).

В том же послании, отрицая принадлежность Шамша-дила к Грузии, Джавад хан писал: «Вы спросите в других странах соседей и узнаете-Шамшадил была в нашем подданстве. Если она принадлежала Гяндже, какое вы имеете слово и претензию. Если претендуете на всю Гянджу, это другое дело. Известно, что пока я жив, не отстану от Гянджи» (208).

Следует отметить, что еще незадолго до этого, отвечая на письмо генерала Кнорринга, Джавад хан тщетно пытался обвинить ему шамшадилскую проблему: «из содержания письма [Кнорринга] обнаружилось, что Шамшадил будто отдан мне Ага Магомед ханом. Шамшадил никто нам не давал, и следовательно никто и не вправе его у нас отнимать или отдавать. 700 или 600 лет Шамшадил находится во власти моего рода и служит нам. Иногда случалось, что часть этого племени, по какому-либо недовольствию на нас, приставала к Грузии, впоследствии же или по собственному желанию, или по увещанию Грузинского владетеля в соблюдении соседственной дружбы, возвращалась к нам. Во всяком случае племия это кроме нас другого владетеля не имело...» (209).

Любопытно, что Кнорринг, веривший в принадлежность Шамшадила к Гяндже («...я хотя и подаю веру, что сия издревле принадлежало Ганджинской области...»), по долгу своей службы так отвечает гянджинскому хану: «... поскольку Шамшадил при царе Георгии считалась в зависимости от Грузии, то с принятием Грузии во всемогущественное управление его императорского величества, то я должен удерживать Грузию в тех владениях, в каких он обратился при последнем царе» (210).

Не добившись мирного урегулирования вопроса по Шамшадилу генерал Кнорринг приказал Лазареву двинуть войско на Шамшадил и присоединиться с ротой Тифлисского Мушкетерского полка, укрепившегося на р. Гасан-су (211). Всего в отряде насчитывалось 24 офицера, 59 унтер офицера, 18 музыкантов, 530 рядовых, 52 нестроевых и 31 рекрута (212).

23-го мая Лазарев с отрядом прибыл в Шамшадилскую провинцию и разбил свой лагерь у реки Гасан-су, прямо на Гянджинской дороге, в 30-ти верстах от Шамхора и в «50, или 60-ти» - от Гянджи (213). Отряд, видимо, намереваясь снабдиться по пути, имел только недельный провиант. Однако, судя по сообщению самого Лазарева, единственная близлежащая деревня, находящаяся в этой безлюдной местности, и та была пуста (214). Поскольку, население этого края по обыкновению откочевало в горы (215). Очевидно, приближение русских войск и расположение лагеря около их деревни, заставило и оставшихся жителей покинуть свои дома и укрыться.

25-го мая отряд Лазарева продвинулся еще на 16 верст и уже к вечеру того же дня достиг границы, отделяющей Шамшадилское султанство от Гянджинского ханства. Узнав о приближении русских войск, находившиеся в верховьях р.Шамкир переселенцы из Шамшадила во главе с Мухаммад

Гусейном, также ушли в глубь Гянджинского ханства. Что касается отряда Лазарева, без сопротивления достигшего границы ханства, то он по приказу Кнорринга вернулся через некоторое время в Тифлис (216).

В конце лета 1802 г. Джавад хан вновь попытался завладеть Шамшадилем. Активную помощь в этом деле ему оказывал грузинский царевич Александр, который согласно официальным источникам, нашел сильную поддержку в лице Джавад хана, всячески содействовавшему ему (217). Известно, что хан принял царевича Александра у себя, выдавая ему на содержание ежемесячно 1000 рублей (218). Он построил специально для него дом (219), обещал помочь войском и деньгами. В Газах, Джар и Белакан были посланы специальные люди для набора дополнительных войск; каждому воину обещали заплатить по 50 руб. серебром (220). При случае нехватки денег Джавад хан обещал «до расплаты отдать в залог детей знаменитнейших армян, за что они на хана были в такой злобе, что намереваются по приближении войска российского, связав царевича Александра к начальнику оного послать» (221).

В сентябре Джавад хан совместно с царевичем Александром написал письмо непокорному Шамшадилскому султану Насиб беку. Последнему предлагалось присягнуть грузинскому царевичу и прибыть «со всеми своими деревнями к ним, к Ганджу... буде не послушаешь нашего предписания, будешь разорен и насильно взят» (222).

Союзниками царевича Александра против русских войск были также дагестанские владетели, поддерживавшие с ним близкие отношения. В конце сентября царевич отправил несколько человек из своих приближенных в Джар и Белакан с целью арендовать войско для наступления на Грузию. По данным, полученным генералом Лазаревым, у них имелся «будто» фирман Фатали шаха с приказом обеспечить Александра нужным количеством войск. Каждому участнику кампании обещалось в фирмане вознаграждение в размере 100 руб. серебром (223). Генералу Лазареву было донесено, также, о фирмане якобы и турецкого султана. Однако, в своем рапорте генералу Кноррингу, он считает это сообщение ложным и объясняет его поддержкой грузинского царевича Ахалцихским пашой (224).

Чтобы укрепить свои позиции в Шамшадиле, генерал Кнорринг предписал Лазареву в начале октября снарядить два батальона-один под командованием капитана Таганова, а второй под командованием подполковника Ляхова и двинуться на границу с Гянджинским ханством. 13-го октября отряд Таганова прибыл в Шамшадил и расположился вблизи деревни Татлы при р. Гасан-су (225).

Узнав о приближении русских войск Джавад хан снарядил свое войско во главе с сардаром Исафил беком. Согласно его распоряжения это войско должно было вывести айрумцев, кочевавших «близ его границы» из опасной

приграничной зоны (226). В отличие от шамшадилского султана Насиб бека, явно поддерживавшего русских, газакский Панах ага, который доставлял сведения о движении русских войск, по сообщению капитана Таганова готов был «соединиться» с царевичем Александром, находившимся в то время еще в Гяндже (227).

Отряд подполковника Ляхова 29-го октября прибыл к р. Тоуз и расположился там лаг-ерем (228).

Усиление России в Грузии, а также вторжение русских войск в Шамшадил беспокоили Фатали шаха, который всячески старался создать антироссийскую коалицию в этом регионе. Немаловажную роль тут сыграли также Имеретинский царь и Ахалцихский паша. Ведя переговоры с царевичем Александром они готовили наступление на Грузию. Кроме того, самому царевичу Александру также удалось нанять войско в количестве до 5000 человек (229). Вторжение, а в последствии и усиление России в этом регионе, вызывали опасение многих местных и соседних феодалов.

Согласно известиям, полунным генералом Лазаревым, наступление на Грузию предполагалось начать одновременно с четырех направлений: царь Имеретинский, царевичи Юлон и Парнаоз и Ахалцихский Шериф паша «с войсками имеретинскими, лезгинскими и частью ахалцихского паши» со стороны Имеретии и Ахалциха, «Эриванский Мамед хан и Нахчыванский Келб-Али хан» со стороны Памбака (местности между Иреваном и Карсом), Джавад хан совместно с царевичем Александром со стороны Гянджи, «аджарские, белаканские и часть дагестанских лезгинов впасть в Кахетию» (230).

Кроме того, было получено сведение об отправке в Нахчыван 4 тыс. иранских пехотинцев; в Иреване же, по донесению полковника Карягина, подготавливался провиант (231).

19 сентября 1802 г. царь Александр I назначает на место Кнорринга генерал-лейтенанта князя Павла Дмитриевича Цицианова (грузина по происхождению) главнокомандующим российскими войсками в Грузии, поручив ему осуществление политики царизма-захватить любым путем, вплоть до применения оружия, всю территорию Южного Кавказа, включая весь Северный Азербайджан. Официально, П.Цицианов, который отличался энергичностью и жестокостью, считался инспектором Кавказской линии и Астраханским хубернатором (232). Однако, генерал Кнорринг, до конца года продолжал исполнять свои обязанности.

В ноябре 1802г. Южный Кавказ находился во взрывоопасном состоянии. Чтобы усилить войска в Шамшадиле генерал Кнорринг отдал распоряжение отправить туда еще две роты 17-го Егерского полка, с одним орудием и 40 казаков, «что и составит там батальон егерей и 100 чел. казаков и орудие артиллерии» (233).

В начале декабря генерал Коваленский назначает князя Тарханова управляющим делами Шамшадиле. Это обстоятельство вызвало явное возмущение не только жителей султанства, но и самого Джавад хана, который явно не верил в результативность своих действий в Шамшадиле. 8 декабря Насиб бек, удрученный назначением Тарханова управделами, прибывает в Тифлис для выяснения своих отношений с Коваленским, ибо это назначение ограничивало его власть в Шамшадиле. Однако Коваленский принял его очень холодно, даже настоял на аресте Насиб бека. Только счастливые стечение обстоятельств спасли его от заточения (234). Согласно свидетельству современников, такое отношение не могло «не иметь дурных последствий: сей султан один из почтеннейших в Шамшадиле, никогда сей обиды не забудет...» (235).

Пользуясь возмущением местных жителей в Шамшадиле, Джавад хан вновь отправляет туда своего сына с войском, которому удастся переселить в Гянджу около 500 семей во главе с Мамед бекем (236). Кроме того, он возлагает арест на караван грузинского купечества, отправлявшегося в Гянджу за рыбой (237).

Согласно данным А.Соколова, 15-го декабря посланец Джавад хана Гурген бек прибывает к генералу Лазареву с письмом (238); он сообщает генералу о желании гянджинцев всегда иметь добрососедские отношения с Грузией; По его словам, таким отношениям мешали русские войска, находившиеся в принадлежавшем Гянджинскому ханству Шамшадилу. Джавад хан выражал также свое недоумение по поводу сбора представителями российского правительства с местных жителей налога хлебной подати в пользу Грузии, тогда как, они «по праву должны принадлежать хану». По его же словам «таковой поступок россиян может иметь дурные следствия для них самих... [ибо] овца лягнет, когда оную изловят в стаде для убиения». По ответным словам Лазарева, русские руководствовались высочайшим повелением Александра I о сохранении границ Грузии времен царя Георгия XII (239). Однако, Александр I был не очень доволен положением дел в Грузии.

Бездействие генерала Кнорринга вынудило царя, как мы отметили выше, назначить главнокомандующим российских войск в Грузии князя П.Д.Цицианова, который приступил к своим обязанностям в Грузии только в феврале 1803 года (240). Еще в декабре 1802 года генерал Кнорринг в своем письме П.Д.Цицианову описывая «обстоятельства вне Грузии» дал ему о Джавад хане следующую характеристику: «Гянджинский Джават хан есть из первейших недоброжелателей Грузии. Он имеет на Грузинскую провинцию Шамшадил, на границе к Гандже лежащую, якобы она издревле к Гандже принадлежит» (241). Такое же отношение к Джавад хану видно и по письму Коваленского, тоже адресованному Цицианову в декабре 1802 г.:

«Ганджинский владелец Джавад хан, руководимый издавна неблагонамеренностью к Грузии, но скрывая то под личною политики Персидской, с некоторого времени стал себя обнаруживать...» (242) Далее Коваленский приводит основные требования Джавад хана: «1) в увлечении им из пределов Грузии древних ея подданных... до 2000 семей Шамшадилских армян и татар, 2) в связях его в виде действующего лица и первого ревнителя с прочими неблагонамеренными владельцами и народами, а также с членами Грузинского царского дома, 3) в приеме к себе бежавшего царевича Александра со снабдением его и всего сброда его всяческим пособием и даже подкреплением на чинимья от них иногда в Грузию воровские впадения; ныне же по соглашению с Джарскими и Белоканскими старейшинами» (243). Кроме того, Коваленский обвинял Джавад хана в «ограблении» караванов, шедших через Гянджу (244).

Таким образом, еще не приступив на должность главнокомандующего, у Цицианова сложилось общее впечатление о Джавад хане как ярого, коварного врага.

По прибытию в Грузию в феврале 1803 года, Цицианов сразу же приступил к преследованию всех членов грузинской царской семьи и их сподвижников. По его приказу царевичи были сосланы в Россию (245). Среди сосланных значилось и имя жены покойного Ираклия II царицы Дареджан. Пренебрегая всеми приказами Цицианова, она даже убила кинжалом генерала Лазарева, прибывшего ее арестовать (246). После этого события царица все-таки была насильно сослана из Грузии в Россию (247). Таким образом, русскому ставленнику на Кавказе князю Цицианову удалось обезвредить всех претендентов на грузинский царский престол.

25 февраля 1803 г. П.Цицианов направил Джавад хану послание, с требованием принять покровительство России и в залог верности прислать в Тифлис своего сына Угурлу агу: «Исполнение сего требования моего почту я истинным законом вашего чистосердечного доброжелательства и тогда. .. не будет никакого различия между Ганджею и Грузией» (248). Но вскоре он получает от Джавад хана ответное послание, в котором тот отказывается подчиняться, тем более принять подданство России, аргументируя это тем, «что он получил фирман от Иранского государя Баба хана» (249).

19 марта Цицианов получает от императора Александра I «высочайший именной» рескрипт с планом военных действий на Южном Кавказе (250). Этот план, отражающий «восточную политику» царизма в нач. XIX в., включал в себя и завоевание азербайджанских земель. В своем ответном рапорте, ссылаясь на малочисленность войск, Цицианов просит пополнения и раскрывает свои соображения о предстоящем передвижении русских войск на территории Южного Кавказа: «...Не имея уже надежды на 9 батальонов, нужных для помещения в разных пунктах, гарнизонами ог-

раничил я мои предприятия на сию кампанию походами на Ганжу, Эриван и занятием Баку следующим порядком: Кабардинского мушкетерского полка, шеф генерал-майор Гуляков, дал я предписание с 3 батальонами идти на сопредельных с джарцами Самухских беков, привести их в повиновение, обложить данью и обозреть удобное место для переправы через р.Куру, которая от Тифлиса до Ганджи имеет весьма крутые берега и требует заблаговременного приготовления для переправы. Тогда учредивши переправу с левого берега по правому из Шамшадил я пойду до покорения во первых Ганджи, дабы не оставить за собой неприятеля, ибо из новейших известий Джавад хан примирился с враждовавшим Ибрагим ханом и в залог дружбы прислал к нему две медные пушки в подарок... Потом из Ганджи через Шамшадилскую провинцию пойду в Эриван» (251). Далее в своем рапорте Цицианов ставит захват Гянджи на «первейшее место» и аргументирует это частыми набегами Джавад хана на Шамшадил; здесь же он приводит свои сомнения в отношении Джавад хана: «к сему присовокупляется другие основательные причины подозревать его в недоброжелательстве к нам через частые сношения Тифлиских жителей с Ганджою, приготовлениям его к сопротивлению и запасанием воинскими снарядами, равно как и то обстоятельство, что на требование мое утвердить уверения его в преданности к России присылкою аманатов, в числе коих должен быть один из сыновей его, отвечал он, что выполнить сего не может и что он получил фирман от Иранского государя Баба хана» (252).

Чтобы достичь своих целей, Цицианов согласно другому царскому рескрипту должен был воспользоваться услугами армянского населения региона и склонить их в сторону России: (253) «... армяне, яко народ промышленный и имеющий в руках своих всю торговлю сей части Азии, заслуживают особенного вашего внимания и защиты, ибо при угнетении его (т.е.армян., - Э.Б.) в Персии сомнения быть не может, чтобы множество народа сего не основалось в Грузии, коль скоро почтут они себя обеспеченными порядочным устройством правительства» (254).

Видимо, Цицианов считал, что укрепление тыла таким образом явилось бы гарантом успеха русских войск в намечающейся войне с Ираном. К статье, именно в это время католикос всех армян Даниил находился в Тегеране под арестом. Чтобы завоевать симпатии местного армянского населения и в дальнейшем заручиться их поддержкой, Цицианов решил вернуть католикоса в Иреван. С помощью Келбали хана Нахчыванского русский генерал добился освобождения католикоса (255). Однако, Иреванский Мухам-мад хан не допустил Даниила в Иреван, поскольку Эчмиадзином в это время управлял его ставленник Давид.

Дальнейшее поведение Цицианова дает основание полагать, что свой план завоевания Южного Кавказа он намеревался начать с покорения

Иреванского ханства. Возможно такая программа действий, исходила из-за территориальной близости Иреванского ханства с Османской Турцией - давним противником России.

Конечно, Цицианов хорошо понимал, что захватить и тем более подчинить Иреванское ханство вряд ли легко уда-сться. Для этого следовало иметь немалую силу. Немногочисленность войск пока удерживало его от решительных действий. Поэтому, Цицианов решил довольствоваться лишь угрозами. В своем послании Иреванскому хану он предъявил ему ряд требований, согласно которым хан, до переговоров должен был, во-первых, вместо действующего католикоса Давида восстановить вернувшегося с плена Даниила, во-вторых, сдать крепость российским войскам (сам хан при желании мог бы в ней жить), в-третьих, признать российское подданство, в четвертых, платить ежегодно дань в размере 80 тыс. руб. в два срока - на другой день Новруза и после июля. Взамен всего этого хан сохранял свои прежние права, и получал от российского императора грамоту, жаловавшую ему ханское достоинство и гарантировавшую безопасность (256).

Однако, Иреванский Мухаммад хан, верно оценив ситуацию, не принял ни одного условия Цицианова; последний тоже понял бесполезность траты времени на регулирование отношений с Иреванским ханством и решил на время оставить его пределы. После этого Цицианов стал сосредотачивать свои силы против Гянджинского ханства, которое являлось своего рода воротами во все ханства Азербайджана и поэтому представляло большой интерес Российской империи. И на самом деле, завоевание Гянджи также предусматривалось в проводимой в начале XIX в. «восточной политики» русского царизма.

В июне 1803г. Цицианов отдал распоряжение управляющему делами (моураву) в Газахе Гарсевану Чавчавадзе и демурчасалскому моураву Тамазу Орбелиани собрать из Демурчасала, Борчалы и Газаха для конных отрядов по не менее 100 человек с каждого и привести их в боевую готовность. 17 ноября того же года он обратился к ним с этим же требованием еще раз (257). Наряду с этим, в своем рапорте царю, он просил Александра I направить из Кавказской линии в Грузию два полка-Нарвский драгунский и 9-й егерский (258). Летом 1803 г. эти полки прибыли на места назначения.

Цицианов старался как можно скорее начать наступление на Гянджу, поскольку он знал, что Джавад хан не только не думает о российском покровительстве, а даже, напротив, готовится к обороне. Отношения Джавад хана с иранским Фатали шахом, от которого по собственным словам хана, он получил «милостивый фирман», вызывали опасения Цицианова; он испытывал чувство тревоги по поводу возможного движения иранских войск в сторону Гянджи и боялся их укрепления в городе.

В свою очередь и Джавад хан сознавал неизбежность нападения русских войск на Гянджу. Поэтому, еще далеко до начала военных действий, он укрепил свои позиции со стороны Грузии; зная расположение к России армян, он удалил их от границы. Затем он отправил своих посольных к Ибрагим хану, установил с ним дружественные отношения и в «залог дружбы прислал к нему две медные пушки в подарок» (259).

Чтобы начать наступления на Гянджу, Цицианов ожидал прибытия в Грузию еще двух полков - Севастопольского мушкетерского и 15-го егерского. Первый из них прибыл 11 ноября и расположился в 10-ти верстах от Тифлиса в местечке Гартискаро, а второй, 12-го ноября еще находился в 70 верстах от Тифлиса. Однако, переход через горы в осеннее время, сильно изнурил не только солдат, но и лошадей. В Севастопольском полку осталось годных лошадей только для поднятия обозов двух батальонов, а 15-й егерский полк даже не был в состоянии к дальнейшему передвижению. Поэтому Цицианов решил использовать только два батальона из Севастопольского полка, а остальных оставил в Тифлисе (260). В своем рапорте государственному канцлеру, описывая боевое состояние прибывших полков, Цицианов отмечал, что например, Севастопольский полк «никогда свиста пухля не слышивал, что ходить не умеют и на 15 верстах устают и падают. Солдаты 20 лет не сходили с места, а важнее так то, что в полку не достает 600 человек кроме больных и ожидать укомплектования оных не могу» (261).

Итак, положение в полках русских войск, как мы видим, было тяжелое, не хватало продовольствия, из-за распространившихся среди солдат болезней гибли люди. Но тем не менее, проводимая царизмом политика, заставляла завоевывать для империи новые земли.

Таким образом, при всем желании, Цицианов в этих условиях смог собрать для предстоящего похода на Гянджу не более шести батальонов и три эскадрона. В их числе находились два батальона Севастопольского полка, три батальона 17-го егерского полка, расположившиеся в Шамшадиле, один батальон Кавказского гренадерского полка и три эскадрона Нарвского драгунского полка. Большая часть этого войска собралась 20-го ноября в деревне Соганлыг, расположенной в 15-ти верстах от Тифлиса. 22 ноября начался поход на Гянджинское ханство.

Прибыв в Шамхор 29-го ноября со своим войском, Цицианов отправляет Джавад хану послание, в котором требует сдачи крепости Гянджа, аргументируя свое требование следующим образом: «Вступив во владение Гянджин-ское, объявляю вам о причинах моего прихода сюда: **первая и главная** (выделено мною - Э.Б.), что Ганжа с ее округом, во времена царицы Тамары принадлежала Грузии и слабостью царей грузинских отторгнута от оной. Всероссийская Империя приняв Грузию в свое

высокомощное покровительство и подданство, не может взирать с равнодушием на расторжение Грузии и несогласно бы было... оставить Ганджу, яко достояние и часть Грузии, в руках чужих. **Вторая:** Ваше Высочество на письмо мое, писанное по приезде моем в Грузию, коим я требовал сына вашего в аманаты, отвечали, что Иранского государя опасаетесь, забыв, что шесть лет тому назад были российским подданным, и в крепости ганжинской стояли высокочестные всероссийские войска. **Третья:** купцы тифлиские, ограбленные вашими людьми, не получили удовлетворения вашего высочества. А по сим трем причинам, я сам пришедь с войсками брать город по обычаю европейскому и по вере мною исповедуемой должен не к пролитию крови человеческой, предложить вам о сдаче города и требовать от вас в ответе двух слов по вашему выбору: да или нет; т.е. сдаете или не сдаете... Бude сего не желаете, то ждите несчастного жребия, коему подпадали некогда Измаил, Очаков, Варшава и другие города. Бude завтра в полдень не получу я ответа, то брань возгорится, понесу под Ганджу огонь и мечь, чему вы будете свидетели и узнаете, умею ли я держать мое слово» (262).

Как мы видим из письма, Цицианов стремился обосновать захват Гянджи якобы исторически справедливым мотивом. Выдавая Гянджу за исконно грузинскую территорию, бывшую когда-то под властью царицы Тамары (1184-1213), он демонстрирует свое незнание истории, поскольку забывает о долголетней кровавой борьбе гянджинцев, против неоднократных и в основном, безуспешных нападений грузинских войск на Гянджу, желавших не только при Тамаре, но еще и при ее отце-царе Георгии III (1156-1184) овладеть Гянджинским округом (263).

Данное письмо заставило Джавад хана также обратиться к историческому прошлому. В ответном послании, отвергая эти исторические притязания, он отвечает Цицианову той же манерой, что и он сам: «Ты пишешь, что во время царицы Тамары Ганджа находилась в зависимости Грузии. Этому рассказу никто не поверит, а наши предки Аббас-Кули хан и прочие управляли Грузией. Если не веришь, спроси у грузинских старожитов, - управлял Аббас-Кули хан Грузией или нет? Дoныне в Грузии существует его мечеть и лавки. У многих грузин сохранились его указы. Со времени Ираклия и нашего отца (Шахверди хана. - Э.Б.) границы Грузии и Ганджи определены. Если я скажу, что предки мои были валиями в Грузии, никто не примет этих слов в уважение и никто мне не возвратит Грузии. Ты еще пишешь, что я 6 лет тому назад передал Ганджинскую крепость русскому падишаху. Это правда. Тогда твой Падишах прислал мне рескрипт и я приняв его предложения, передал крепость. Если теперь твой падишах прислал такой рескрипт, то покажи его мне. Тогда я, у ведавши Его волю, соображусь с нею. Ты еще писал, что я будто находился прежде в

зависимости; но да будет тебе известно, что в моих руках и теперь рескрипт твоего падишаха. Посмотри, назван ли я в нем ганджинским беглярбеком или вассалом Грузии. Из этого явствует, что слова твои ложны. Кроме того, в то время, когда я передал Ганджу твоему Падишаху, Персидский шах находился в Хорасане и моя рука не достигала его и я счел нужным покориться русскому Падишаху, как великому также монарху. А теперь, слава Аллаху, Персидский шах находится в близости моей, и посланный его главнокомандующий уже прибыл сюда: также прибыло войско и еще оного прибудет... Если ты замышляешь со мною войну, то я готов; если ты хвастаешься своими пушками, то и мои не хуже твоих: если твои пушки длиною в 1 аршин, то мои в 3 и 4 аршина... Ты предлагаешь мне быть готовым к борьбе. Я с того дня готовлюсь, как ты прибыл в Шамшадил, обратил его население в зависимость свою. Если хочешь воевать, то будем воевать. Ты предсказываешь мне несчастье, если я не приму твоего предложения, но я полагаю, что несчастье преследует самого тебя, которое завлекло тебя из Петербурга сюда. Последствия покажут, кто из нас будет несчастен» (264).

Таким образом, Джавад хан дает понять Цицианову, что по доброму он город не сдаст и будет бороться за свое владение до конца.

Получив ответ на свое послание, князь Цицианов решил воспользоваться услугами армянского населения Гянджинского ханства и с этой целью 30-го ноября обращается к ним с призывом о поддержке русских войск: «Вступив я победоносными всероссийскими войсками в землю Ганджинской провинцию принадлежащую уверяю всех вас именем... государя моего, что кто только из вас прибегнет к сильной высочайшего Всероссийского престола защите, будет огражден от всех опасностей личных и имущественных не возчувствуя ни малейшего ни в чем ущерба избавится от всех притеснений и грабительств магометанами чинимых и будет иметь на возбранное право итти на жительство в какую либо часть Грузии, ведая, что там будут государственными крестьянами, не принадлежа ни медикам, ни другим каким либо помещикам» (265).

После этого Цицианов отдал распоряжение войскам двинуться в Гянджу. Первое столкновение между войсками Джавад хана и Цицианова произошло в двух верстах от Гянджи в местечке Гуру-гобу (Гулу-гобу) (266).

После непродолжительной перестрелки сторон, Джавад хан, перед превосходящей силой противника, был вынужден отступить в Гянджу.

Однако, чтобы подступиться к крепости, Цицианову требовалось предварительно завладеть частью Гянджи, называемой Багбанлар, в которой укрепились защитники города во главе с Джавад ханом. Для этой цели он сформировал две колонны - одну под предводительством подполковника Симановича, состоявшую из батальона Кавказского гренадерского батальона, легкими войсками и двумя орудиями и вторую под своим командованием,

состоявшую из двух батальонов 17-го егерского полка и одного эскадрона драгун с пятью орудиями и легкими войсками (267). Колонну Симановича Цицианов направил по большой Тифлисской дороге в Гянджу. А сам двинулся правее этой дороги, на Багбанлар (268).

Первые боевые действия под Багбанларом начались 2-го декабря. Защитники Гянджи значительно уступали превосходящему в силе противнику. Несмотря на героизм, проявленный против наступающих русских войск, гянджинцы не устояли перед артиллерийским огнем и отступили в крепость. Но тем не менее им удалось вывести из строя часть орудий противника. Согласно данным Н.Дубровина, «несмотря... на отчаянное сопротивление» гянджинцев 200 шамшадилцев и 300 армян, выступавшие в этом бою на их стороне сдались после столкновения с колонной подполковника Симановича (269). Русские потеряли в этом бою 7 убитыми и 30 ранеными (270).

Уверенные в легкой победе и не ожидавшие такого яркого сопротивления, русские войска в течении месяца после этого боя не предпринимали никаких атак и довольствовались блокадой крепости.

Положение в Гяндже значительно ухудшилось. Тем временем, Цицианов не теряя надежды без боя овладеть городом, 9-го декабря 1803 г. отправляет Джавад хану очередное письмо, требуя немедленной сдачи Гянджи. «Князь Цицианов... еще раз вопрошает его высокостепенство Джавад хана Ганджинского, сдает ли он крепость на волю войск Российского начальника или нет? А ответ должен быть прислан неотменно завтра по утру и для безопасности посланного он должен иметь белый платок, навязанный на палке» (271).

11 декабря Цицианов получает ответ от Джавад хана, который предлагает сначала снять осаду крепости, а затем начать переговоры (272).

В тот же день Цицианов отправляет Джавад хану еще одно письмо, в котором нагло заявляет, «что не условия ему предлагает, а вот что по доброте сердца ему советует: завтра высокостепенство вышлет в оный день по утру ключи от города с сыном своим, Хусейн-Кули Агой, который и должен остаться аманатом в знак сдачи города начальнику войск Российских, тогда все счастье и благоденствие сойдет на его высокостепенство Джавад хана Ганджинского от всещедрыя десницы милосердаго нашего Государя» (273).

Хорошо зная свою военную слабость и поэтому стараясь любым путем затянуть дело (ибо он еще надеялся, что прибудет помощь со стороны Ибрагим хана Гарабахского или Иранского шаха), Джавад хан в очередном письме к Цицианову требует прислать к нему для переговоров доверенное лицо - Газахского Мухаммад бека, попавшего в плен при защите Багбанлара. Но Цицианов отказывает ему в этой услуге, требуя ответа не на словах, а на

бумаге: «Вы просили третьего дня (прислать) казаха Махмада, для перенесения речей ваших ко мне... Я требовал сказать о имени его отца, для того, что Махмадов много. Вы более не присылаете, а из этого заключаю я, что вам нужно объясниться... Я же, по вере моей, презирая гордость азиатскую, для избежания пролития крови человеческой... наставляю вас, что европейские обычаи позволяют осажденным просить перемирия; осаждающие дают на сколько времени заблагоразсудят, и тогда, с обеих сторон, ни одно ружье не должно выстрелить, и воюющие через поверенных предлагают и отвергают условия. После истечения сего времени или паки возгорается война, или сдается город на условиях... После сего предложения, Бог увидит, я ли виновен буду в пролитии крови в день штурма. Ответ на сие должен быть дан сегодня» (274).

На следующий день Джавад хан посылает свой ответ Цицианову: «Пишите будет штурм. На что скажу: осажденные в городе все средства изыскивают к соответствованию противу онаго, упоая на Бога. Упоминали: во время переговора в законе вашем стрельбы не бывает, но в нашем правлении, когда неприятель состоит так близко, на пушечный и ружейный выстрел, против такого всегда стреляют. Пишите также: во время штурма кровь человеческая прольется, на совести вашей грех будет. Когда так, не ходите, и кровь ваша не прольется, а ежели пойдете, конечно, прольется; кровь и грех на вас будет. Упомянули, что в законе христианском кровь проливать грешно, а в нашем магометанском законе, ежели кто на кого идет силою и пролита кровь будет, то за грех не поставляется. Писали, чтоб в тот день на письмо отвечать, сии слова можно употребить господину своему слуге, а я никого не опасуюсь, когда хочу, тогда и отвечаю» (275).

Этим своим ответом Джавад хан демонстрирует не только свою «азиатскую гордость», о чем так презрительно упоминает Цицианов, но смелость и бесстрашие: находясь в тяжелом осадном положении он находит в себе силы для выражения непокорности сильному врагу.

Тем временем, пока велись переговоры, пересылались письма, наступили зимние холода. Защитникам ганджинской крепости становилось все труднее.

29-го декабря Цицианов отправляет Джавад хану свое последнее послание, в котором по прежнему настаивает на безоговорочной сдаче крепости и выдвигает следующие условия:

«1) Джевад хан должен присягнуть на подданство Всероссийскому государю императору и все жители его владения тоже должны исполнить.

2) Крепость должна вовсе быть очищена и занята со всеми орудиями и военными снарядами Российскими войсками.

3) Джевад хан Ганджинский находясь в подданстве Российском, управляет своим владением на прежних правах и пребудет данником России,

платя по 20.000 руб. в год и за 1804 год должен всю оную сумму заплатить при подписке сих статей.

4) Войска, расположенные в крепости и по дороге к Шамшадилу [Джевад хан] должен снабдить провиантом и фуражем, а именно, в год пшеницы 2605 тагар (276), круп 243 1/2 тагара, ячменя 601 1/2 тагара - все на Ганджинскую меру, а под сено отвести луга, ценою же пшеницу здешнюю монетою в 4 руб., крупу по 6 руб. и ячмень на 2 руб. 40 коп. каждую тагару. Для избежания могущих встретиться споров, тагара должна быть вымерена и запечатана печатью главного начальника войск Российских.

5) На Шамшадил и жителей оной никакого притязания не иметь, а оставаться им как они ныне состоят под управлением Грузинского правителя.

6) В верность сохранения всего вышеписанного Джевад хан Ганджинский должен сына своего Хусейн Кули агу отдать аманатом для всегдашнего пребывания при главнокомандующем Грузиею, коему будет производимо по 10 руб. в день» (277).

Несмотря на то, что эти условия сохраняли за Джавад ханом внутреннюю автономию, он категорически отвергает их.

Таким образом, прошел месяц осады Гянджи русскими войсками. За это время Цицианов отправил Джавад хану шесть писем, в которых требовал сдачи города и каждый раз получал отказ. В таких условиях, 1-го января 1804 г., Цицианов собрал военный совет, в который входили генерал-майор Портнягин, полковник Карягин, подполковник Симанович и несколько человек из старших чинов. Совет назначил штурм крепости на утро 3-го января 1804 года.

Предоставив генерал-майору Портнягину должность начальника наступающих колонн, Цицианов дал ему особое секретное поручение, согласно которому все войска накануне штурма должны были оставаться на своих позициях и только за полчаса до наступления занять назначенные им свои посты. «Нет слов изъяснить, - писал при этом Цицианов, - с какою тихостью и глубоким молчанием должно делаться перемещение войск. Все штандарты и знамена ночью, без церемонии, принести на мечетный двор и отдать моему караулу Казачья цепь до рассвета должна стоять на своих постах, разумея о ближайшей, соединяющей батарее, а остальным - при резервах в закрытых местах от пуль и ядер; по рассвете собраться всем к оным» (278).

Войска были разделены на две основные колонны, в первую входили гренадерские батальоны Севастопольского и Кавказского полков, а также 200 человек драгун под общим командованием генерал-майора Портнягина; эта колонна должна была наступать со стороны Гарабахских ворот и поддерживаться огнем батареи артиллерии подпоручика Баш макова. Вторая

колонна, состоящая из батальонов майора Лисаневича и Шефского 17-го егерского полка, должна была под общим командованием полковника Карягина наступать со стороны Тифлиссских ворот. Колонна эта назначалась для отвлечения защитников крепости ложной атакой, а затем также участвовать при штурме Гянджи (279).

Сам Цицианов в штурме не участвовал и находился в резерве с батальоном 17-го егерского полка майора Белавина, который расположился на центральной площади (Мейдане), напротив Гарабахских ворот. Вся артиллерия из 11 орудий свезена была к резервам Итак, в половине шестого утра 3-го января, русские войска начали штурм Гянджи (280). Колонна войск под командованием генерал-майора Портнягина, приблизившись к Гарабахским воротам, повернула в правую сторону, чтобы ворваться в крепость через накануне пробитую брешь в земляной стене. Именно здесь были собраны основные силы Джавад хана, сразу же давшие врагу отпор. Портнягину пришлось отступить и оставив брешь в стороне, штурмовать крепостную стену с помощью лестницы (281).

Несмотря на численное превосходство наступающих, гянджинцы стойко оборонялись, защищая свой город от захватчиков. При подходе противника к крепостным стенам, они кидали на них камни и стрелы, а также, так называемые «подсветы», - «сделанные из свернутых бурок, обмокнутых в нефть и зажженных для освещения штурмующих» (282).

Дважды атака русских, пытавшихся подняться на стены крепости, была отбита со значительным уроном для последних. Были убиты во время штурма командиры Нарвско-го полка поручик Кейт и Кавказского гренадерского полка майор Бартнеев (283).

Только при третьей атаке, воинам Кавказского гренадерского полка во главе с полковником Симановичем, со стороны Гарабахских ворот удалось взобраться на крепостную стену.

Силы защитников Гянджи иссякали. В это же время вторая колонна войск под командованием Карнягина, не встретив особого сопротивления, наступила со стороны Тифлиссских ворот. Им удалось захватить главную башню крепости «Юхары гала». Отсюда Карягин направил вдоль стены майора Лисаневича с батальоном, которому удалось овладеть башнями «Гафар бей галасы» и «Хаджи хан гала-сы». На последней, выстрелом из ружья Лисаневич ранил самого Джавад хана, сражавшегося в первых рядах защитников. Раненый Джавад хан сел на самую большую пушку и защищался с саблею в руках, пока не был убит капитаном 17-го егерского полка Каловским, который и сам тут же был убит защитниками Гянджи (284).

Оставшиеся в крепости гянджинцы отчаянно боролись за каждую пядь земли, за каждую улицу; однако смерть Джавад хана, нескончаемый поток

превосходящих в несколько раз сил противника, делавший сопротивление бессмысленным, вынудили их сдаться. В городе смутение было ужасное. Все улицы были покрыты мертвыми телами. Русские солдаты, ворвавшиеся в город грабили людей, «с лошадей снимали золотые уборы» (285).

От грабежа русских войск многие жители спрятались в Джума мечети. Согласно рапорту самого Цицианова царю, «до 500 человек татар засели в мечеть, с тем, может быть, чтобы сдаться победителям. Но один армянин сказал нашим солдатам, что между ними есть несколько дагестанских лезгин. Одно название лезгин было сигналом смерти всех бывших в мечети» (286). Заметим, что лезгинцы, часто совершавшие набеги на русских еще на территории Грузии, считались их кровными врагами. В результате более пятисот мирных жителей, нашедших убежище в «Джума мечети», были перебиты до последнего.

Проявленная жестокость в отношении мирного мусульманского населения, продемонстрировала гнусную политику царизма, проводимую ее представителями на территории предательски оккупированного независимого ханства. Такое отношение не увязывается и с другим поступком Цицианова, приказавшего похоронить Джавад хана со всеми подобающими ему почестями во дворе той же злополучной «Джума мечети» как национального героя. Этим Цицианов хотел показать якобы свое благородство и великодушие и заслужить уважение гянджинцев, но вряд ли добился этого.

Следует отметить, что Гянджинское ханство считалось стратегическим ключом всего Азербайджана. Очевидно, именно поэтому Цицианов придавал этой победе большое значение. В своем донесении графу А.Воронцову, он сообщает: «Гянджинская крепость держит в страхе весь Азербайджан и может способствовать торговле грузинской по Каспийскому морю» (287). А в своем частном письме от 4 января 1804 г. он писал: «Местное положение ганжинской крепости повелевает всем Азербейджаном... Вот почему сие завоевание первой важности для России» (288). Такое же сообщение он посылает 8 января 1804 г. Кавказскому гражданскому губернатору Каспарову: «Местоположение Ганджинской крепости, держа в страхе весь Азербейджан, заставляет приобретение сие почитать наиважнейшим для России, а потому и считаю нужным, известия о том ваше превосходительство предложить Вам о столь знаменитой победе известить во все места, вверенной Вам губернии» (289).

В этом же письме кн. Цицианов сообщает о военных трофеях, добытых при штурме крепости и упоминает о двенадцати орудиях, шести фальконетах, одном штандарте, восьми знаменах, пятидесяти пяти пудах пороху и большом хлебном запасе (290). Подводя итоги, он отмечает, что потери русских составляли убитыми 1 штаб и 2 обер офицера и 35 нижних чинов, ранено легко 1 штаб, 8 обер офицеров, 122 нижних чинов, тяжелообер

офицеров 5 и нижних чинов 70 (291). Согласно сообщению кн. Цицианова, со стороны защитников крепости имеется «1500 убитых и 17224 в плен взятых мужеска и женско пола, а о раненых не известно» (292).

Очевидно, что большинство убитых было ни в чем не повинное мирное население.

10-го января Цицианов отправляет рапорт императору России Александру I, где с гордостью сообщает о «доблестях» русской армии, значительно повысив свою роль в захвате Гянджи, хотя, как нам известно, при штурме он не участвовал. В этом же послании от услужливо предлагает царю переименовать Гянджу: «... если ваше императорское величество удостоит соизволите сие всеподданнейшее мое представление высочайшей апробации, то дерзаю испрашивать украсить оный священным именем ея императорского величества Государыни Императрицы Елисаветы Алексеевны под названием: Елисаветполь» (293).

Александр I соглашается на переименование города и в рескрипте от 19 мая 1804 г. князю Волконскому издает указ, -установить льготу всем жителям Гянджинского ханства, освободить их на один год от налогов (294).

Получив согласия императора, кн. Цицианов даже издает указ, согласно которому, если через месяц после обнародования царского рескрипта или с 1-го апреля, кто-нибудь в прошениях или актах будет называть Гянджу старым названием, а не Елисаветполем (Елизаветполем), тот оштрафовывался на один рубль (295).

За заслуги перед отечеством царь производит Цицианова в генералы от инфантерии и награждает орденом Св. Александра. Солдатам, участвовавшим в штурме, было выдано по серебряному рублю на человека, а за взятие города установлена особая медаль (296). По сообщению Н.Дубровина, рассчитывая на получение ордена Св. Георгия 2-го класса, кн. Цицианов считал себя обиженным и под предлогом болезни даже просил об увольнении его от должности (297). Бывший в то время правителем русских войск в Грузии С. А. Тучков в своих воспоминаниях писал по этому поводу: «... Цицианов... прочитал в издаваемых ежедневно в Высочайших приказах, что войска, бывшие один день при разводе в Петербурге, за исправности получили также по рублю на человека; Цицианов столько был сим тронут, что имел дерзость, представить императору просьбу, чтобы позволено было нижним чинам, бывшим в штурме Ганжи на полученных ими рублях сделать скважины и на каких-нибудь ленточках носить их при мундирах, в знак отличия от полученных другими за развод. Сей поступок его остался без ответа» (298).

Гянджинская трагедия, разыгравшаяся в результате захватнической политики царизма и унесшая много невинных жизней, положила конец

правлению династии Зияд ог-лы, длительное время правившей в Гяндже и стала началом конца независимости ханств Северного Азербайджана.

Тяжелая участь постигла семью Джавад хана. Как сказано выше, сам Джавад хан и его средний сын Гусейн-Гули хан пали смертью храбрых во время защиты Гянджинской крепости. Двум сыновьям - Угурлу хану и Али Гули хану удалось во время штурма пробраться через блокаду и бежать к Гарабахскому Ибрагим хану. Жена Джавад хана Мелек Ниса Бегим - родная сестра Шекинского Мухаммад Га-сан хана, попавшая в плен при взятии Гянджи, вместе с десятилетней дочерью Ширин ханум просила Цицианова отпустить ее к брату. Сам Мухаммад Гасан хан просил «сделать одолжение и в знак дружбы отпустить к нему семейство убитого хана, оставшееся без всякого призрения и помощи» (299).

С согласия Цицианова, Мелек Ниса бегим и Ширин ханум вскоре получили разрешение отбыть в Шеки. О дальнейшей судьбе Ширин ханум нам известно, что в 1815 году она вышла замуж за Джафар Гули хана, внука Мухаммад Гасан хана (300).

Важно также отметить, что «Гянджинская крепость, почитавшаяся лучшею во всем Азербейджане» (301) была захвачена Россией не в период военных событий, разыгравшихся на Южном Кавказе только в июне 1804 года в связи с ирано-русской войной, а за несколько месяцев до них - в мирное время. Очевидно, что вероломно захваченное Гянджинское ханство, должно было послужить для России удобным плацдармом в ее предстоящей войне с Ираном.

Г Л А В А III

ХОЗЯЙСТВО И СОЦИАЛЬНО ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГЯНДЖИНСКОГО ХАНСТВА

В первой половине XVIII в. Азербайджан находился в состоянии глубокого экономического упадка (1). Иноземные вторжения тяжело отражались на жизни страны - разрушались города и села, уничтожались посевы и сады, опустошались некогда оживленные караванные пути. В результате нашествий Надир шаха нарушилось нормальное течение и хозяйственной жизни Гянджи; от этого, конечно же, больше страдали ремесленники, торговцы, крестьяне, испытывавшие все ужасы погрома и нашествий (2). Иранские войска опустошили Гянджу до такой степени, что по словам путешествовавшего в то время в тех краях И.Лерха «... видны были только разрушенные дома и каравансарай» (3). Для уплаты налогов и

собственного пропитания городское население выносило на рынок последнее имущество. В дневнике И.Лерха сообщается: «Три раза жители приносили в рынок на продажу все, что они имели: убор их жен, кольца, запястья, серьги... ибо таковы сборщики жестокими принуждают и к тому наказаниями» (4).

Все эти и другие, факторы (народно-освободительная борьба азербайджанцев и т.п.) способствуя ослаблению Сефевидского государства в целом, создавали предпосылки для образования на территории исторического Азербайджана небольших феодальных самостоятельных государств -ханств, среди которых было и Гянджинское ханство с центром в Гяндже. Во второй половине XVIII столетия происходил процесс постепенного хозяйственно-экономического восстановления страны в целом и Гянджинского ханства в частности. Согласно исследованиям, особенно большое оживление экономики происходит в 60-80-х годах XVIII в. (5), когда внешняя и внутренняя политическая обстановка стала более или менее благоприятной для Гянджинского ханства: временно прекратились иноземные вторжения, упорядочились связи с некоторыми другими ханствами.

При описании хозяйственной деятельности сельского населения в Гянджинском ханстве, следует особо подчеркнуть такие традиционные отрасли хозяйства как земледелие и скотоводство. В близлежащих к реке Куре областях занимались и рыболовством. Что касается городского населения, то оно, традиционно, в основном занималось ремеслом и торговлей, а также выращиванием бахчевых культур. Наиболее благоприятные условия в Гянджинском ханстве были для разведения пшеницы, проса, риса, ячменя, хлопка и других сельскохозяйственных культур. Для их выращивания крестьяне возделывали почву и строили каналы для орошения полей. Одним из способов орошения был арат, во время половодья низменные местности, называемые чала заливались водой и пропитанная таким образом почва делалась годной для посева в течении двух и более лет: «Из рек жителями проведены главные водяные каналы: по раздробленным маленьким каналам напугают воду по посеву и разного хлеба получают оного довольное количество» (6). От реки Гянджачая действовали такие каналы как Сарыарх и др (7). Сам Джавад хан был владельцем 10 каналов (8). Для орошения полей в ханстве пользовались и подземной ирригационной системой, называемой кахризами, которая была распространена во многих местностях Азербайджана. В полях, орошенных таким образом, выращивались пшеница и ячмень, из местных сортов нам

известны сары бугда, гора гылчык, гырмызы бугда, ала гюль и др (9). Согласно исследованиям М.Велиева (Бахарлы), «в низменных маха-лах ханства распространены озимый ячмень; в предгорных махалах ячмень с черными зернами, называемый тохмах» (10).

По словам современников, Гянджа являлась житницей Тифлиса: «Владение как-то Гянджинское и другое снабжали оную (Грузию) шелком, хлопчатой бумагой, сарачинским пшеном и другими необходимыми потребностями», - писал С.А.Тучков (11).

Цена хлеба, в сравнении с другими регионами Азербайджана, была намного ниже. Например, по данным 1769 года «в тамошних краях за хлеб в Шемахе и в Баке пуд муки продается по рублю, по пятьдесят копеек в Низовой или Кубе и Дербенте по одному рублю, в Генже гораздо дешевле» (12).

Как указывалось выше, в Гянджинском ханстве крестьяне возделывали также и просо; сеяли его в конце апреля, а собирали в сентябре. Вообще, изучая архивные документы, выясняется, что в Гянджинском ханстве в 1804 г. имелись 232 пашни (13), в которых собирался урожай пшеницы и ячменя до 215,808 пудов в год (14).

Второе место среди земледельческих культур занимало виноградарство. В одном из источников указывалось, что Гянджинский виноград сорта Йены Тебрю, наряду с крупными городами Азербайджана вывозился и далеко за ее пределы (15). В конце XVIII в. М.Биберштейн отмечал, что гянджинцы «культивируют с успехом виноградники» (16) и производят отличные вина. У жителей селения Норашен главной годовой податью во время правления Джавад хана являлась около 450 ведер вина (17). По данным источников, в 1804 г. в Гяндже было собрано 33.100 пудов винограда и произведено 27 тыс. ведер вина (18).

Из технических культур в Гянджинском ханстве, в рассматриваемый отрезок времени, разводили хлопок. Проникнув из Индии в Иран, он, пусть пока незначительно, но быстро распространился на землях южных ханств Азербайджана, в том числе и в Гянджинском. Во второй половине XVIII в. разводился, в основном, индийский сорт, получивший название в Азербайджане гара гоза, дающий грубое и короткое волокно (19) и «потому, vyrabatyvaemye из него хлопчатобумажные ткани были грубы» (20).

Материалы из документов изучаемого и даже чуть ли на столетие позднего периодов отмечают отсталость техники земледелия гянджинских крестьян. В одном официальном документе 1868 г. говорится, что «сельское

хозяйство находится здесь в младенческом первобытном состоянии (21). Судя по этим документам, и столетием позже, крестьяне этого региона, употреблявшие для обработки земли в основном соху, обращались к плугу (котану) изредка. Даже в горных условиях, где сама почва требовала глубокой вспашки, крестьяне-азербайджанцы редко пользовались плугом (22). «Равным образом, - говорится в документе, - и на плоскости, где поля поливные, плуг не употребляется» (23). Но тем не менее плугом, пусть не так часто, но пользовались. На равнинных местах в котаны запрягалась пара быков, а для вспашки в предгорье употребляли котаны с колесами, запрягая в них от четырех до десяти быков (24).

Для молотьбы пшеницы, ячменя и проса гянджинские крестьяне употребляли широкие доски, в которые вколачивали множество мелких и острых камешков. За тем к доске приделывали дышло и запрягали пару волов. На такую доску становился один человек, а второй водил волов «по накладенным снопам, от чего острые камешки выбивали зерна» (25). Отделенная от зерен солома употреблялась для корма скота. А для молотьбы риса крестьяне привязывали волов рядом к друг-другу и держа за веревку гоняли их по снопам до тех пор, пока зерна не высыпались. Обмолоченные зерна, как обычно, или хранили в специально приготовленных ямах, или же перемальывали в муку (26).

В Гяндже, во второй половине XVIII в., главенствующее место по объему выращиваемой продукции и количеству занятости в ней рабочей силы занимало садоводство. Интересно, что и во второй половине XIX в. Гянджа (тогда уже Елисаветполь) оставалась «одной из основных центров садоводческой культуры» (27). Здесь выращивались отличные сорта винограда, тута, абрикосов, персиков, слив, алычи, айвы, груш и черешни. Развитию садоводства способствовали и мягкие климатические условия. Гянджинские сады были расположены в основном на окраине города, в местечке Багбанлар. В развитии здесь садоводства были заинтересованы сами ханы, ибо от этого они получали большие выгоды. По данным архивных материалов в начале века в Гяндже и ее окрестностях было 421 сад (28). Путешествовавший по Азербайджану в начале XVIII Корнелий де Брюин, будучи в Шамахи (13 авг. 1703, г) получил сведение о Гяндже, о ее красивых садах и изобилии фруктов (29).

Говоря о садоводстве Гянджи некоего ханства особенно следует отметить занятие шелководством, которое в его экономической жизни имело

огромное значение. По данным документов, в начале XIX в., в городе Гянджа и в его окрестностях насчитывалось 34368 тутовых деревьев (30).

Разведение тутовых садов для шелководства имело важное значение. Таких «шелковичных садов», по данным статистики конца XVIII в., в Гянджибасанском махале было 124, из которых более 100 находились в селении Карасак-кал, в Самухском махале 26, на местечке Каранюй за рекой Курой 80, в Кюракбасанском махале 40, в Шамхорском 20; с присовокуплением же садов, находившихся в самом городе Гяндже с его окрестностью, общее количество тутовых садов составляло 315 (31). В источниках имеется сведение о том, что обработка шелка-сырца была чуть ли не единственным промыслом самухцев, которые «не имея достаточного количества садов... в первых числах апреля уходят в другие магалы Гянджинского ханства и соседние провинции и занимаясь там шелководством, получают за то от хозяев садов условную плату шелком» (32).

Во времена Джавад хана в гянджинских мастерских, в которых изготовливали шелковые ткани и платки, имелись до 375 ткацких станков (33). По имеющимся у нас данным, известно, что в этих мастерских выделялись шелковые ткани красного цвета, называемые хасхырмыз, альши, диз-лих-дарайя, намазы, татинлик, зеленого цвета, называемые яшыл-дараия, желтого цвета, называемые сары-дарайя, а также полшелковый материал, называемый кхасанфа и ардас (34). Кроме того, в гянджинских мастерских имелись еще до 30-ти станков, на которых изготовляли белую и красную бязь, а также тонкую ткань, называемую джаламая (35).

Гянджинский шелк был известен далеко за пределами ханства. За ним специально приезжали купцы из далеких стран. Интересен тот факт, что многие западноевропейские авторы называли импортируемые из Южного Кавказа шелка «Seta Gangia», т.е. «гянджинский шелк» (36). А это еще раз подтверждает не только высокое качество изготовленного в Гяндже шелка, но и свидетельствует о его широком распространении в ближнем и дальнем зарубежье. По данным источников, из Гянджи вывозились, в основном, два сорта шелка: ардасин - высокого качества и ардас или ардаш - более низкого качества: «Шелк ардасин идет из провинции Гендже, разное оно качества. Большая часть шелку желтовата, моты коротки и тонки, лигатура в нем обыкновенно толста и негодна, состоят они из шелку очень низкого с наружности, а внутри кладется шелк получше. Волокны в нем почти столько тонки как в бурме, но слабее, очень лоскови-ты. Привозят его караванами в тюках, почти одинакового весу, как шербефы, цена его прежде 35-40

пиастров, а ныне 50-55... Другой сорт ардаш или ардасс идет из той же провинции Гендже, но добротного ардассина гораздо ниже, и цена на ардасс гораздо ниже, чем на ардассин: тюк ардасса оценивается в 20-25 и 30 пиастров» (37).

В Гяндже вырабатывался и третий сорт шелка -шербеф. По качеству он был хуже и дешевле идентичного сорта шелка, вырабатывавшегося в Шамахи. Согласно архивным документам, «в Гяндже самый распространенный сорт [шелка] зеленый шербеф» (38). Несмотря на то, что этот сорт шелка не считался пригодным для экспорта, но тем не менее по сведениям источников, более 100 тюков шербефа в год вывозили за пределы Гянджинского ханства (39).

Большое развитие в этот период получило и бахчеводство. Большинство горожан имели свои земельные участки, на которых выращивали фасоль, горох, капусту, дыни, арбузы, помидоры, баклажаны и т.д. Бахчевые культуры полностью удовлетворяли потребности горожан (40).

Французский иезуит конца XVIII века Авриль Филипп, описывая Гянджу, особо подчеркивает красоту его садов и роць: «Мы прибыли туда в середине весны и никогда ни одно зрелище не поразило меня так. как это множество домов, прерываемое бесконечным количеством роциц, образуемых деревьями, отягощенными цветами и листьями, нарождающаяся зелень, которая делала их еще более приятными. И персы называют этот поистине восхитительный уезд не иначе, как цветником империи» (41).

Следует заметить, что документы, передающие сведения о послеханском периоде Гянджи (Елизаветполя), подтверждают сообщения французского путешественника: «..из всех царств природы Елизаветполь может похвалиться растительным. В этом отношении природа здесь величественна и разнообразна; сады и огороды составляют предмет тщательной заботливости горожан... Все возможные в Закавказском крае овощи произрастают здесь превосходно... Всякого рода огородную зелень можно иметь круглый год ..Здесь произрастает лучшая в Закавказском крае черешня и вишня. Плоды айвы достигают до 1, 1/2 фунта весу и отличаются сильным ароматом, гранаты и орехи здесь самые крупные в крае. Сливы разных сортов, персики и абрикосы растут в изобилии без видимого за ними ухода. Но особенно замечателен здесь виноград, который имеет здесь до 10 видов... Елизаветпольские мусульмане, известные в окрестностях как лучшие садоводы, обращают часть винограда на изюм и делают из него густой морс под названием бекмеза и дошаба» (42).

В Гяшркинском ханстве географические условия вполне благоприятствовали для развития скотоводства. Следует отметить, что для значительной части кочевого населения, особенно айрумцев, оно составляло главный предмет занятия. Издревле, в силу природных и национально-бытовых условий, скотоводство, особенно овцеводство, носило преимущественно полукочевой образ жизни; богатые и обширные степи, зимние пастбища давали возможность держать на них скот во все зимние месяцы, а поздней весной стада гнали далеко в горы, где они оставались там до конца лета (43).

Кочевое население, в основном, разводило такие породы овец, как таракама и даггоону, которые давали крепкую, грубую, но сравнительно длинную шерсть и много жира. Кроме того, разводился крупный рогатый скот, который имел существенное значение в жизни земледельческого населения ханства, так как служил почти единственной силой для удовлетворения земледельческих и домашних потребностей населения (44). Конечно, исходя из сведений источников, в которых данные по количеству всякого рода скота имеют некоторые колебания, трудно привести точные цифры для изучаемого периода. Но тем не менее, следует отметить цифры, приведенные из «Обозрения», согласно которым «прежде» в этом районе было «4 тыс. лошадей, 45 тыс. рогатого скота, 230 тыс. баранов и коз, 2 тыс. свиней» (45). Однако, уже в начале XIX в. в Гяндже с округом имелись, если верить источнику, всего 700 овец, 940 рогатого скота и 196 лошадей (46). А по всему ханству, по данным камерального описания, содержалось 2538 голов крупного рогатого скота, 6250 мелкого рогатого скота и 610 лошадей (47).

Естественно, что такое резкое падение поголовья скота могло быть результатом русского нашествия в Гянджинское ханство; тем более, что уже в 40-х гг. XIX в., Елизавет-польский уезд только по количеству крупного рогатого скота занимал одно из первых мест (48).

Продукты скотоводства - сыр, масло, овчина, кожа, шерсть удовлетворяли, в основном, потребности самих гянджинцев, однако, часть их реализовалась и на местных рынках. Из овечьего молока в сыроварне селения Карачинар изготавливали сыр, называемый «булунг - пендир», в который примешивали листья разных ароматных трав (49). Кроме того из шерсти овец местные умельцы ткали известные гянджинские ковры, а также килимы, джеджины, чувалы, хурджуны и другие изделия (50). Об этом сообщается и в «Статистическом обозрении Елизаветпольского уезда»; правда, приведенные в нем данные касаются 1841 г., но их можно отнести и к ханскому периоду, ибо традиционные ремесла азербайджанцев передавались из поколения в

поколение и многие из них (в особенности ковроткачество) в ходе развития товарно-денежных и рыночных отношений смогли подняться на более высшие ступени промышленного производства: «Почти во всех селениях на домашних станках женщины выделывают сукно, ковры, попоны, чумалы или мешки, чемоданы, веревки и прочее из домашней шерсти. Сукно очень добротное и тонкое... ширина около 3/4 аршина... Жители Елизаветпольского участка, живущие на Куре, в бывшем Самухском магале, выделывают особенно хорошего сорта материю из сученого шелка, полосатую, весьма прочную, она известна здесь под названием джеджима, ширина имеет 3/4 аршина... Произведения сии, особенно ковры, попоны и джеджимы вывозятся в Грузию и Кахетию» (51).

Наиболее распространенным видом ремесла из продукта скотоводства являлось дубление кожи. По словам К.Хатисова, кожевенное производство «принадлежит к одному из древнейших в Закавказье» (52). А в течение почти всего XIX столетия это ремесло проявляло в Азербайджане, в том числе и в Гяндже, сильную тенденцию развития. Для дубления кожи, в изучаемый период, в Гяндже, находились семь мастерских (53). Согласно описанию К.Хатисова, дубильни «помещаются обыкновенно в сараях при жилых домах, иногда в особенных домиках, которые строятся при ближайшей речке» (54). Процесс дубления кожи проводился следующим образом: сначала кожу держали четыре дня в реке, затем около двадцати дней - в отруби, после этого кожу солили, через три дня натягивали на специально приспособленный деревянный лист, называемый сарагаи, через двадцать дней опять солили, намазывали салом и сушили на солнце (55). По данным источников, в Гянджинском ханстве в год выделывали до 400 крупных и 600 м (56) хозяйственно-экономическое положение Гянджинского ханства, нельзя не говорить о Гяндже как центре ремесла и торговли.

Во второй половине XVIII в. шел процесс восстановления городов (57) и среди них Гянджа вновь, правда, пока еще медленно, возвращала себе свою былую славу, утраченную в середине века. Особенно росло количество городских жителей. В начале XIX вв. в Гяндже вместе с округом проживало более 17 тыс. человек (58). Сравнение с другими городами Азербайджана, за исключением Тебриза, который «к концу века насчитывал несколько десятков тысяч населения» (59) показывает, что и в самом городе в то время проживало не более чем 8 тыс. человек (60). Это количество подтверждается и в «Кратком камеральном описании Гянджи с его округом на 2 марта 1804 г.», согласно которому количество домов по всему округу равнялось 2117. А в Гяндже насчитывалось 213 домов с мужским населением, равным 3922 человек, и женским, равным 3381 человек (таблица приведена ниже).

Кроме основной массы населения, тут жили беки, придворные, духовенство, а также купцы, откупщики и другие сословия. По сведениям источников, в 1804 г. в Гяндже насчитывалось 126 беков, 6 медиков, 83 служителей религии, 288 ремесленников, 400 купцов и 352 человека, занимающихся сельскохозяйственным и наемным трудом (61). Из этих данных видно, что ремесленники, больше половины которых, исходя из данных за 1804 г., составляли ткачи (164 чел), портные (24 чел.) и сапожники (23 чел), а также торговцы составляли большинство населения Гянджи (62).

Немаловажную роль сыграло в Гянджинском ханстве добыча полезных ископаемых; именно этим своим богатством оно выделялось среди других ханств. Территория ханства, особенно склоны Малого Кавказа, были богаты ископаемый рудой (железом, медью, свинцом, каменной солью, квасцами и т.п.). Железная руда добывалась у села Дашке-сан, а также близлежащих деревень Чардахлы, Такнали и Джагирли. В одном документе за 1763 г. говорится: «Персия имеет своих железных руд довольно число в разных местах, а именно в Мазандаранской, Генжинской и в Гилян-ской провинциях» (63). Известно, что еще в средние века гянджинское железо, в основном, шло на изготовление оружия и предметов домашнего обихода. Добычу и обработку железа продолжали вести в Гянджинском ханстве и делали из нее чугунные пушки (64). По сообщению путешественника Гамба, поблизости от Гянджи давали от 75 до 80 футов литого железа (65).

В 1799 г. русские, заинтересованные месторождениями благородных металлов на Кавказе, по поручению Мусина-Пушкина, осмотрели районы поблизости Гянджи и нашли в малых реках Газаха незначительное количество золота (66). Кроме того, в селениях Баян и Гала были обнаружены залежи серебра (67).

В Гянджинском ханстве еще с давних времен добывали медь и кобальт, рудники которых находились в селениях Чардахлы, Башкенд, Джагирли, Согуглу, Баллыджа, Зурнабад, Заглик, Гуламбир, Човдар, Куши, Достафур и др. (68).

Следует отметить, что не малозначительно было добывание в окрестностях Гянджи и квасцового камня, выварку которого «по преданиям местных жителей... по-видимому производили еще во время римского владычества на Кавказе» (69). Путешественник Стевен, посетивший в 1805 г. Гянджу, отмечает богатство этого района квасцами (70). Однако, в

условиях междоусобиц и низкого уровня техники, гянджинские рудники оставались почти неразработанными. Любопытно, что и после русского завоевания края, производство квасцов, в силу объективных причин, терпело упадок (71).

Что касается, добычи железной руды, то она также велась примитивным способом. В документе 1764 г. говорится, что ее «разрабатывают небольшим числом крестьяне своими семьями...» (72). Там же сообщается о существовании в 1764 г. в Гяндже «заводов» для обработки железной руды и о том, что гянджинской рудой в прошлом пользовались и тебризские потребители: «Наперед сего и Таврическая провинция довольствовалась, а ныне довольствуется Таврическая провинция из Турецкой области железом» (73).

Наличие полезных ископаемых в изучаемом регионе стимулировало заметное развитие ремесленного производства в Гяндже и округе. Местные мастера по обработке металла смогли достигнуть успехов в своей отрасли, изготовить великолепные изделия домашнего хозяйства.

Заметим, что ремеслом занималась большая часть населения Гянджи. Особое место, как мы упоминали выше, занимало производство шелковых, хлопчатобумажных и шерстяных тканей и кожевенных изделий. Ремесло объединяло в себе портняжное, шорное, кузнечное, лудильное, столярное, плотничное, ювелирные дела, мыловарение и т.д. Гянджинские ремесленники трудились в мастерских, как обычно, находившихся на рыночной площади (74). Любопытно замечание С.И. Гулишамбарова, о том, что «прежде мастера сидели дома и работали среди семьи, теперь же они занимают лавки на базаре» (75). Эти ремесленники, в основном, выполняли заказы потребителей; таковыми были портные, слесари, кузнецы, медники, плотники и др. Широкое развитие получили и мыловарение, бондарство, изготовление масла.

Интересно, что ряд авторов XVIII в. называли мастерские с ручными станками «фабрикой»; однако, как в Гяндже, так и в других городах Азербайджана, в изучаемый период, речь могла идти лишь о ремесленном, мелкотоварном производстве.

В Гяндже находился монетный двор - зербхана, где чеканили свои местные деньги различного достоинства. В начале второй половины XVIII века, в годы правления Шахверди хана, здесь начали чеканить серебряные монеты, которые по своей весовой норме соответствовали норме

позднесевевидского аббасы (1 иранскому мискалу - 4,6 гр.). (76). Серебряные монеты, персидского образца, выпускаемые последующими ханами, чеканились или со стихотворной легендой, или же с добавлением формул с религиозными и иными текстами. Однако, средний вес номинала с этого типа монет в большинстве своем был равен уже 3,20 гр., а в дальнейшем даже 2,13 и 1,45 гр. (77).

Во второй половине XVIII века в Гяндже стали чеканить и медные монеты - фулусы. Были случаи, когда серебряные монеты фальшивомонетчиками переплавлялись с медью в низкопробные монеты (78). Любопытно в этом отношении замечание С.Гмелина о фальшивых, неполноценных монетах, бывших в обращении в азербайджанских ханствах в течение XVIII в. («деньги суть все сплошь подделанные...») (79).

Денежному хозяйству Гянджинского ханства сильно повлияли частые изменения монетных единиц соседних ханств Азербайджана, которые также имели свою денежную систему. Поэтому, тут чеканились в основном безымянные медные монеты. В нумизматической коллекции Музея Истории Азербайджана наряду с серебряными аббасы и полаббасы, чеканенных в Гяндже в этот период, хранятся и медные фулусы гянджинских ханов с изображением павлина (80).

Согласно исследованиям, монетная система Гянджинского ханства в течение его кратковременного существования, претерпела количественные и качественные изменения. Потребность государства в ходячей монете постепенно приводит к снижению веса основного номинала - аббасы. В конце XVIII - начале XIX вв. основу денежной системы Гянджинского ханства составлял номинал шахи и его производные (2 шахи и 3 шахи), в то время как номинал аббасы выходит из обращения. Денежный счет в платежных операциях осуществлялся на шахи (81).

Исходя из археологических находок, обнаруженных в регионе, в гянджинском рынке, наряду с местными деньгами, в обращении имелись деньги Голландии, Испании, России и других государств (82). А основные денежные единицы, имеющиеся в обращении на Гянджинском рынке, согласно документам того периода, были следующие, беш (пять) аббасы или так называемый джавадханский рубль (равен 71 коп. серебром), он (десять) шахи (42 коп. серебром), беш (пять) шахи (21 коп. серебром), один аббасы (17 коп. серебром) персидский сахибкиран (40 коп. серебром), гарабахский

пенахабад (20 коп. серебром), нухинский аббасы (10 коп. серебром), шамахинский аббасы или тимуршахский пенахабад (15 коп. серебром) (83).

Как отмечалось выше, в силу ряда объективных причин, Гянджа накануне изучаемого периода, утратила свое былое экономическое значение, но начиная с 60-х годов XVIII в., стала постепенно восстанавливаться. Но это не означало, что Гяндже удалось вернуть свою былую славу и в торговле; но тем не менее, в период ханства, шелковое и другие ремесленные производства заметно возросли.

Расположение Гянджи на пересечении больших сухопутных торговых дорог, связывающих между собой сопредельные страны, также способствовало развитию торговли. К этой дороге, которую чаще называли «Гянджинской», стекалось большинство караванных путей, ведущих из Азербайджана и Ирана. Длина отрезка пути от Тифлиса до Гянджи составляла 110 верст, до Гарабаха 225 верст, Шуши 265 верст, а от Гянджи до Дербенда 265 верст (84). У Красного моста от Гянджа - Тифлисского пути ответвлялась дорога в сторону Иревана, а в 22 км от Гянджи другой путь вел в направлении к Шуше. Шушинская дорога простиралась до Худаферинского моста, связывая Гянджу и Тифлис с Ираном и через него с другими странами Востока. Таким образом, Гянджа имела большие возможности для налаживания торговых связей с Турцией, Ираном и через Дербенд, а также Тифлис - с Россией.

Большую роль в передвижении караванов играли мосты. В конце ХУНТ в., на Баку-Гянджинском отрезке пути, существовало шесть мостов (85). Только лишь на р. Гянджачай было построено два моста - кирпичный и деревянный. Кроме того, над самым значительным каналом Карха-на высились три моста (86).

В изучаемый нами период, по этим дорогам, передвигались арбы и фургоны, запряженные лошадьми или мулами; только в Гяндже в 1804 г. имелись 196 лошадей и каты-ров (мул) (87). Для передвижения пользовались и верблюдами. А во внутренних перевозках чаще использовались вьючные животные.

Некоторые сведения о торговых путях Азербайджана в XVIII в., о расстояниях, о состоянии путей встречаем в сообщениях И.Лерха, М.Биберштейна, С.Гмелина, С.Броневского и других путешественников. Однако, следует заметить, что, все их сообщения о расстояниях и сроках ориентировочны и неоднозначны.

По имеющимся данным, некоторые гянджинские товары, например, «разные шелковые и бумажные материи, бумагу, сарачинское пшено и марену» доставляли по гянд-жино-бакинскому караванному пути в город Баку (88), оттуда морским путем везли в Астрахань, а также в порты Ирана. Из Баку караваны шли в Гянджу и везли русские товары «железо, олово, свинец, разные европейские сукна, льняные полотна, сахар» (89). Из Баку в Гянджу экспортировали также нефть, соль и другие местные товары.

Путь из Баку в Гянджу шел «через реки и ручейки» и затруднялся, после весенних разливов (90). Поэтому, местным правителям, заинтересованным в торговых отношениях, часто приходилось обустраивать караванные дороги.

Другая дорога, ведущая из Гянджи, через Гарабахскую низменность поднималась в Шушу. Эта дорога во второй половине XVIII в. мало использовалась из-за вражды и военных столкновений между ханствами. У С Броневского сохранилось подробное описание пути от Шуши в Тифлис через Гянджу (91).

По этим караванным путям в Гянджинское ханство привозили товары из многих городов Южного Кавказа и других стран. Авриль Филипп, описывая гянджинский рынок, сообщает: «Базары или рынки, расположенные в центре города-самые красивые и самые великолепные из всех, которые я видел на Востоке. Не говоря уже об их необыкновенном протяжении, они все очень хорошо покрыты сводами и всякий род товаров занимает свою определенную часть их. Так как местоположение Гянджи очень выгодно в торговом отношении, то в ней во всякое время встречаешь громадную толпу всяких иностранцев» (92).

Интересен тот факт, что на рынке устанавливалось специальное должностное лицо - амир маруфа, который «кроме обязанности собирать пошлины со всего продававшегося... судил обман всякого рода по торговле, наблюдал за верностью весов и мер, за свежестью съестных припасов...» (93)

После аннексии Гянджинского ханства русскими войсками, была составлена камеральная опись города, где указывалось, что ...»лавок обывательских торговых: годных 36, разоренных 363...» (94). Кроме

«обывательских лавок» в Гяндже были также «казенные лавки» и «лавки мастеров» (95).

Согласно ведомости «о ремесленных и художнических казенных и обывательских лавках», расположенных «на майдане в темном ряду и в 4-х каравансараях (в Елизаветполе) 23 апреля 1804 г. (96)» в городе было 9 лавок Серебряков, 7 - слесарей, 7 - делающих медную посуду, 1 - делающих ружейные стволы, 5 - кузнецов, 123 - где «ткут шелковые материи», 12 - где «ткут шелковые пояса и тесьму», 20-где «мотают шелк», 29 - где «ткут бяз и прочие бумажные холсты», 23-сапожников, 2-седельников, 5-токарей, 5- плотников, 2-кирпичников, 24-портных, 2-где «делают для ткачей инструменты», 7-где «подковывают лошадей», 9-шерстобитов и бумажников и др. - итого 306 лавок (97). По этим же данным в этих лавках работали 317 мастеров (288 азербайджанцев и 89 армянских переселенцев) (98).

Согласно архивным данным, на рынках Гянджи существовали специальные правила торговли. За нарушение этих правил платили определенный денежный штраф; в отношении нарушившего правила торговли применялось даже телесное наказание (99). Торговые сделки, производимые за пределами рыночной площади запрещались: «Буде же купишь в улице, а не на майдане - с того взимается 20 руб. штрафу». При этом половина штрафной суммы шла в пользу откупщика, а половина в ханскую казну (100).

Любопытны нормы и порядки торговли разных вещей на гянджинском рынке: не всякий мог продавать тот или иной товар, а также-когда ему заблагорассудится. Для каждого вида товара определялись специальные продавцы и даже время. Так, например, приезжим купцам разрешалось продавать пшеницу оптом только после полудня и в установленной норме (101). Им же разрешалось продавать мыло. Местные жители такого права не имели: «За продажу мыла: кто буде привезет для продажи мыла, с оногo здешний откупщик с батмана 2 стилиа, а буде здешний житель, который сварит собственно для своего дома и буде продаст хотя 1 стиль, с оногo обществу всего народа согласились взыскать 50 руб., из оногo половину в казну и 300 палок на майдане дать ему, буде же половину батмана кто ему подарит и с оногo взыщется штраф тот же» (102).

Такой же запрет был наложен на продажу табака: «За табачные пошлины кроме откупщика никто не смеет менее половины батмана врознь продавать, и то внося откупщику с батмана 50 коп., батман имеет в себе 50 стилей; а ежели потаенно кто продаст и уличен будет, взыскать с него 50 руб. штрафу и дать на майдане 300 палок» (103).

В зависимости от капитала и количества товаров, торговый люд Гянджи делился на четыре основные группы: купцы, оптовики, торговцы и корабейники (104). Среди них купцы, относящиеся к торговой верхушке, в основном занимались внешней торговлей; оптовики, ведущие в основном крупную торговлю, иногда не пренебрегали и мелкой. В городе у них были свои магазины. Владельцы магази-нов-торговцы, в основном, занимались мелкой торговлей. Представители самого низкого торгового сословия были корабейники, которые обходя многочисленные жилые кварталы, продавали галантерейные изделия (105).

Дополним обзор состояния торговли в Гянджинском ханстве еще некоторыми другими сведениями. Разумеется, что еще В.Н.Левиатов, а затем и другие ученые, изучившие историю отдельных ханств, на основе многочисленного и разнообразного материала, относящегося к изучаемому нами периоду, постарались осветить основные и важнейшие черты, определявшие характер экономики Азербайджана XVIII века (в том числе отчасти и Гянджинского ханства). Поэтому мы коснемся в основном только тех фактов, которые затрагиваю! именно изучаемый нами регион. Для характеристики ханских доходов от пошлин и откупной системы приведем некоторые характерные документальные сведения. В этом отношении очень интересен нижеследующий документ (106), по которому можно судить «о доходах с г. Гянджи прежде...», т.е. в ханский период:

«Ведомость о доходах с г. Гянджи прежде получаемых и ныне по вызову моему всех купцов, согласившихся платить пошлины, за что именно и по сколько-мая 1804 г.		
За что именно	Прежде получаемы с (рубл.)	Ныне все купцы платить согласились
За красильню синего цвета и красильню разного цвета	3700	1200 500
Весовые пошлины	1500	800
Боевые пошлины	1500	1100
Таможенные пошлины	1600	1300
Пошлины от продажи лошадей и разного скота	1900 900	700
Пошлины от продажи посуды Пошлины с красной бязи	180	140 150
За продажу бумажной нити	220	300
За продажу кожевни	300	140
За продажу марены	200	800
За продажу мыла	3000	250
За продажу вина и боевые пошлины	800	500
Кялис (Килсе) кенда	230	
Табачные пошлины		100
За бани	120	- 80
и масляный завод	300	120
За продажу разного хлеба	-	240
4 казенных каравансарая	- -	
Итого	16.430	8420

Известно, что поборы, которыми облагались ремесла и торговля, обычно сдавались на откуп (107). Хань, в том числе и гянджинские, «продавали право сборов откупщикам, которые, приобретя его, старались собрать с населения в несколько раз больше той суммы, которая ими была уплачена хану. Размеры сборов определялись ханским установлением» (108). Согласно архивной ведомости, подписанной русским майором Кочнеевым (109), можно иметь ясное представление о том, какие статьи доходов сдавались на откуп при Джавад хане: «1) сбор с красилен синего цвета (бояхана); 2) сбор с красилен в разные цвета; 3) весовые пошлины (мизанный сбор); 4) таможенные пошлины (рахдарный сбор); 5) сбор с продажи бязи; 6) сбор с кожевен; 7) сбор за продажу марены; 8) сбор за

продажу мыла; 9) за убой скота; 10) за продажу лошадей и рогатого скота; 11) за продажу вина и пошлины за убой скота в Килсе-кенде и Норашене; 12) за продажу табака; 13) за продажу хлеба; 14) за четыре караван-сарая; 15) с лавок; 16) за продажу арбузов и дашь; 17) за продажу рыбы; 18) за продажу посуды; 19) за продажу бумажных нитей; 20) за продажу масла; 21) за масляный завод; 22) молочная торговля на майдане; 23) за бани; 24) сбор в пользу базарного зрителя» (110).

Ханские власти предоставляли откупщикам широкие льготы. Торговец, вывозивший шелк за пределы ханства, был обязан «брать от откупщика ярмак и платать с каждого баниана... Кто вовсе утаит покупной к продаже шелк, или захочет провести в другую провинцию тайным образом, не заплатив пошлин, а откупщик такового поймает или на него докажет, то с виновного взыскивалась двойная пошлина в пользу откупщика» (111). Любопытно, что окраска шелка шерстяных и бумажных материй, ниток в голубой, темно-зеленый и светло-синий цвета также была в ведении откупщика: «Окрашивание изъясненными выше красками никто кроме откупщика не смеет, прочих же цветов окрашивание имеет право делать». (112)

Весовые пошлины (мизанный сбор) взимались с шелка. За батман шелка, продававшегося на гянджинском рынке, с покупателя взималось 65 коп., с продавца-40 коп., с провозивших шелк через Гянджу, но не продававших его, взималось по 13 рубл. с вьюка, да еще 60 коп. в пользу весовщика (113).

Самым сложным был таможенный (рахдарный) сбор. Этот сбор распространялся на всю торговлю и, поэтому, часто под рахдарным сбором имели в виду всевозможные поборы. Интересен с этой точки зрения российский документ о рахдарах, который приносит ясность положению откупной системы при Джавад хане: «За таможенные пошлины с каждой материи, буде здесь продавать будет и за марену за вьюк 1 руб.; с проезжающих с материями берется с вьюка 5 руб.; буде здесь купит материи и вывезти в другое место берется с вьюка 1 руб. 30 коп.; из Эривани, Тифлиса, Шуши и Нухи привозят сукна и бурки-берется с вьюка 1 руб., с лезгин 50 коп.,... с сарачинского пшена, из какой бы то привезено ни было деревни, с вьюка 25 коп., с пшеницы и муки с вьюка 10 коп.; с рыбы с вьюка 20 коп.; с масла коровьего и меду с вьюка берется 50 коп., с сыра-с вьюка 20 коп., с арбы рыбы, буди грузин привезет продавать или за города повезет,-37 1/2 коп., с армянина за арбу-80 коп., с соли с вьюка 20 коп... с шелка, вывозимого отсюда - с

вьюка 1 руб., с гороха и лоби-с вьюка 50 коп., с табаку-с вьюка 90 коп., с 10 батманов табаку берется 1 батман и т. д. и т.п.» (114).

Таким образом, откупная система тормозила развитие ремесел и торговли. Любопытна характеристика откупной системы при ханском режиме, данная в одном из архивных документов. «Откупщику, на основании прежних ханских прав, дозволяется пользоваться разными сборами, известными под именем рахдара (115), которые освобождает только жизнь и смерть, но существование человека, пища, питье, одежда, всякая торговля, промышленность, рукоделие, земледелие, Шелководство и все без изъятия заведения, изобретения и труды обречены рахдарным поборам даже земные и лесные плоды, камыши и всякие мелочи подвергаются рахдару» (116).

По справедливой заметке В Левиатова, при откупной системе один и тот же товар подвергался нескольким различным обложениям (117). Например, за проданного на гянджинском рынке шелка-сырца из Ареша или Агдаша платили откупщикам за вывоз из Шекинского ханства, за переправу через р. Куру, за ввоз в Гянджинское ханство, за место в каравансарае, за весовой сбор, базарному даруге и т.п. А если товары проходили путь через несколько ханств, то подвергались обложениям в каждом из них. Таким образом, привозной товар продавался на гянджинском рынке очень дорого (118).

Все вышесказанное показывает, что начиная со второй половины ХУШ в. в Гянджинском ханстве вновь поднялись сельское хозяйство и торговля, усилились торгово-экономические связи с другими ханствами Азербайджана и с соседними странами. Однако, существовавшая в Азербайджане политическая система все-таки препятствовала этим связям и тормозила развитие экономики, в том числе и Гянджинского ханства.

В Российском документе 1836 г. имеется сведение о шести гянджинских магалов, включавших в себя 54 селений и айрум-ских кочевьев: 1) Горский ~ расположенный в Гянджинских горах, в юго-западной части города (14 селений), 2) Шамхор-ский, прилегающий к Шамшадилской дистанции, находится по обеим сторонам реки Шамхор (7 селений), 3) Кюракбасанский, соседствующий с Гарабахской провинцией, расположенный по левую и несколько по правую сторону реки Куракчайи во все продолжения ее от города (12 селений), 4) Гянджибасанский, находится между Кюракбасанским и Шамхорским магалами (12 селений), 5) Самухский, расположен за хребтом гор Самухских, по правому берегу река Кура (9 селений), 6) Айрумский, состоит из кочевых, рассеянных по всему округу (119).

В камеральном описании г. Гянджи с его округом, составленном 2 марта 1804 г. имеются не только названия сел, количество домов и проживающего в них населения, но и количество скота, садов, пашен, годовой подати и т.п. (120):

Краткое камеральное описание г. Гянджи с его округом 2 марта 1804 г.

Имена селений*	Число домов	Число душ.						Имущество						
		Муж	жен	лошадей	рогатого скота	овеко	свино	Пашни	Годовая подать во время ханского					
									хлебом	вином	шелком	Деньгами	Какое имело в деревнях мастеровские	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	
г. Гянджа	213													
Кялис кянд	792	257	590	44	89	27	186	-	-	-	2100			
Челамбирт	15	215	156	15	45	-	5	-	-	-	-	-		
Игирмидорт	28	130	100	18	3	34	9	-	-	-	-	300		
Норашен	74	125	121	9	6	-	68	-	-	450	-	500		
Боянь	51	100	80	10	45	100	15	20	-	-	-	-	Делают желез	
Куши	8	30	23	7	40	-	-	25						
Сеид кянд	8	26	21	3	14	-	-	12						
Тастихяга	8	26	22	3	11	10	-	9						

* Сохраняем названия местностей согласно написанию в документе.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Човдар	9	25	21	4	20	50	-	15					
Заглих	40	100	57	30	120	150	-	20	-	-	-	-	делают селипру
Барсум	29	65	66	4	55	50	15	15	-	-	-	-	
Барсум	9	19	17	2	13	-	3	8	-	-	-	-	
Имирзинь	13	28	17	-	18	-	-	15					
Сонграба	12	23	16	1	16	-	1	10					
Курут	5	8	7	-	2	-	-	1					
Гапаклу	163	29	26										
Чамаит	60	100	70	7	60	70	-	20					
Аблах	16	32	26	3 3	20	-	-	20					
Кара кешиш	7	15	10	-	10	50	-	10					
Дулус__	12	25	20	-	2	-	-	4					
Сулук	141	26	14	-	5	-	-	10					
Гачикянд	10 !	20	20	-	1	-	-	2					
Гадис	6	12	10	-	4	-	-	8					
Кошкь	7	10	7	-	4	-	-	8					
На фортгате тапарскяк из коякловязни города ушли в разные места 200семей	615	1199	1168	2	4	-	92	-	-	-	-	43 35	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
В округе													
1. Даллар	43	74	85	4	70	132	-	-	20	-	-	100	
2. Капанлу	11	20	19	-	2	-	2	-	6	-	5	40	
3. Кенглу	45	82	19	2	74	-	-	-	20	-	-	100	
4. Алабашлу	29	50	41	-	24	27	-	-	14	-	-	60	

5. Сейфалу	42	85	77	-	-	-	-	-	20	-	-	100	
6. Чобан авдалу	12	23	19	1	11	-	2	-	4		5	40	
7. Ханлукар	25	50	54	12	24	-	-	-	3	-	-	100	
8. Чалак	11	19	22	-	-	-	-	-	1	-	-	40	
9. Хазар ахмазлу	112	68	82	-	-	-	-	-		-			
10. Фарацлу	112	68	82	-	-	-	-	-					
Из оних по взятии города ушли семейств:													
в Нуху	40									-	-	300	
в Карабах	30									-	-	300	
в Самух	10						26			-	-	300	
скота рогатого:													
в Карабах	150									-	-	300	
в Нуху	60									-	-	300	
11. Зиадлу	6	15	17	-		-	4	-	5	-	5	20	
12. Бачаклу	22	50	58	-	-	-	-	-	4	-	-	40	

Ханские владения, включавшие в себя во II половине XVIII века не только земли удельные - хассе, но и земли государственные - диваны, были крупными (121). В архивных документах сохранилась «ведомость об имуществе» Джавад хана, составленная 2 марта 1804 г (122). Согласно этому документу имущество последнего гянджинского хана составляло, «в крепости: домов 19, бань 2, лавок для ремесленников 40, монетный двор I, мельница 1, завод стеклянный 1, на форштате: караван сараев 5, лавок торговых: годных 48, разоренных 28, баня 1, мельниц 6. В Калис кянде дом 1, завод масляный 1, садов 6... В окружности: каналов 10, земли для хлебопашества - 42 пашни, засеянного хлеба: пшеницы 151 и ячменя 38 тагаров» (123).

В Гянджинском ханстве одним из видов земельной собственности, как и во многих странах Востока был мюльк, т.е. земля являвшаяся собственностью других представителей господствующего класса, не связанная с несением службы хану. Владелец мюлька обычно распоряжался своим имуществом по собственному усмотрению, мог дарить, продавать, передавать по наследству и т. д.: «В Персии мюлькадарами называются

помещики или владельцы недвижимых имуществ, приобретенного покупкою или наследством» - писал А. Бакиханов (124).

Другой более распространенной формой договорного феодального права в Гянджинском ханстве был тиуль, т.е. условная земельная собственность феодала, связанная с отбыванием у хана определенной службы. Она жаловалась или на какой-то срок, или же по воле хана пожизненно, т.е. с правом передачи по наследству. Владельцы тиульных земель жили за счет ренты, которую они получали с крестьян (125).

Земельными собственниками могли стать не только светские, но и духовные лица, а также учреждения, владевшие т.н. вакфными землями.

В составе Гянджинского ханства находились султанства Шамшадилское и Газахское (126). Их потомственные правители - султаны, являющиеся представителями местной наследственной династии, имели почти полную судебную и административную власть над своим магалом. До сведения хана доводились, в основном, лишь вопросы, касающиеся внешней политики (127).

Следующую ступень феодальной иерархии после хана и султанов занимали беки. К концу XVIII в. в Гянджинском ханстве большинство беков были некрупными землевладельцами и не отличались богатством; лишь некоторые из них имели по несколько селений, жители которых несли в пользу беков определенные повинности: «Обязанность беков главнейшая состояла в том, что они должны были быть всегда готовы на всякую службу хану, на собственном иждивении» (128).

Хотя, во многих ханствах Азербайджана липа высших сословий - беки, агалары и другие имели свои особые права и преимущества, в Гянджинском ханстве местные беки традиционно зависели от ханов и «не пользовались никакими правами» (129). Привилегиями пользовались, в основном особы, приближенные к ханам.

Крупные владетельные беки «с трудом покорившиеся ханской власти и часто оную не признававшие», нередко занимали враждебную позицию по отношению к ханской власти (130). Это хорошо видно по примеру Рагим бека, который при содействии Картли-Кахетинского царя Ираклия, весной 1785 года, временно захватил власть в Гяндже (131).

К социальной категории служилых беков, также относились придворные хана, мелкие беки и тиульдары (132). Придворные хана несли административную и военную службу, за что получали пожалования в виде

земельных угодий, населенных райятами и ранджбарами. По сведениям источников, состояние ханского двора «поддерживалось достойнейшим образом» (133). Ханским домашним хозяйством заведовали специально назначенные пазиры и туш-малы. Кроме того во дворце хана имелись казна (казина-дарбаши) и сандухтар (сандыгдар) агасы, из которых первый был казначеем, а второй контролировал денежные расходы. Амбардар агасы ведал за хранением и расходом продуктов, поступивших в качестве натуральных повинностей.

Известно, что и военная власть в ханстве была сосредоточена в руках самого хана, который, обладал атрибутами не только государственной, но и военной власти. Несколько знамен гянджинского хана, а также его бунчуг и ныне хранятся в Музее Истории Азербайджана (134). А железные ключи Гянджинской крепость (длиной 23,5 см.) также хранящиеся в Музее, были взяты в виде трофея генералом П.Цициановым после захвата Гянджи в 1804 г. (135). Заметим, что гянджинский хан, как и другие азербайджанские ханы являлся верховным главнокомандующим своего войска, а главный его военачальник в «Обзрении» именуется «серафюль беком» (136); по всей видимости это не титул, а имя (Исрафил бек) главы войска гянджинского хана. Над тысячами конных как и в других ханствах, стоял миибашы, а над сотней - юзбашы\ адъютант хана назывался эишк агасы. Во дворце при хане имелись фарраши - "вестовые, или рассыльные" которые доставляли приказы и письма хана (137). За порядком во внутреннем убранстве дворца отвечал пишхпдмет агасы.

Судебная власть была разделена между правителями магалов ханства, которые назывались магальными беками (или наибями). В основном они не были потомственные беки, а являлись лицами лично назначенными ханами. Однако, все важные, в особенности уголовные дела решали сами ханы, на что указывают ханские грамоты изучаемого времени; хан в своих решениях руководствовался обычаями-адатами и собственным "произволом, которому иногда подчинялся и сам Шарь"; другие дела рассматривались магальными беками, которые за свою работу редко получали жалованье и довольствовались в основном различными сборами (138).

В Гяндже городской головой считался кшшптар, который следил за порядком в городе. Ему подчинялись все дарги - "начальники полиции" (139). Во времена Джавад хана "весьма важным по существу" была упомянутая выше должность амир-маруфа, у которого кроме сбора пошлины со всего продававшегося, в обязанность входило и осуществление порядка

на Гянджинском рынке. Злоупотребление торговцев наказывалось "строго и часто смертью виновных" (140).

В Гянджинском ханстве, как и во всем Ближнем Востоке, "безпристрастным судом у мусульман" почитался шариат ("шарь"), решению которого подлежало большей частью гражданские дела. Он состоял из духовных лиц, под председательством казия. Суд в определениях шариата основывался более на законах Корана. Интересно, что исходя из "Обозрения", случалось, что и "христиане предоставляли некоторые дела разбирательству этого суда, уважая его без-пристрастие" (141).

Что касается духовного сословия, то оно разделялось на две категории-высшую и низшую. К высшей категории принадлежали те, кто объединял духовную и светскую власть - ахунды. К низшей - служители веры, не имевшие права вмешиваться в светские дела - муллы, сеиды, дервиши и т. п. Знание муллы состояло из чтения, письма и толкования Корана, а ахунды были более образованными, знали тонкости законов религии и вели строгий образ жизни (142).

Особую социальную группу в Гянджинском ханстве составляли муафы (маафы), которые как и видно из значения этого арабского термина (муафан- "освобождать, избавлять от чего-то") были освобождены от налогов, податей и трудовых повинностей и несли военную службу по призыву хана (143). В русских документах они именуется родом земской милиции (144). В источнике даются следующие сведения об обязанностях и о положении муафов; "Обязанность муафов состоит в том, что властью ханов были они отправляемы в поход против неприятеля, исполняли распоряжение местного начальства и содержания караула, но не платили в казну податей на сем же основании" (145).

Гянджинские крестьяне делились на ранджбаров, наиболее эксплуатируемого феодалами слоя крестьянства, а также на райятов и элатов. Райяты, составляющие основную массу крестьян, имели свое хозяйство. Пользуясь землями ханов, они отбывали ряд повинностей и выплачивали различные налоги и подати.

Тяжелые условия принуждали райятов иной раз бежать от своих владельцев. Любопытно, что между гянджинском Шахверди ханом и картликахетинским царем Ираклием было даже заключено соглашение о взаимной выдаче беглых райятов. А в 1790 г. Ибрагим хан Гарабахский приказал отыскать всех райятов, разбежавшихся в соседние ханства, в том числе и в Гянджинский и в результате большинство из беглецов были возвращены

своим прежним владельцам (146). Однако, райяты зачастую покидали свои земли и после междоусобиц. Так, после аннексии Шамша-дилского султанства Российской империей в 1801 г., из 33 селений "остались на своих местах деревня Татулу, Хасан сулу и половина Гокшалы на реке Хасань лежащая, половина деревни Амурлу на реке Аханже, половина деревни Байрамлу на реке Ассерике и половина деревни Айрум, в горах находящейся; из селения Моруль находится при султана один агалар с тремя семьями, да из 12 селений на р. Сагане находящихся, осталось при султана два агалара, прочие же все у хана Гянджинского" (147).

Что касается ранджбаров, о которых имеется интересное исследование И.П.Петрушевского (148), они в основном работали в личном хозяйстве хана (149), почти круглый год и на пропитание получали часть вырабатываемой продукции.

Как и в других ханствах Азербайджана налоги, взимаемые натурой и деньгами, собирались не только в пользу ханов, но и других владельцев. Любопытен факт, согласно которому в Гяндже в пользу сборщика налогов выделялся более одного пуда шелка (150). В пользу них собирался также денежный сбор под названием "куллук-дарнахлуг" (дар-галыг), в размере 7 с половиной коп. с каждого рубля подати. Наряду с этим, сборы собирались и "на жалования ханским чиновникам - "дырнаглых", по 25 коп. с каждой сохи, а также "даргалыг", в пользу дарги - высшего представителя полицейской власти в магале (151). Существовали многочисленные виды податей, собиравшиеся в пользу самого хана: тоуджи - который собирался деньгами в год около 10 тыс. рублей (152), баг пулу - с сада, баирамлыг - праздничный сбор, и т.д. Кроме того из источников нам известны такие виды налогов как мустамир - налог зерном, который в год составлял от всего ханства 444 тагар хлеба (153), малджахат - сбор, составляющий одну десятую часть урожая зерновых и одну пятую часть шелка и хлопчо-табумажной ткани, пенжикалам - личные повинности, состоявшие из доставки жнецов и быков для провозки тяжестей, сбор для прокорма ханских лошадей. Существовала и баршинная повинность бияр, виды и размеры которого бывали различными.

Большая масса населения Гянджинского ханства, особенно в Айрумской магале, занималась скотоводством и вела соответствующий этому занятию образ жизни. Эта часть населения называемая "эл", лето проводила в горах на "яйлаг"ах - летних пастбищах, а осенью спускалась с гор в зимовья - "гышлаг"и. Поскольку все земли, в т.ч. и пастбищные, принадлежали ханской семье, элаты отрабатывали ряд повинностей в пользу владетелей пастбищ: пасли ханские стада, стригли овец и баранов,

приносили различные подарки -овец, шерсть, масло, сыр и пр. Согласно документам, только "с 603 дворов с населением в 2035 человек", подвластных Джавад хану из шамшадилских и айрумских деревень, взималось "300 тагар хлеба, 50 батман масла, 25 батман меда и деньгами 2250 руб." (154)

В общем же, доходы Гянджинских ханов от различных видов налогов, податей и повинностей составляли около 50 тыс. рублей серебром в год (155).

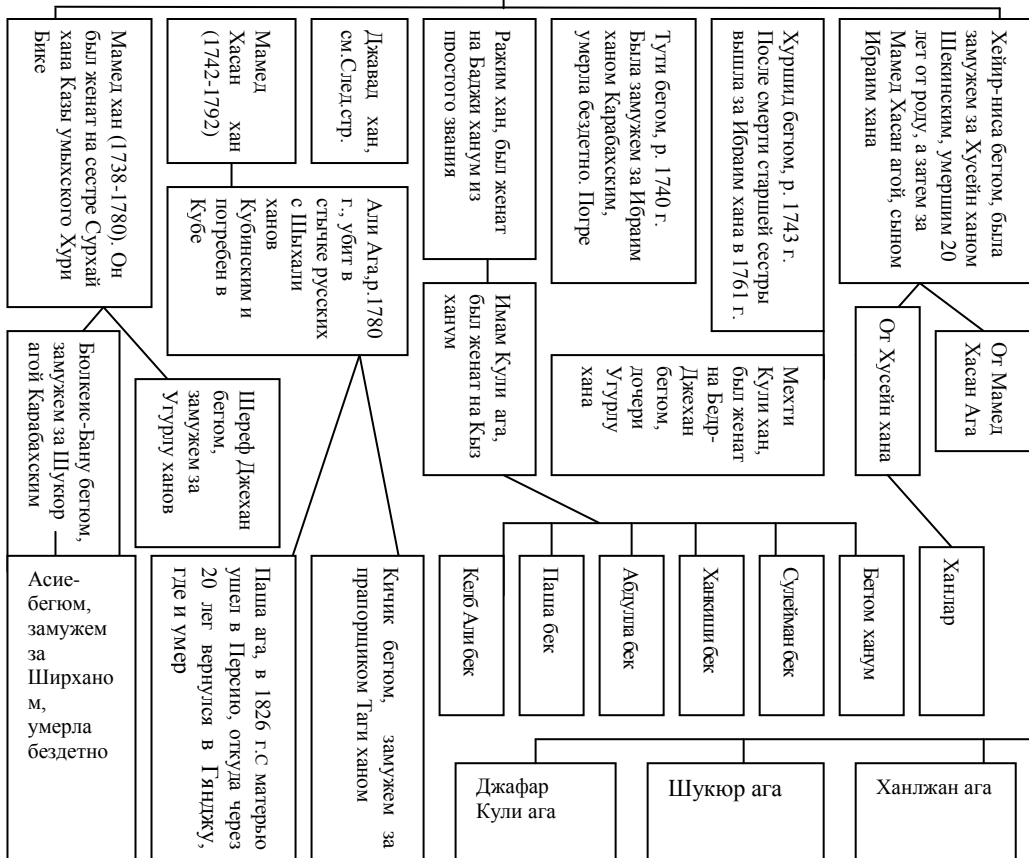
Во второй половине XVIII в. в Гянджинском ханстве в связи с ростом товарного производства и рыночных отношений возросли денежные сборы налогов и податей. Денежная рента была особенно развита в Гяндже, где торгово-денежные отношения сравнительно глубже проникли в экономику. Но несмотря на это, в целом по ханству из основных форм ренты - отработочной, натуральной и денежной, преобладающее место занимала натуральная.

Тяжесть налогов и повинностей низводила крестьянское хозяйство до жалкого состояния, произвол чиновников ухудшали положения самих крестьян. В этом, конечно, немаловажную роль играла и сама система существующего ханского режима, которая традиционна придерживалась старых социальных взаимоотношений, существующих между феодалами и крестьянами. Любопытна в этом отношении характеристика, данная АБакихановым гянджинскому Джавад хану: «...несмотря на свои личные достоинства и любовь к наукам своим дурным поведением и жестокостью он вооружил против себя народ и соседних правителей» (156).

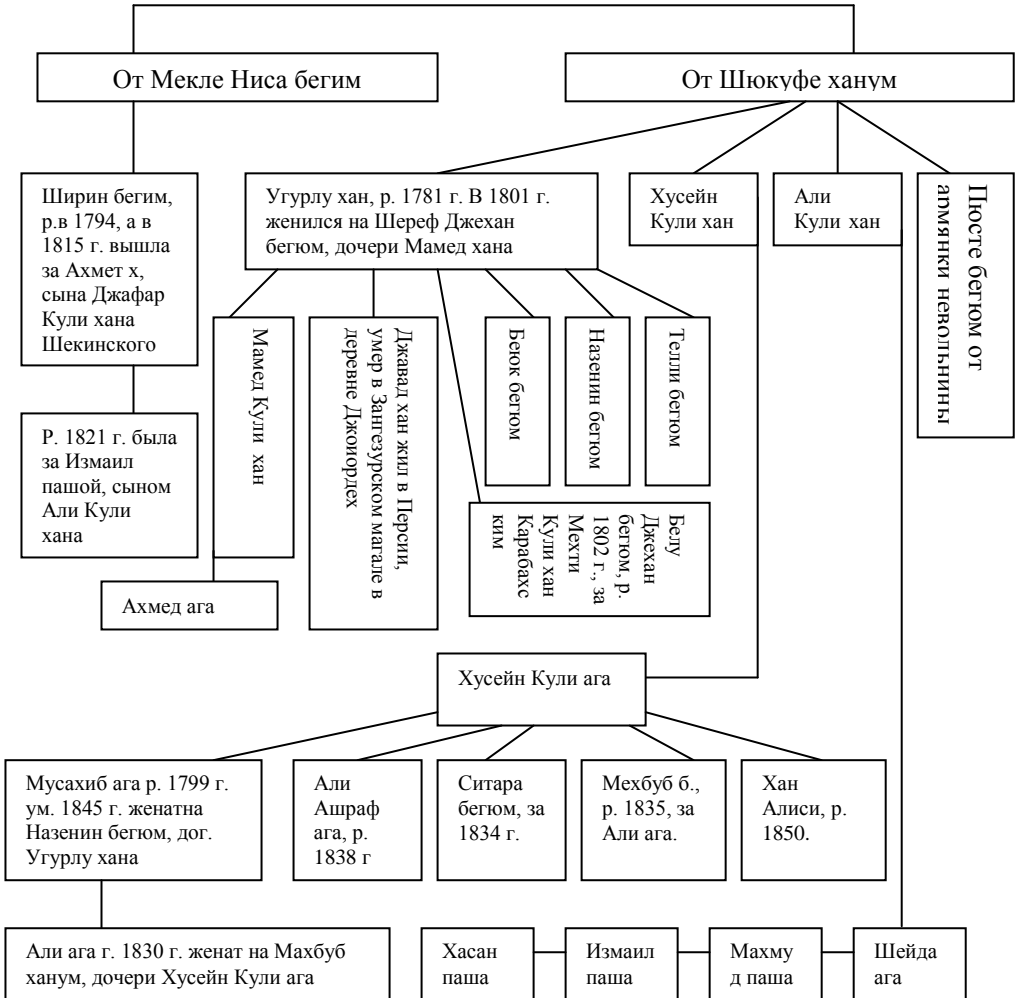
Такова общая картина социально-экономического положения Гянджинского ханства к исходу XVIII - начала XIX вв., где наряду с другими ханствами Азербайджана происходил процесс постепенного экономического восстановления после ирано-российского вторжения в первой половине XVIII в.

Родословная таблица Гянджинских ханов Шахверди-хан (1740-1756)

Был женат на 1)Шереф-джехан-бегюм, 2)Гюль-Гунче (армянка)



Потомство Джавад хана



ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА I

1. В 1722 году русские войска иод командованием Петра I заняли прикаспийские области Азербайджана. Об этом см.: История Азербайджана т. I, Б., 1961, с. 333 [История Азербайджана, т. III, Б., 1999, с. 349-362].
2. Есаи Хасан Джалалян. Краткая история страны Албанской (1702—1722). Под ред. академика Буниятова З., Б., 1989, с. 34.
3. Алиев Ф.М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. Б., 1975, с. 35.
4. Мухаммед Казим. Намеи аламара-йи Надири. М., 1966, т. II, с. 175.
5. Дж. Ханвей. Исторический очерк британской торговли в Каспийском море... (НАИИ НАН Аз., инв. №211).
6. СИРИО (Сборник импер. рус. истор. общва), СПб, т. 64, д. 8, с. 56. Донесение к гр. де-Морвиллю, 3 ноября 1725 г.-об овладении турками Ганджой и Лористаном.
7. Авриль Филипп. Путешествие из Европы в Азию. (НАИИ НАН Аз., инв. №477).
8. Абдурахманов А.А. Азербайджан во взаимоотношениях с Россией, Турцией и Ираном в первой половине XVIII века. - Баку, 1964, с. 41. См: АббаС-Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-ирам, Баку, 1991. с. 137; так же: Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966, с. 120.
10. Алиев Ф.М. Азербайджано-русские отношения (XV-XVIII вв.), ч.1 - Б., 1985, с. 151.
11. Юзефович Т. Договоры России с Востоком. - СПб, 1869, с. 184-202.
12. Соловьев СМ. История России, кн. 4. т. XX, с. 1331.
13. Там же, с. 1331-1332.
14. Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII веке. - Б., 1948, с. 102.
15. Бакиханов. Гюлистан-ирам. с. 139.
16. "История Надир шаха", составленная Мирза Мехти ханом Астрабадеким. - "Русская старина", 1881, октябрь, т. 32, с. 203.
17. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. - СПб, 1869, ч. I, с. 126.
18. Левиатов В.Н., Ук. соч., с. 103.

19. Извлечение из дневника путешествий доктора Лерха. I путешествие, НАИИ НАН Азерб., инв. №487, л. 5.
20. Хроника войн Джара в XVIII столетии. Б., 1931, с. 19.
21. Лерх И.Я. Ук. соч., л. 5; см. также: Левиатов В.Н. Ук. соч., с. 103.
22. Юзефович Т. Ук. соч., с. 190-207.
23. См.: Левиатов В.Н. Ук. соч., с. 103.
24. Донесение К. Рондо лорду Гаррипгону из Петербурга, 16/111-1735 г. СИРИО, т. 76, д. 181, с. 381-382.
25. Об этом см.: Бакиханов А. Ук. соч., с. 140. АКАК, т. II, Дополнение к I тому, с. 1110.
27. Соловьев. Ук. соч., кн. 4, т. XX, с. 1233.
28. Лерх И.Я. Ук. соч., л. 125-126.
29. Там же.
30. Дневник Абраама Креатци. НАИИ НАН Азерб., инв. №639, с. 18-19.
31. Донесение К. Рондо лорду Гаррипону из Петербурга, 6 сент. 1735 г. СИРИО, т. 76, д. 218, с. 441.
32. Лерх И.Я. Ук. соч. II путешествие, НАИИ НАН Азерб. Инв. №490, л. 126.
33. Бакиханов А. Ук. соч. с. 144—145.
34. Там же; см. также: Левиатов. Ук. соч., с. 106.
35. Мирза Адыгезал бек. Гарабахнаме, с. 30
36. Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI-нач. XIX вв.-Л., 1949, с. 124.
37. А. Бакиханов. Ук. соч., с. 172.
38. Петрушевский И.П. Ук. соч., с. 124.
39. По сообщению Мирза Адыгезал бека (Ук. соч., с. 31) из Гарабаха были переселены части племен джаваншир, отуз ики, кебирли.
40. А. Бакиханов. Ук. соч., с. 172-173.
41. Мирза Адыгезал бек. Ук. соч., с. 31.
42. А. Бакиханов. Ук. соч., с. 145 (у него: "Надир шах... назначил своего брата Ибрагим-хана главным правителем провинции от Капланкуха до Арпачая и дальних пределов Дагестана и Грузии, подчинив ему всех владетелей и начальников, находившихся в этом крае").
43. АВПР, ф. СРП, он. 47/1, д. 7/1738/л. 755. Петрушевский И.П. Ук. соч., с. 301.
45. Цит. из "Хроішки Орбелиаии" (Броссс, II, с. 65), по кн.: Альтман М.М. Исторический очерк города Гянджи с 1606 по 1804 г., ч. II, НАИИ НАН Азерб. инв. №
46. Там же.
47. Вахушти Бафатиони. История царства грузинского, с. 179.
48. Мухаммед Казим. Тарих-и аламарайи Надари, т. 1, с. 170.
49. АВПР, ф. СРП, он. 77/1, 1739, д. 8, л. 36.

50. Хроника войн Джара в XVIII ст. с. 30; см. также: Левиатов. Ук. соч., с. 108.
51. АВІР, ф. СРІ, он. 77/1, 1739, д. 8, лл. 37-37 об.
52. Газ. "Кавказ", 1300.
53. Левиатов. Ук. соч., с. 114.
54. Алиев Ф.М. Антииранские выступления... с. 166. См. об этом: Мамедова Г.Н. Русские консулы об Азербайджане. Б., 1989, с. 45—48.
55. АВІР, ф. СРІ, он. 77/1, д. 7, 1743, л. 374.
56. Там же, 1744, д. 7, л. 128-128 об.
57. Там же.
58. Газ. "Кавказ", 1300.
59. Арукова Р.Н., Ашрафян К.З. Государство Надиршаха афшара. М., 1958, с. 115.
60. Мухаммед Казим. Тарих-и аламара-йи Надири, т. III, л. 100.
61. АВІР, ф. СРІ, он. 77/1. 1747, д. 5, ч. 1, л. 44.
62. А. Бакиханов. Ук. соч., с. 151; О восстаниях против Надир шаха см. в кн.: Аруновой М.Р. и Ашрафян К.Э. У к. соч. Бакиханов А. Ук. соч. с. 151; см. также: Г.Б. Абдуллаев. Из истории северо-восточного Азербайджана в 60-80 гг. XVIII в. Баку, 1958, с. 86-112.
64. Ашраф Б. Государство Надир шаха. Автореферат. М., 1958, с. 115.
65. АВІР, ф. СРІ, оп. 77/1, 1747, д. 12, л. 121.
66. Алиев Ф.М. Антииранские выступления... с. 218.
67. АВІР, ф. СРІ, оп. 77.1, 1747, д. 12, л. 121 и об.
68. Там же.
69. См. об этом: Мамедова Г.Н. Русские консулы об Азербайджане, с. 58-59.
70. АВІР, ф. СРІ, оп. 77/1, 1748, д. 9, л. 139.
71. АКАК, т. VI, ч. И, с. 905.
72. Хроника войн Джара, с. 48-49.
73. См.: Левиатов. Ук. соч., с. 122.
74. Маркова О.П. Ук. соч. с. 125.
75. Бутков П.Г. Ук. соч., ч. 1, с. 236.
76. Там же.
77. "Хроника Орбелиапи", I, с. 148.
78. Бутков П.Г. Ук. соч., ч. 1, с. 236.
79. Аяьтман. Ук. соч.
80. Хроника войн Джара... с. 49.
81. См: Бутков. Ук. соч., ч. 1, с. 238.
82. Там же.
83. Хроника Орбелиани, т. II, кн. И, с. 148.
84. Там же.
85. Там же, с. 160-164.
86. См. об этом: Левиатов. Ук. соч. с. 122-125.

87. Мирза Юсиф Гарабахи. Тарихи Сафи. В кн. "Гарабагнамелер", II кн., с. 20; см. также: Бакихаиов. Ук. соч., с. 156.
88. Там же.
89. Мирза Адыгезал бек. Ук. соч., с. 42; Бакиханов. Ук. соч., с. 156; Бугков, ч. I, Ук. соч., с. 390-391; Г. Абдуллаев. Ук. соч., с. 98.
90. Хроника Орбелиапи. Броссе. Ч.П, с. 167. По сообщению Мирза Адыгезал бека (Ук. соч., с. 42; см. также: Мирза Йусиф Гарабаги, с. 20), текинского хана оповестил один из нукеров Шахверди хана.
91. Мирза Адыгезал бек. Ук. соч., с. 42-43.
92. Бакиханов Ук. соч., с. 157.
93. Цит. по Бугкову. Ук. соч., ч. I, с. 390.
94. Хроника Орбелиани. Броссе. ч. II, с. 168; "Описание событий", анонимная хроника на грузинском языке. СМОМПК, т. 21, с. 37 и след.
95. У Бакиханова (с. 157; см.: также: Левиатов, с. 124) "в течение двух лет..." Мирза Адыгезал бек. Ук. соч., с. 43; Мирза Йусиф Гарабаги.
96. Бугков. Ук. соч., ч. I, с. 240, 391-393.
97. Там же.
98. Хроника Орбелиани. Броссе, т. II, с. 169-170.
99. Там же.
100. Там же, с. 170.
101. Там же, с. 172.
102. Бугков. Ук. соч., ч. I, с. 391-393; III, с. 90; Бакиханов. Ук. соч., с. 157.
103. Хроника Орбелиапи. Броссе. т. II, с. 174.
104. Бугков. Ук. соч., ч. I, с. 245.
105. Хроника Орбелиани. Броссе, ч. II, с. 180.
106. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1757, д. 2, л. 35.
107. Там же, л. 61.
108. Там же, л. 62.
109. Бугков. Ук. соч., ч. I, с. 244.
110. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1757, д. 2, л. 93.
111. Мамедова Г.Н. Русские консулы об Азербайджане, с. 87—91.
112. АВПР, ф. СРП, он. 77/1, 1758, д. 2. л. 63.
113. Там же, л. 92.
114. Там же, л. 111.
115. Бугков. Ук. еоч. ч. I, с. 248.
116. Там же.
117. Соловьев СМ. История России с древнейших времён. Кн. XII, с. 151.
118. ЦГАДА, ф. перс., д. 16, л. 277; см. также: Абдуллаев, Ук. соч., с. 68.
119. Цагарели А.Г. Грамоты и другие документы XVIII столетия относящиеся к Грузии. СПб, 1891, т. I, с. 183.

120. Бердзинишвили И., Джавахишвили И. Джанашиа С. История Грузии с древнейших времен до XIX в. ч. 1, 1950, с. 399.
121. Хроника Орбелиани. Броссе. с. 160—164.
122. Сб. об этом: Мамедова Г.Н. Ук. соч. с. 100—101.
123. АВПР, ф. СРП, он. 77/1. 1768, д. 143, л. 4 и об.
124. Там же.
125. Там же.
126. Там же, л. 5
127. Там же, л. 5 и об.
128. Там же.
129. Бугков П.Г. Ук. соч., ч. 1, с. 248.
130. См. Абдуллаев Г. Ук. соч., с. 102-104.

Глава II

1. Институт рукописей АН Грузии, ф. д, д. 3968; См. также: Гамидова Ш.П. Азербайджано-грузинские отношения во второй половине XVIII века. Б., 1985, с. 65. 150
2. Бакихаиов А. Ук. соч., с. 163.
3. Хроника Орбелиани. Броссе, т. II, с. 237.
4. Цагарели. Ук. соч., т. 1, с. 434.
5. Там же, с. 7.
6. См.: Маркова О.П. Ук. соч., с. 99-135.
7. Цагарели. Ук. соч., т. 1, с. 187.
8. АВПР, ф. СРП, он. 77/1, 1770, д. 111, л. 43.
9. Цагарели. Ук. соч., т. 1, с. 174.
10. Там же, с. 176.
11. История Грузии. Броссе, т. II., с. 245.
12. Там же.-
13. АКАК, т. 1, с. 91.
14. Бугков, Ук. соч., т. 1, с. 91.
15. Там же, т. II, с. 73.
16. Там же.
17. Там же.
18. ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 281, л. 46.
19. Там же, л. 61.
20. Там же, д. 286, ч. II, л. 49—51.
21. Там же, л. 60.
22. Г.А. Потемкин (1739—1791) — вице-президент Военной коллегии. прово;дчик восточной политики правительства Екатерины II.
23. Маркова О.П. Ук. соч., с. 159.

24. Цагарели. Ук. соч. т. II, ч. II, с. 24.
25. ЦГАДА, Ф Гос. архив, оп. XXIII, д. 13, ч. 3, л. 93.
26. Цагарели. Ук. соч., т. 2, ч. II, с. 32—41.
27. Там же.
28. Алксидзе Л. Взаимоотношения Грузии с Россией в XV—XVIII вв. "Труды Тбилисского госуниверситета", т. 94, 1963, с. 91.
29. ЦГАДА Гос. архив, оп. XXIII, д. 13, л. 47.
30. Там же, д. 13, ч. 3, л. 93
31. ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 4, л. 32.
32. Цагарели. Ук. соч., т. II, ч. 2, с. 25.
33. ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 6, л. 17.
34. Там же, оп. 2/203, д. 24, л. 78.
35. Там же, оп. 1/194, д. 331, ч. 4, л. 33.
36. Там же, ч. 1, л. 80.
37. Там же, л. 82.
38. Там же, д. 350, ч. 5, л. 63-64.
39. Там же.
40. Бутков. Ук. соч., ч. II, с. 159.
41. Там же.
42. Дубровин. История войн и владычества русских на Кавказе, т. II, с. 51.
43. Об этом см: там же, с. 77-80.
44. Абдуллаев Г. Ук. соч., с. 111.
45. ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 286, ч. 1, л. 34.
46. Там же, л. 159-160.
47. Там же, д. 350, ч. II, л. 4.
48. Там же, д. 331, ч. VIII, л. 57.
49. Там же, д. 366, ч. ГУ, л. 155.
50. Там же, л. 251-252.
51. Бугков. Ук. соч., ч. II, с. 160.
52. Дубровин. Ук. соч., ч. II, с. 52.
53. Там же.
54. ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 331, ч. 7, л. 35.
55. Там же, д. 366, ч. 2, л. 224.
56. Там же, л. 252—253.
57. Там же.
58. Там же, ч. IV, л. 5-7.
59. Там же.
60. Бутков. Ук. соч., ч. II, с. 194.
61. ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 366, ч. IV, л. 5-7.
62. Там же, л. 7.
63. Там же, л. 155.

64. Там же, л. 162—163.
65. Там же, л. 251.
66. Там же, л. 252.
67. Там же, л. 257-258.
68. Там же, д. 416, ч. 1, л. 52—52 об.
69. Там же, ч. II, л. 100-102.
70. Дубровин. Ук. соч. т. II, с. 222.
71. Бутков. Ук. соч., ч. II, с. 194.
72. Там же.
73. ЦГВИА, ф. 52, он. 1/194, д. 416, ч. II, л. 59.
74. Там же, л. 100-102.
75. Там же, л. 79.
76. История Грузии. Броссе. II, с. 253.
77. ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 366, ч. II, л. 248-251.
78. Там же, оп. 1/154, д. 1/516, л. 82.
79. Бутков. Ук. соч., ч. II, с. 278.
80. ЦГВИА, ф. 52, д. 516, л. 48; см. так же: Бакиханов. Ук. соч., с. 169.
81. Бакиханов, с. 168.
82. Там же, с. 169.
83. Там же.
84. ЦГВИА, ф. 52, он. 1/194, д. 416, ч. 1, л. 353.
85. Бутков. Ук. соч., ч. II, с. 281.
86. Там же.
87. Цагарели. Грамоты и другие документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии, т. II, вып. 1, СПб, 1902, с. 66.
88. ЦГВИА, ф. 52, оп. 3/203, д. 99, л. 7.
89. Дубровин. Ук. соч., т. III, с. 8.
90. Там же.
91. Там же.
92. Цагарели, Ук. соч., т. II, вып. 2, с. 89-91.
93. Бутков, II, с. 336.
94. Мирза Адыгезал бек, с. 52.
95. Там же, с. 50—51; Дубровин. Ук. соч., с. 337.
96. Мирза Джамал Джаваншир Гарабаги. Гарабаг тарихи (В кн. Гарбагпамелер"), с. 123.
97. История Грузии, кн. 2, ч. II, с. 260.
98. Цагарели, т. II, вып. 2, с. 92—94.
99. См: Мирза Джамал Джаваншир, с. 123.

100. Мирза Адыгезал бек, с. 52; Бутков, II, с. 338.
101. Бутков, там же.
102. Там же.
103. Мирза Адыгезал бек, с. 53.
104. Бутков, с. 338.
105. Там же, II, с. 338
106. Там же, с. 339-340.
107. Мирза Адыгезал бек, с. 54.
108. Дубровин, с. 50.
109. Там же.
110. Цагарели, т. II, вып. 2, с. 107. Письмо Ираклия ген. Гудовичу от 17 сентября 1795 г.
111. Заметим, что ещё указом от 4 сентября 1795 г. генералу Гудовичу было предписано оказать помощь царю Ираклию II двумя батальонами пехоты с артиллерией ("Военный сборник", 1874, №2). Однако, этот указ дошёл до Гудовича только 1 октября, т.е. после разгрома персидскими войсками Тифлиса.
112. Дубровин, с. 51.
113. Там же, с. 52.
114. Цагарели, т. II, вып. 2, с. 114-115.
115. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 36/611, л. 160.
116. Цагарели, т. II, в. 2, с. 156.
117. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 299, л. 66.
118. Обзор истории грузинского народа. СПб., 1813, с. 77-78.
119. Бугырлин Д. Взятие Тифлиса Ага Мухаммад ханом. Газ. "Кавказ", 1850, №90.
120. Цагарели, т. II, вып. 2, с. 109-113.
121. Там же, с. 113-114.
122. Дубровин, III, с. 60-61.
123. Там же, с. 149.
124. Там же.
125. Мирза Адыгезал бек, с. 54-55; Мирза Джамал Джаваншир, с. 124-125.

126. См. об этом: Дубровин Н. Поход Зубова В.А. в Персию в 1796 г. Военный сборник, 1874, №95, 96.
127. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 36-611, л. 195.
128. Бутков, с. 349-352.
129. Там же, с. 354.
130. ЦГВИА, ф. ВУА, л. 240-242.
131. Там же, д. 2799, л. 1-15; См.: Бутков, с. 358.
132. Бутков, с. 360.
133. См.: Лсвиатов, с. 176—180.
134. Бутков, с. 388-389.
135. Левиатов, с. 182.
136. Мирза Джамал Джаваншир, с. 124
137. Там же, с. 124.
138. Бутков, с. 396.
139. Там же, с. 405
140. Там же, с. 406.
141. АВПО. ф. СРП, оп. 77/5, д. 2, 1722-1796 гг., л. 333.
141. Дубровин, с. 175-176.
142. Цагарели, т. II, вып. 2, с. 152.
143. Дубровин, с. 179.
144. Там же, с. 180.
145. Там же, с. 184.
146. Там же.
147. Бакиханов, Ук. соч., с. 146.
148. Дубровин, с. 184-185.
149. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 299, л. скот-Корсакова Зубову от 18 декабря 1796 г.
150. ЛКАК, т. VI, ч. II, Дополнения, д. 38, с. 815.
151. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 51/162, л. 62-64.
152. Бакиханов, с. 178.
153. Цагарели, т. II, выи. 2, с. 163.
154. Там же, с. 164-165.
155. Мирза Адыгезал бек, с. 37.
156. Левиатов, с. 190.
157. Мирза Адыгезал бек, с. 57

158. Там же.
159. См.: Левиатов, с. 190—191.
160. Бугков, ч. II, с. 429-430.
161. Бакиханов, с. 78; См. также: Мирза Джамал, с. 82 и ел.; Бугков; ч. II, с. 430-32.
162. См. об этом: Мирза Адыгезал бек, с. 57-58; Мирза Джамал Джаваншир, с. 127.
163. Мирза Джамал Джаваншир, с. 128.
164. Там же.
165. Ахмед бек Джаваншир, с. 175.
166. Бакиханов, с. 179.
167. Там же; см. также:
168. Ахмед бек Джаваншир, с. 179-180.
169. Ахмед бек Джаваншир, с. 180.
170. См.: Соколов А.Е. Пунешествие мое в Имеретию с линии Кавказской, мое там у паря пребы вание, с ним сношение и обратное оттуда путешествие в Грузию. М., 1874, с. 85-86.
171. Там же, с. 86-87; См. также: Ш. Гамидова. Об отношениях Гянджипского ханства с Картли-Кахетинским царством в XVIII-нач. XIX века. Изв. АН Аз., СИФП, 1989, №2, с. 48.
172. ЦГВИА. ф. ВУА. д. 36/611, л. 147.
173. Цагарели. с. 181-182.
174. Там же. с. 183-184.
175. Там же, с. 186—187.
176. Бугков, с. 448.
177. Цагарели, с. 188-190. См. также: Ш. Гамидова, У к. статья, с. 49.
178. Там же.
179. Письмо Мамедхасан хана к царю Георгию. АКАК, т. 1. №115, с. 177; См. также: Рапорт ген.-май. Лазарева ген.-лейт. Кноррингу от 4 декабря 1800 г. за №71. АКАК, т. 1. №127, с. 182.
180. См.: АКАК, I, №115, с. 177, №127, с. 182.
181. Письмо Ковалснского ген.-лейт. Кноррингу от 3 августа 1800, АКАК, I, №33, с. 120.
182. Там же.
183. См: Соколов А.Е. Ук.соч., с. 96, 97; После этого боя тяжелораненый Умма хан прибыл в И лису и в начале 1801 г. там же умер.

184. Рапорт геи.-майора Лазарева ген.-лейт. Кнор рингу от 28 декабря 1800 г. за №93. АКАК, 1, с. 188, №137.
185. Указ Павла I от 20 января 1801 г. АКАК, I, с.
186. 423, №520; Рапорт ген.-лейт. Кнорринга царю от 1 февраля 1801 г. АКАК, I, с. 319-323, №407. Сведения о Шамшадиле. АКАК, I, с. 594, №787.
187. Рапорт ген.-май. Лазарева ген.-лейт. Кноррингу от 15 марта 1801 г. за №173, АКАК, т. I, с. 594. №787.
188. Предписание ген.-лейт. Кнорринга ген.-май. Лазареву от 23 марта 1801 г. за №648 АКАК, т. I, с. 594, №788.
189. Хроника Кавказских войн, т. 1896.
190. Рапорт ген.-май. Лазарева ген.-лейт. Кноррингу от 19 июня 1801 г. за №384, АКАК, т. I, с. 595, №789.
191. Там же.
192. Сведения о Шамшадиле. АКАК, т. I, с. 594. №786.
193. Там же.
194. Письмо Джебват хана к Коваленскому. АКАК, т. I, с. 607, №816.
195. Письмо Джебват хана к ген.-л. Кноррингу. АКАК, т. I, с. 608, №818.
196. Там же.
197. Письмо ген.-лейт. Кнорринш к Джебват хану от 27 января 1802 г. АКАК, т. I, с. 608, №819.
198. Письмо ген.-лейт. Кнорринга к Джебват хану от 6 мая 1802 г. АКАК, т. I, с. 609, №822.
199. Письмо ген.-лейт. Кнорринга к Джебват хану от 18 апреля 1802 г. АКАК, т. I, с. 609, №821.
200. Рапорт ген.-май. Лазарева ген.-лейт. Кноррингу от 27 февраля 1802 г. АКАК, т. I, с. 614, №830.
201. Там же.
202. Соколов А.Е. Путешествие..., с. 131.
- Об этом см.: Рапорт ген.-май. Лазарева ген.-лейт. Кноррингу от 22 марта 1802 г. АКАК, I, с. 608, №820.
204. Рапорт Тифлисского Мушкетерского полка поручика Выскребенцова ген.-лейт. Кнорришу от 10-го мая 1802 г. АКАК, I, с. 609, №823.
205. Письмо ген.-лейт. Кнорринга Джебват хану от 6 мая 1802 г. АКАК, I, с. 609, №822

206. Письмо ген.-лейт. Кнорринга Джеват хану от 20 мая 1802 г. АКАК, I, с. 612, №825; То же от 29 мая 1802 г. АКАК, I, с. 612, №826.
207. Письмо Джеват хана к ген.-лейт. Кноррингу. АКАК, I, с. 610, №824.
208. Там же.
209. Письмо Джеват хана ген.-л. Кноррингу. АКАК, I, с. 608, №818.
210. Письмо ген.-лейт. Кнорринга Джеват хану от 29 мая 1802 г. АКАК, I, с. 612, №822.
211. Предписание ген.-лейт. Кнорринга ген.-май. Лазареву от 17 мая 1802 г. за №1, 352. АКАК, I, с. 596, №791.
212. См: Дубровин, III, с. 441-442.
213. Рапорт ген.-май. Лазарева ген.-лейт. Кноррингу от 24 мая 1802 г. за №264. АКАК, I, с. 596, №792.
214. То же от 26 мая. АКАК, I, с. 597, №793.
215. См.: АКАК, т. I, с. 596, №792.
216. Там же, с. 597, №793.
217. Там же, с. 287, №330; с. 287, №332; с. 288, №334; с. 292, №349; с. 408, №513; с. 613, №829 и г. д.
218. Там же, с. 612, №827.
219. Рапорт кап. Таганова ген.-май. Лазареву от 18 октября 1802 г. дер. Татлы. АКАК, I, с. 613, №829.
220. Рапорт от ген.-май. Лазарева ген.-лейт. Кноррингу от 28 сентября за №493. АКАК, I, с. 288, №333; То же, от 3 октября 1802 г. АКАК, T, с. 508, №403; См. также: Бутков, т. II, с. 545.
221. Рапорт ген.-май. Лазарева ген.-лейт. Кноррингу от 3 октября 1802 г. АКАК, I, с. 403, №508.
222. Рапорт полк. Карягина от 20 сентября 1802 г. за №149 из Караклиса. АКАК, I, с. 329, №287.
223. Рапорт ген.-май. Лазарева ген.-лейт. Кноррингу от 28 сентября 1802 г. АКАК, I, с. 288, №333.
224. Там же.
225. Рапорт кап. Таганова ген.-май. Лазареву от 14 октября 1802 г. за №1. Из лагеря при деревни Татлы. АКАК, I, с. 596, №794.
226. Там же.

227. То же, от 18 октября 1802 г. из дер. Татлы. АКАК, I, с. 613, №829.
228. Рапорт подл. Ляхова ген.-май. Лазареву от 31 октября 1802 г. из лагеря при р. Тоуз. АКАК, I, с. 597, №796.
229. Рапорт ген.-май. Лазарева ген.-лейт. Кноррингу от 6 октября 1802 г. за №510, АКАК, I, с. 404, №509.
230. Там же.
231. То же, от 16 октября 1802 г. АКАК, I, с. 828, №613.
232. См.: Письмо кн. Цицианова к Джават хаггу от 9-го декабря 1803 г. АКАК, т. II, с. 590, №1175 ("Кн. Цицианов, высокочестнейший Всероссийских войск генерал, главнокомандующий в Грузии, в Астрахани и на Кавказе, начальник Каспийской флотилии..."). См. также: Ибрагимбейли Х.М. Россия и Азербайджан в первой трети XIX в., М., 1969, с. 59.
233. Всеподданнейший рапорт ген. Кнорринга от 2 ноября 1802 г. за №35. АКАК, т. I, с. 289, №338.
234. См.: Соколов. Путешествие... с. 180-181.
235. Там же.
236. Рапорт подл. Ляхова ген.-май. Лазареву от 3 ноября 1802 г. за №9. АКАК, I, с. 597, №797.
237. Соколов. У к. соч., с. 182.
238. Там же, с. 186.
239. Там же. См. также: Письмо ген.-лейт. Кнорринга Джават хану от 20 мая 1802 г. АКАК, I, с. 312, №825.
240. АКАК, т. II, с. 4, №1 [Цицианов].
241. Письмо ген.-лейт. Кнорринга к князю П.Д. Цицианову от 4 декабря 1802 г. за №361, Георгиевск, АКАК, т. I, с. 405, №513.
242. Рапорт Коваленского кн. Цицианову от 17 декабря 1802 г. за №273, АКАК, т. II, с. 586, №1166.
243. Там же.
244. Там же.
245. Рапорт Цицианова ген. Гулякову от 19 февраля 1803 г. АКАК, т. II, с. 69, №112.
246. Сведения о Грузии. АКАК, т. III, с. 5, №1; См. также: Мирза Адыгсзал бек, с. 65.

247. Всеподданнейший рапорт кн. Цицианова от 27 апреля 1803 г. за №15, АКАК, т. II, с. 289, №566.
248. Письмо Цицианова к Джевад хану от 25 февраля 1803 г. за №14, АКАК, т. II, с. 587, №1169.
249. Всеподданнейший рапорт Цицианова от 27 октября 1803 г. за №98, АКАК, т. II, с. 102-103, №167.
250. То же, от 27 апреля 1803 г. за №15, АКАК, т. II, с. 289, №566.
251. Там же.
252. Там же.
253. Рескрипт кн. Цицианову от 26 сентября 1802 г. АКАК, т. II, №5.
254. См.: Дубровин, IV, с. 275.
255. Письмо Цицианова Нахчиванскому Кслб Али хану от 6 февраля 1803 г. АКАК, т. II, с. 633, №1270.
256. Письмо кн. Цицианова Иреванскому Мухаммед хану, АКАК, т. II, с. 639, №1272.
257. Предписание кн. Цицианова Казахскому моураву Гарсевану Чавчавадзе от 17 ноября 1803 г. за №1931, АКАК, II, с. 588, №1071.
258. Всеподданнейший рапорт кн. Цицианова от 16-го мая 1803 г. АКАК, II.
259. Всеподданнейший рапорт кн. Цицианова от 27 апреля 1803 г. за №15, АКАК, II, с. 289, №566.
260. Из рапорта кн. Цицианова Государю Императору от 17 ноября 1803 г. Цит. по кн.: Дубровин. Ук. соч., с. 136.
261. Письмо кн. Цицианова государственному канцлеру от 17 ноября 1803 г. Цит. по кн.: Дубровин. Ук. соч., с. 136.
262. Письмо Цицианова к Джевад хану от 29 ноября 1803 г. АКАК, II, с. 588, №1172.
263. См. об этом: З.М. Бунятов. Государство Атабеков Азербайджана. В., 1978. с. 53, 56, 97-99 и т. д.
264. Письмо Джевад хана к кн. Цицианову. АКАК, II, с. 589, №1173.
265. Обращение армянским народам, обитающим в Гянджинской области от 30-го ноября 1803 г. Шамхор. АКАК, II, с. 590, №1174.
266. Мирза Адыгезал бек, с 66.
266. Дубровин, IV, с. 139.
267. Там же.

268. Гизетти. Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн 1801-1885 гг., 1901, с. 133; В своей книге "История войны и владычества русских на Кавказе (т. IV, с. 140), упоминая о потерях в этой битве, Н. Дубровин называет цифры - "70 убитыми и 30 ранеными". Однако, согласно вышеуказанному сведению из сборника под редакцией Гизетти: "при занятии садов и предме, 2-го декабря убито из нижних чинов 7, ранено 30 человек, а из офицеров ранено 1 человек. К сожалению эта невольная ошибка Н. Дубровина (а может и опечатка) ввела в заблуждение некоторых последующих исследователей.

269. Там же, с. 140.

270. Письмо кн. Циципова к Джевад хану от 9 декабря 1803 г. АКАК, II, с. 590, №1175.

271. Дубровин. IV, с. 141.

272. Письмо кн. Циципова к Джевад хану от 11 декабря 1803 г. АКАК, II, с. 590, №1176.

273. Письмо кн. Цициanova к Джевад хану от 28 декабря 1803 г. АКАК, II, с. 590, №1178.

274. Цит. из кн.: Дубровин, IV, с. 142: "Взятие Гянджи" Муханова. "Московский телеграф", 1825. т. V.

275. Тагар-единица меры, приблизительно 217,6 кг.

276. Письмо Цициanova Джевад хану от 29-го декабря 1803 г. АКАК, т. II, с. 591, №179.

Дубровин. Ук. соч., с. 143-144.

279. Там же, с. 144.

280. К месту тут заметить, что Мирза Адыгезал бек (с. 66), описавший эти события, приурочивает начало наступления русских войск ко дню праздника мусульманской поста ("оруджлуг байрамы")? Но по подсчётам выясняется, что этот праздничный день, проводимый после месяца рамазана-1 и 2 гиаваля, в том - 1804 г., попадал на 14—15 января (см: Цыбульский В.В. Современные календари стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1964, с. 100-101). К сожалению и этот факт с соответствующими комментариями отразился в некоторых исследованиях.

281. Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, легендах и биографиях. СПб, 1896, с. 331.

282. Дубровин, IV, с. 145.
283. Гизетти. Сборник сведений о потерях..., с. 133; Дубровин, IV, с. 144-145.
284. Зубов. Подвиги русских в странах кавказских, т. IV, ч. 1, с. 50; Потто. Ук. соч. с. 331.
285. "Взятие Гянджи" Муханова. "Московский телеграф", 1825, т. V, Цит. из кн.: Дубровин, IV, с. 146.
286. Рапорт кн. Цицианова Государю Императору 3-го и 10-го января 1804 г. "Кавказ", 1851. №61; "Тифлисские ведомости", 1829 г. Цит. по кн.: Дубровин, IV, с. 146-47.
287. Донесение кн. Цицианова гр. А. Воронцову от 3-го января 1804 г. №3, Ганджа, АКАК, II, с. 591, №1181. Дубровин, IV, с. 147.
289. Предложение кн. Цицианова Кавказскому гражданскому губернатору Каспарову от 8 января 1804 г. за №5, АКАК, т. II, с. 592, №1182.
290. Там же.
291. Гизетти, с. 133.
292. Предложение кн. Цицианова Кавказскому гражданскому губернатору Каспарову от 8-го января 1804 г. за №5, АКАК, II, с. 592, №1182.
293. Всеподданнейший рапорт кн. Цицианова от 10 января 1804 г. АКАК, т. II, с. 592, №1183.
294. См.: АКАК, т. II, с. 50, №71.
295. Предложение кн. Цицианова Исполнительной Экспедиции от 3 марта 1804 г. №202, АКАК, II, с. 597, №1194.
296. Записки С.А. Тучкова: СПб, 1908, с. 216.
297. Дубровин, с. 148.
298. Записки С.А. Тучкова, с. 216.
299. Письмо Мухаммед Гасан хана к кн. Цицианову от 8-го января 1804. Воен. Учен. Архив, д. №2416 (А), Цит. по кн.: Дубровин, IV, с. 148.
300. См.: АКАК, II, с. 905.
301. Дубровин, IV, с. 146.

ГЛАВА III

1. См.: Левиатов В.Н. Очерки..., с. 52.

2. Об осаде Надиром Гянджи см: Бакиханов. Ук. соч., с. 140—142; Ф. Алиев. Антииранскис выс тупления..., с. 114—116.
3. И. Лерх. Извлечения из дггевггика... НАМИ, №491, л. 125.
4. Там же, л. 59.
5. Абдулдаев. Ук. соч., с. 117.
6. Картина Кавказского края, ч. ГУ, с. 246.
7. Берже. с. 117.
8. АКАК, т. И, д. 1192, ст. 597.
9. Велиев (Бахарлы), с. 76.
10. Там же.
11. С.Тучков. Записки касательно земель между Черным и Каспийским морями, архив АН СССР, ф. 99, д. 39, л. 10.
12. АВІР, ф. персидский, д. 16, л. 321, 17 октября 1769 г.
13. Краткое камеральное описание г. Гянджи с се округом 2 марта 1804 г., АКАК, д. 1190.
14. ЦГИАЛ, ф. 1284, он. 3, д. 10, л. 59.
15. НАИИ НАН Аз., д. 401 (3), л. 23.
16. М. Биберштейн. Описание провинций, располо женных на левом берегу Каспийского моря, между реками Терек и Кура. НАИИ НАН Аз., 466, л. 56.
17. АКАК, II, №1192, л. 597, №1190, л. 596.
18. Там же.
19. Велиев (Бахарлы), с. 80.
20. Альтман. Ук. соч.
21. См.: ЦГИАЛ, ф. 1268, д. 153, л. 153, л. 192; Цит. по кн. А. Сумбатзаде. "Сельское хозяйство Азер байджана в XIX веке. Б., 1958, с. 317.
22. Там же.
23. Свод материалов по изучению экономического быта государстве иных крестьян Закавказского края, т. IУ, Тифлис, 1888, с. 228.
24. См.: Обозрение, с. 238.
25. Там же, с. 238-239.
26. Там же, с. 239.
27. См.: Сумбатзаде. Сельское хозяйство.... с. 228.

28. Краткое описание Ганжи с ее округом 2-го марта 1804 г. АКАК, II, д. 1190, с. 596.
29. Voyages de Corneille de Bruyn... с. 154, НАИИ НАН Аз., №481, с. 23.
30. ЦГИА Груз., ф. 1281, ом. 11, д. 42, л. 10-11.
31. Обзорение, с. 385.
32. Там же.
33. Там же, с. 387.
34. Там же, с. 388.
35. Там же, с. 389.
36. Альтман. Гянджа с 1606 по 1804 гг. НАИИ НАН Аз., инв. №1891, с. 38.
37. Словарь коммерчесикй, 1792 г. ч. VII.
38. Свод материалов по изучению экономического быта гос. крестьян, 1887, т. IV, с. 137.
39. ЦГАДА, Ф- 77. д. 3. лл. 420-421.
40. ЗКОСХ (Записки Кавказского Общества сельского-хозяйства, Тифлис) №№ 3-4, 1861.
41. Аврииль Филипп. НАИИ НАН Аз., инв. №477, л.1
42. Кавказский календарь за 1854 г., с. 329, 331.
43. Велиев (Бахарлы), с. 96.
44. Там же.
45. Обзорение, с. 386.
46. АКАК, д. 1192, с. 597.
47. ЦГИА Груз., ф. 1281, оп. 11, д. 1551, л. 53.
48. См.: Сумбатзаде. Сельское хозяйство..., с. 85.
49. Велиев (Бахарлы). с. 100.
50. М.Д. Исаев. Ковровое производство Закавказья. Тифлис, 1932, с. 55.
51. Цит. из ЦГИАЛ, ф. 1268, он. 1, д. 212, л. 52 об. по книге: Сумбатзаде. Промышленность..., с. 43.
52. Кустарные промыслы Закавказского края, отчет К. Хатисова, Тифлис, 1891, с. 351.
53. Обзорение, с. 389.
54. К. Хатисов, с. 352.
55. Обзорение, с. 390.

56. Там же.
57. См.: Ф. Алиев. Города Северного Азербайджана во II половине XVIII в.
58. АКАК, т. 2, д. 1182, с. 592.
59. Левиатов. Ук. соч., с. 59.
60. АКАК, т. 2, д. 1190, с. 596.
61. ЦГИА Груз., ф. 414, он. 1, д. 18, лл. 2-3.
62. АКАК, т. 2, д. 1197.
63. Ставропольские губернские ведомости. 1855, №38, с. 311.
64. Там же, с. 312.
65. Гамба. Ук. соч., т. II, с. 253.
66. Газ "Кавказ", 1850. №39.
67. См.: Велиев (Бахарлы), с. 119.
68. Ведомости о ремесленниках, художественных, казенных и обывательских лавках. АКАК, т. II, д. 1197, с. 599; д. 1192, с. 597; см. также: Велиев (Бахарлы), с. 119.
69. См.: Сумбатзаде. Промышленность, с. 243.
70. См. об этом: Альтман, Ук. соч.
71. Сумбатзаде. Промышленность, с. 244.
72. Ставропольские губернские ведомости. 1855, №38, с. 311.
73. Там же, с. 312.
74. Гулишамбаров. Ук. соч., с. 334.
75. Там же, с. 336.
76. Е.А. Синцина. К вопросу о денежном обращении Ганджинского ханства во второй половине XVIII—первой четверти XIX вв. - В сб. Труды научной конференции, посвященной дню восстания азербайджанской государственности.- Баку, 1991, с. 59.
77. Там же, с. 60.
78. Чулков. Ук. соч., с. 609.
79. С.Г. Гмелин. Ук. соч., с. 206.
80. Нумизматический фонд М И А.
81. См.: Синицина. Ук. раб., с. 61.
82. Пахомов. Монетные клады., с. 33.
83. Обзорение., с. 400.

84. ЦГВИА, ф. 52, он. 1/194, д. 286, ч. 1, л. 212.
85. ЦГИА Груз., ф. 205, оп. 1, д. 1416, лл. 11-13.
86. Там же.
87. АКАК, т. 2, д. 1190, с. 596.
88. ЦГВИА, ф. ВУА Д. 18474, лл. 28-30.
89. Там же.
90. С. Броневский. Ук. соч., ч. 1, с. 259-260.
91. Там же.
92. Аврииль Филипп. Ук. соч., с. 1-2
93. Обзорение, с. 354-355.
94. АКАК, т. 2, д. 1190, с. 596.
95. Там же, д. 1197, с. 600.
96. Там же, д. 1197, с. 599.
97. Там же.
98. Там же.
99. Там же, д. 1203, с. 602.
100. Там же.
101. Там же.
102. Там же.
103. Там же.
104. НАМИ НАН Аз., д. 1668 (2), с. 7-8.
105. Там же.
106. АКАК, т. 2, д. 1198, с. 600.
107. См: Левиатов. Очерки, с. 56.
108. Там же, с. 56-57.
109. ЦГИА, ф. 63, ед. хр. 10, оп. 1, л. 28.
110. См.: Левиатов. Очерки, с. 57.
111. ЦГИА Азерб., ф. 24, д. 155, л. 10.
112. Там же, л. 24.
113. АКАК, т. VI, ч. 1, д. 1305. с. 852-855.
114. Там же, т. 2, д. 1203, с. 602; См. также: Левиатов, Очерки, с. 57-58.
115. Автор этого документа под названием рахдаров имел в виду всю совокупность обложений ремесел и торговли.
116. АКАК, т. VIII, д. 1, с. 120.

117. Левиатов. Очерки, с. 58.
118. Там же.
119. Обзорение Российских владений за Кавказом... с. 356.
120. АКАК, т. 2, д. 1190, с. 596.
121. Пеструшевский, Очерки..., с. 80.
122. Ведомость об имуществе Джавад хану принад лежащему составленная 2 марта 1804 г. АКАК, т. II, д. 1192, с. 597.
123. Там же.
124. ЦГИАЛ, ф. Кавказск. коменданта, д. 410, лл. 23-24.
125. ЦГИА, ф. Военно-окружного начальника, св. 2, д. 14, л. 79.
126. Архив АН СССР. ф. 99, оп. 2, д. лл. 419-425.
127. АКАК, т. VIII, д. 354, с. 469.
128. Там же, т. VII, д. 373, с. 430.
129. Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края, 1887, т. I, ч. III, с. 29.
130. НАИИ АН Азерб. д. 540. л. 28.
131. Бутков. Ук. соч., с. 168.
132. Обзорение, с. 353.
133. Там же.
134. ФНИ МИА.
135. Там же.
136. Обзорение российских владений за Кавказом... СПб, 1836, ч. I, с. 353.
137. Там же.
138. Там же, с. 354.
139. Там же; см. также: Е. Пахомов. О сословно-ноземельном вопросе в Азербайджане. Изд. Об.ва обследов. и изучения Азербайджана, №1, 1926, с. 17-21.
140. Обзорение российских владений за Кавказом, с. 355.
141. Там же.
142. Дубровин. Ук. соч., т. 1, кн. 2, с. 388.
143. Пеструшевский. Очерки, с. 181—182.
144. Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказьского края, т. 1, ч. III, с. 29.
145. АКАК, т. VIII, д. 354, с. 474.

- 146.См.: Петрушевский. Очерки, с. 258.
- 147.АКАК, т. 1, д. 786, с. 594. Сведения о Шамшадиле.
- 148.Петрушевский. Ранджбары и крепостничество в Азербайджане в конце 18-19 вв., НАИИ НАН Азерб., д. 540; См. также: Эфеидиев М.М. К вопросу об институте ранджбарства в Азербайджане в XIX в. - Труды ИИФАН Аз. ССР, т. 2, Баку, 1952.
- 149.АКАК, т. VII, д. 412., с. 462.
- 150.См.: Кавказский календарь, 1913 г.. с. 301; Свод материалов по изучению экономического быта., т. IV, с. 142.
- 151.Свод материалов..., т. I, ч. 3, с. 30; см. также: АКАК, т. VIII, д. 354, с. 476.
- 152.Там же.
- 153.Там же.
- 154.АКАК, т. II, д. 1191, с 597; д. 1190, с. 596.
- 155.Обозрение, с. 353.
- 156.Бакиханов. Ук. соч., с. 178.

ПРИЛОЖЕНИЕ*

АКТЫ КАВКАЗСКОЙ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Т. I

120
33

*Письма от с.с. Коваленского
к генералу Кноррингу от 3 августа 1800 г.*

Ганжа. Ганжинский владелец Джеват-кан от роду лет под пятьдесят, поколения Каджар, человек острой, коварной и славящийся политикою своею, а также и даром слова. Во время в бытности в Персии войск Российских он едал крепость свою во власть без меддеишего сопротивления и принял покровительства подданство Всероссийской Империи. Его считают

* Сохраняется правописание оригинала.

в числе вожатых Ага-Магомед хана на Грузию, а потому сия последняя до сих пор еще питает злобу и месть па него. По прибытии моем в Грузию, он был первый из окрестных владельцев, который прислал ко мне нарочного с поздравлением и уверениями в своей к России преданности. Дальнейшее сношение мое с ним было приятельское, но с осторожностью в рассуждении известных свойств его: по случаю сближения Аббас-Мирзы с войсками к его пределам, он хотя явно и не обнаруживал своего ему содействия, по тайно конечно благоприятствовал ему. Он знает над собою власть Баба-хана, но не думаю, чтобы это было искренно и по его здравому рассудку предполагаю, что он предпочел бы тому Всероссийского Императорского Двора, только без всякош соучастия Грузии, коея правительствам взамен он не доволен, имея разные дела и жалобы на пофайичных начальников здешних не удовлетворенными. О сих жалобах своих неоднократно, адресовался и ко мне, прося моего в том посредства: о чем я и представлял ею высочеству царю и некоторые из них по настояниям моим были удовлетворены, а прочил же так остались.

*Рапорт генерал-майора Лазарева генерал-лейтенанту
Кнноришу от 60-го октября 1800 года за №30*

На днях приехавший из деревни своей мелик Абов рассказал мне следующее: Омар хан лезгинский в совместности с Хомутаем Закумыпким пошли в Нухию с тем, чтобы Мамед Хасан хан свергнув Селим хана, племянника его... после чего пойдут также в Ганджу, где на место нынешнего Джават хана учредить намерены племянника его Магомед хана. Царевич Александр находится теперь у Шушинского Ибрагим хана. Сын же Баба хана Аббас-Мирза ко всем Азербайджанским владельцам писал письма, убеждая, чтобы они все вместе шли на Грузию, завоевали бы оную и взяв Тифлис, царя свергли бы с его достоинства. С границ турецких, как он же Абов извещает, слышно, что вновь прибывший на место Ахалсихского Сабид паши Шериф-паша имел неоднократные с ним ошибки и наконец по последней побежден первым совершенно, удалился в Абазию. иначе Зорба называемую.

Письмо Мамед-Хасан хана к царю Георгию

177
115

Поскольку мы издревле имеем между собою твердое дружество и согласие, то следовало вам, чтобы вы изволили нас уведомить о побеждении

122

и истреблении неприятеля дому вашего. Хотя я от вас не имел никакого уведомления, но мы слышали, что все лезгинская войска отправились для нападения на ваше владения, с коими повстречавшись славные Российские войска и Грузинские, с Божсей помощью победили их и много лезгинцев побили, что для пас служит великою радостью. После сей победы, не имея лезганские войска провианта, отправлено несколько из них в Ганджу для изыскания съестных припасов, а других также созывают, чтобы опять к вам отправится. Когда же лезгинское войско приблизилось к Гапдже, узнав о том Джсвад хаи побил из них 104 (сто четыре), да в плен взял 30 лезгинцев, а прочие ушли. Омар хан видя сие, обнадежил лезгинцев, повел их опять к Гяндже, дабы вытребовать также в помощь войско и пушки от Ибрагим хана, да и отсюда призывает Чарских для взятия Гандаинской крепости, а если хотя сет не сделает, то отправится к вам. В.в. (Вашему высочеству, — Э.Б.) известно, что Джекад хан со мною в родстве. А лезгинды сии вам, мне и Джевад хану суть неприятели, то и стыдно нам будет, если сей случай так пропустим. Мы с Божей помощью, с нашими войсками пришли к Куре, да также пригласили нашу любезного брага Мустафа хана, который прибудет с Ширвапскими войсками. Теперь прошу я вас, если вы на Джевад хана имеете какое-либо неудовольствие, то ныне оставить и постарайтесь истребить сего нашего врага. Когда же сей враг будет нами истреблен, то лучше прежнего дружество и любовь между вами и Джевад ханом. Почему надобно или самому В.в. или одному вашему сыну с Российскими славными и Грузинскими войсками отправится, а мы также поступим с нашими войсками и уведомляя друг-друга, окружим со всех сторон неприятеля: вы со своей, стороны, а отсюда я, Мустафа хан и Джевад хан и у потребим всю силу на неприятеля, который не может избегнуть смерти, коего победивши гак, никто - из лезгицев не осмелится сюда приходиться. Если же вам не угодно будет по сему письму поступить; то уведомте нас в скором времени вашим ответом, мы от нашего намерения не отстанем и решимся подступить к лезгицам. Прощу, как вам разеудится и угодно будет приказать и уведомить нас.

182

127

*Рапорт генерал-майора Лазарева генерал-лейтенанту
Кноррингу от 4-го декабря 1800 г. за № 71*

... На сих дня были присланы от Нухинского хана два посланца к Е.В. (его высочеству) парю с письмом (см. №115, Э.Б.)... из числа Омар хана, пошедших на Самухию, некоторая партия для добычи кинулась на владения

123

Ганджинского Джевад хана, а сей узнав о их набеге, против их поставил войско. Из числа партий той привезено к нему 104 головы и 30 пленных; при том Нухинский хан велел мне словесно сказать, что он весьма преданный Г.И. (государю императору) и за счастье считать под его покровительством... Сей самый хан, как я слышу прошедшою весной столь смело отвечал на требования персидского владетеля Баба хана.

287
329

*Рапорт полковника Карягина
от 20 сентября 1802.г. за №149 из Караглиса*

Памбакской провинции агалар Наги бек будучи у султана Насиба Шамшадильского по родству для свидания, возвратясь оттуда, донес мне, что во время нахождения у султана Насиба, при нем был прислан человек с письмом к нему от Джевад хана и от царевича Александра; пишут в письме, чтобы он присягнул со своим народом царевичу и шел бы со всеми своими деревнями к ним, к Ганджу, в письме же пишут угрожанием, "буде не послушаешь нашего предписания, будешь разорен и насильно взят". О сем же Насиб султан пишет ко мне, в котором просит написать и в. пр.

287
331

*Тоже, подполковника Солениуса генерал-майору
Лазарову, от 23 сентября 1802 г. №472*

Сего числа приехавший с той стороны реки Алазани из деревни Белаоканы и Джар, Сигнахский житель армянини Ермей известил меня, что царевич Александр находится в Гандже и что многие персидские пограничные ханы и лезгинские старшины с ним согласны и 22-го числа сего месяца поехали к нему оные старшины для переговора, дабы напасть на город Сишах и в скором времени ему сделать свое намерение в нападении на Сишах и всю Кизикскую провинцию разорить.

288
333

*Тоже от генерал-майора Лазарева
генерал-лейтенанту Кноррингу от 28 сентября №493*

По последним полученным мною известиям, царевич Александр с свитою до 150 человек прибыли в Ганджу и приняты Ганджинским ханом весьма хорошо. На третий день прибывания отправил, якобы, несколько чиновников свиты своей в Джары и Белаканы для собирания войск лезгинских, а между тем и для приглашения к стороне своей князей Кахетинских, — он получил будто фирман Баба-хана, в коем сей приглашает лезгин вспомоществовать царевичу и за кампанию, кою предпринимает царевич иротиву нас сделать, обещевает в фирмане том каждому из лезгин 100 руб. серебром. Говоря! также, царевич имеет и фирман султана Турецкого, — сие кажется невероятно, но быть может то, что Ахалцихский паша, единомышленник царевича, выдал ложный фирман. Находясь в Гандже, царевич Александр не упустит приглашать к стороне своей Казахов и прочих татар.

Пир-Кули хан получил якобы повеление Баба хана, прибыть к нему, однакожь, еще находится на прежнем месте и слух сей требует подтверждения.

288
334

*Всеподданнейший рапорт генерал-лейтенанта
Кнорринга от 11 октября 1802 г. за №32*

(В нем говорится о нахождении в Гандже, грузинского царевича Александра, отправившего своих эмиссаров в лезгинские селения Джар, Белакан и в Дагестан с приглашением за плату под своим предводительством напасть на Кахетию)... и царевич Александр и хан Ганджинский требуют настоятельно, дабы они с подчиненными своими присягнули на верность и службу царевичу Александру: за послушание же угрожают ему раззорением.

288
336

*Рапорт генерал-майора Лазарева генерал-лейтенанту
Кноррингу от 25-го октября 1802 года за №534*

Получив известие, что 19 числа Агарский Селим-Ага взял город Ахалцих, выгнав оттоль Шериф нашу, который неизвестно куда скрылся с 20-ю человеками. Ганджинский хан, у коего имеет пребывание царевич Александр, обещааясь посвятить ему всю жизнь свою на услуги, писал ко всем ханам письма в наичувствительнейших выражениях, чтобы они

вспомоществовали детям царя Ираклия. Царевич Александр ведет переписку со многими князьями Грузинскими, обещавшую давать ему пособия. Ганджинский хан отправил сына своего с войсками к границам Грузии, ежели он вздумает сделать нападения на Шамшадиль, то войска наши там находящиеся сильны дать ему отражение и совершенно его победить.

289
337

*Тоже, подполковника Солениуса генерал-майору
Лазареву от 29-го октября 1802 г. за № 530*

(В нем говорится, что Александр цесаревич из Ганджи прибудет через три дня в лезгинское селение Джары, где довольно много собралось лезгинских войск).

289
338

*Всепооданнейший рапорт генерал-лейтенанта
Кнорринт от 2 ноября 1802 г. за №35*

(В нем говорится, что в Шамшадиль командированы две роты 17-го Егерского полка, с одним орудием и 40 казаков. Царевич Александр и хан Ганджинский требуют настоятельно от шамшадильцев, чтобы они перешли в Ганджинское владения. К подкрепившимся там ротам посланы еще две роты).

289
340

*Рапорт майора Ковалева 1-ю генерал-майору
Лазареву от 29-го ноября 1802 г. за №575*

(Получено сообщение от сигнахского жителя Симона Алавердова, что царевич Александр, прибывший с войсками в Бслакан, намерен напасть ночью на город Сигнах и "раззорить оный").

345
448

Сведения о Грузии 1801 года (сведения эти составились из ответов, данных на вопросы, предложенные со стороны Главногокомандующего

Грузии) ...С начала царствования Ираклия находилось Грузинское царство в сих границах: к Имеретии - до Берткульского леса Кепинисхевской долины, к Акалциху - до двора красной церкви Тавкаравана и до Агабы; к Карсу — до реки Арпачая, к Эривану — до озера Гокчи, к Гапдже — до реки Джагирь, к Осетинской же стороны — до Белакана и Дангаза. По кончины царя Александра Багратиона в 1437 г. разделилось Грузинское царство на три царства и на пять владений. После сего времени от карталинского царя три раза была завладена Имертия, но от времени Имергианского царя Арчила, что было 1680 года, Карталинские цари не подвергали Имертию под свое владение, а имели между собой союз дружбы. По разделению семи Грузии когда усилилось и Сефиево поколение, Ганджинская провинция была освобождена из-под власти Грузинской, но Карталинские цари всегда изыскивали способы к завладению оной, что и мог совершить царь Ираклий и наложить подать на Ганджинского хана; теперь же провинция оная вышла опять из под владения Грузинского...

403
508

*Рапорт генерал-майора Лазарева генерал-лейтенанту
Кноррингу от 3-го октября 1802 г. (см. Вутков, г. 2, с. 545)*

...Царевич Александр, находясь в Гандже, кроме отправленных им чиновников в Джары и Белаканы, отправил еще в Дагестан с письмами приглашающих дагестанцев к нему, обещая в письмах тем каждому из них по 50 руб., сер., между тем старается привлечь к стороне своей всех татар, а к Шамшадильскому султану пишет он и Ганджинский хан, чтобы сей присягнув царевичу, прибыл со всеми шамшадильцами к Гандае, угрожая за невыполнение сего требования их разорением шамшадильских деревень; с кахетинцами ведет переписку и надеется, что они в предприятиях его вспомоществовать ему будут...

404
509

Рапорт от 6-го октября 1802 г. №520

...Известия после дне-получепых мною через посылаемых людей следующего содержания: царь Имертинский, царевичи Юлон и Париаоз и Ахалцихский паша намереваются сделать нападение свое в Грузию от стороны Имертии и Ахалциха с войсками Имертинскими, Лезгинскими и частью Ахалцихского паши, Эриванский Мегмед хан и Нахчиванский Келб-Али хан от Памбак, царевич Александр и Ганджинский Хан от Ганджи, а Джарские, Белаканские и часть Дагестанских Лезгинов впасть в Кахетию. Вес они намерены нападение сделать в одно время, а в какое не известно.

...Вероятны и предположения царевича и прочих сбыточны быть могут; Я однако верю более, ...царевич Александр отъеден в Джары и Белаканы и будет действовать с Лезгинскими войсками, а от Ганджи один хан Ганджи некий.

...Як стороне Ганджи вместо роты мушкетерской из Коды, ...отправляю завтрашнего числа егерей батальона подполковника Ляхова, одно орудие и 40 человек казаков предполагая по укомплектовании 17-го Егерского полка...

Правитель Грузии дал мне знать, что Ганджинский хан извещает его, якобы он царевича Александра остановил у себя для недопущения сделать вред Грузии и о том, что посланный Г[онец] правителя донес ему о намерениях царевича Александра делать набеги на Грузию от стороны Ганджи с лезгинами, коих он к себе приглашает. Ежели сие справедливо, то войска наши, в Шамшадиль следующие и в случае надобности отправится предпологаемые, сильны довольно не допустить царевича до причинения вреда Грузии.

405

513

*Письмо генерал-лейтенанта Кнорринга к князю
П.Д.Цицанову, от 4-го декабря 1802 за №361. Георгиевск*

...Обстоятельства вне Грузии.

Ганджа. Ганджинский Джевад хан есть из первейших недоброжелателей Грузии. Он имеет на Грузинскую провинцию Шамшадиль, на границе к Гандже лежащую, якобы оная издревле к Гандже принадлежит; но как провинция сия по кончине царя Георгия обретена в зависимости Грузии, то по неоднократным предприятиям хана Ганджинского захватить всех жителей ея и ввести в Ганджу, в чем до открытия в Грузии правления и имел он некоторые успехи, но после удаляло то присутствие войск русских, в таких случаях всегда гуда посылаемых. У Ганджинского хана находится теперь и царевич Александр, принятый им дружелюбно. И

128

как предприятия сего царевича клонятся в сем близком соседстве к Грузии
вофаждать в нем волнение...

594
786

Закавказские мусульманские владения. III Шамшадиль

Сведения о Шамшадиле.

Агаларов татарских в Шамшадилях исключая султана, находилось 26, армянских кевхов 7; теперь же осталось в Шамшадилях агаларов татарских 4 и ксвха армянских 1, прочие же все находя гeya у хана Ганджинского. Из 33 деревень Шамшадильской провинции остались на своих местах дер. Тагулу, Хасан-сулу и половина Гокшалы па реке Хасан лежащая, половина дер. Амурлу на р. Аханже, половина дер. Байрамлу на н. Ассерике и половина дер. Айрум, в горах находящейся; — из сел. Морул находится при султানে 1 агалар с тремя семьями, да из 12 сел на р. Сагане находящихся, осталось при султানে 2 агалара, прочие же все у хана Ганджинского.

В деревнях, оставшихся в Шамшадилях полагаю примерно 400 семей, а в находящихся у хапа Ганджинского 1900 семей, — оставшиеся семьи и старшины имеют кочевание свое теперь в горах в вершине р. Хасан, а находящиеся у хана Гап-джинского кочевали в вершине р. Шамхор; но ныне, по просьбе претендующей на султанство Шамшадильское старшины Магмад-Хусейна, переведены далее.

Причиную удсления всех старшин и селение Шамшадильской провинции к хапу Ганджинскому более всего страшина Шамшадильский Магмад-Хусейн, [который] претендовал на султанство Шамшадильский, но по проискам нынешнего султана Насиб-бека онаго не получивший и покойным царем Георгием содержавшийся в крепости Тифлисской под арестом. [Он] со времени освобождения начал искать протекции хана Ганджинского и имея у себя приверженных Шамшадильских агаларов, привлекая их еще более, успел до сего времени пособием хана Ганджинского, претендующего всегда на Шамшадиль и посылавшего по просьбе Магмад-Хусейна, для переселения Шамшадильцев в свои владения, под начальством сына своего войска, переселить с 22 агаларами татарскими и 6 кевхами армянскими 1900 татарских и армянских семей, и хотя султан Насиб-бек, имея помощь от Казаха и *делал* при переселении их сопротивления, но как число от стороны хана Ганджинского всегда почти было более, а к тому же Магмад-Хусейн присутствовал сам с войсками хана Ганджинского, мало имел в сем успеха.

*Рапорт генерал-майора Лазарева генерал-лейтенанту
Кнорришу, от 15-го марта 1801 года за № 73*

Ганджинский Джевад-хан не перестает делать подвластными своими разные набеги на провинцию Шамшадиль, от чего она, терпя крайнее разорение, изнуряется и даже до того, что некоторые жители, как султан тамошний наследного царевича Давида извещает, — начинают убежать в разные места. ... имею честь испросить повеления, как предписано будет, дабы и все жители сей провинции не могли разбежаться, с Джевад ханом поступить, который на просьбу наследника царевича о запрещении подвластным его делать на провинцию ту набеги, нитолько ничего не отвечал, но умножает еще больше чинить разные притеснения.

*Предписание генерал-лейтенанта Кнорринга генерал-майору
Лазареву, от 23 марта 1801 года за № 648 Наудрь*

...Ганджинский хан делает покушения на Шамшадиль начав уже то отгоном скота, жителями оной провинции принадлежащего, предписываю вам расположить в Борчалах и в самой Шамшадили такую часть войск наших, которая обезопасила и казаков и Шамшадилыдов, но чтобы при том и жители тамошние пеклись бодрственно и себя в своей собственности в расположении в означенных местах войск...

*Рапорт генерал-майора Лазарева генерал-лейтенанту
Кноррингу от 19 июня 1801 за №384*

По словесным донесениям Казахских старшин узнал я, что Шамшадильской провинции жители по подговорам Джевад хана Гаиджинского, который обещает во всех случаях их защищать, намереваются уйти из Грузии, - дая остановления их, вчерашнего числа отправил отсель с бывшим при мне Казахскими войсками князя Соломона Авалова, чтобы остановья жителей Шамшадильских от побега, собрал их в одно место, а

подполковнику Кузнецову предписал, в случае нападения на провинцию сию, вместе с Казахскими войсками оную защищать...

595
791

*Предписание генерал-лейтенанта Кнорринга генерал-майору
Лазареву от 17 мая 1802 г. за №1352*

Имея достоверное уведомления, что Ганджин-ский хан, собрав свои войска угрожает ими Шамшадиль, предписываю вам частью вверенного вам 17-го Егерского полка и с обоими орудиями артиллерии, расположенного в Тифлисе, с получения сего следовать немедленно в Шамшадиль и по прибытию туда присоединив к деташаменту вашему роту Тифлисского Мушкетерского полка..., удержать целость Шамшадиль от покушений на нее Ганджинского хана...

591
792

*Рапорт генерал-майора Лазарева генерал-лейтенанту
Кноррингу от 24-го мая 1802 г. за №264*

Выступить в поход из Тифлиса с назначенным в предписании В пр. (Вашего превосходительства) №1352 числом войск для удержания в целости Шамшадилья от покушений Ганджинского хана силою оружия, вчерашнего числа прибыл к месту расположения лагерем роты Тифлисского Мушкетерского полка с орудием и казаками, при речке Хазан, близ первой Шамшадильской деревни Гёджелу называемой и остановился лагерем. ...завтрашний день выступаю с деташаментом в поход и намерен расположиться лагерем в верстах 15-ти отсел по дороге ведущей к Гандже и примкнув левым флангом к р. Куре буду находиться в верстах 30 от Шамхор и в 50-ими во верстах от Ганджи. Отколь будс бы Ганджипский хан вздумая итти с войсками своими в Шамшадиль, могу встретить его с войсками в местечке Шамхорах... Шамшадильские жители, равно и Казахи, по обыкновению свою от чрезмерных жаров..., со всем жилем своим и скотом вышли в горы и никого из них в деревнях их не находится.

Ганджинский хан, бывший с войском своим близ Шамшадилья, вернулся в Гаиджу.

Во время похождения моет через Казах, имел я известие, будто бы Шемахинский хан Мустафа хан с войсками своими выступил в поход с

намерением напасть на Ганджинского хана и что сий слухи были более причиноное возвращения его в Гаиджу для приготовления дать отпор Мустафа хану.

596
794

*Рапорт капитана Таганова генерал-майору
Лазареву, 14 октября 1802 г. за № 1 из лагеря при дер. Татли*

...прибыл в Шамшадиль сего месяца 13-го числа благополучно и расположился лагерем близ деревни Татли, лежащею на р. Хасан-су. ...Султан их Насиб-бек просит перейти на ту реку, на коей В. пр. с деташаментом летом стояли, где его было жительство, но по опасности от стороны Ганджинского хана, перекочевал сюда.

Что же касается Ганджинского хана, то только вскоре мог узнать, что он послал своего сардара, Исрафил-бека, чтобы угнать народ, Айруми называемой, семей сто, который кочевал близ его границы, но сей сардар, услышав что идут русские войска, возвратился назад. Александр же царевич, находится в Гандже и говорит Насиб-бек, что казахский ага Пенагь, ...будет готов с ним соединиться.

596
796

*Тоже, подполковника Ляхова генерал-майору
Лазареву от 31 октября 1802 года за №4 из лагеря при р. Тоуз*

Прибывши с отрядом на р. Тоуз сего месяца 29-го числа, осведомился я от местного султана, что Ганджинского хана сын с войском из 200 человек прибыл па реку Дзетам и угнал из деревни людей. Узнавший оное, я тот же час с двумя ротами в поход выступил, пришедши к нему на р. Дзетам, застал его, но люди были из деревни угнаны; - я посылал к нему здешнего пристава Варламова, сказать оных людей возвратить, что он обещался исполнить то же день, при чем сказал, что он навсегда предан России, после чего я возвратился.

597
797

Тоже, от 3-го ноября 1802 юда за №9

Ушатые Ганджинского хана сыном Шамша-дильского султана двоюродного брата Мамед бека до 500 подвластные семейства на прежних жилищах на речку Дзегам сего числа возвратились, и что сего же дня в присутствии моем, совместно с приставом Варламовым вблизи пребывания моем на нашей границе съехавшись султан с помянутым своим двоюродным братом помирились. Находящийся с войсками Ганджинского хана сын вчера вернулся в Ганджу и что Ганджипский хан с сыном своим и в сделанном им поступке весьма недоволен.

606

812

ГАНДЖА

Письмо Джевад хана к генерал-майору Лазареву

Известно бы было, - мы из ваших добрых друзей и долгом поставляем о здешних известиях вас уведомить. Для сей причины сим письмом вас беспокоим. Омар хан со своим войском не мог преодолеть голода: из Карабаха возвратись сего месяца в прошедший четверг, т.е. восемь дней назад, прошел мимо Ганджи и пошел в Джар. Его есть намерения эту зиму провести в Джаре и вредить несколько Грузии. В Карабах пробывли они весьма большим трудом, со стороны Ширвана, Шеки и Ганджи намерение их разрушилось, голод их весьма одолел и они возвратись назад переплавились на ту сторону Куры. Следовало вас уведомить и вас извещаем, от вашей же дружбы надеемся, что вы нас не оставите о вашем здоровьи уведомлением; лак, же в чем угодно от нас будет, то не оставьте нас приказанием.

606

814

Письмо генерал-лейтенанта Кнорринга к Джевад хану от 12-и марта 1801 г.

...генерал-майор Лазарев рапортует мне, иод-властный вашего высокоств народа, делая частые своим набеги на Шамшадиль, причиняет ей раззорение: а как Грузия уже теперь но всенародному ей желанию, присоединена к России и состоит в подданстве ее Государя, IX) и, по главному в ней и на Кавказской Линии начальству, отношусь к В.в. и прошу всепокорнейше Вас подвластный ваш народ от набегов на Шамшадиль приказать удержать и все что ими пограблено и захвачено у Шамшадиль в со времени состояния Грузии в подданстве Е.И.В. (его императорского

133

высочества), приказать им возратить, как и во всем прочем удовлетворить их в полной мере, чем докажете дружескую свизь соседства; и же всегда со стороны моей стараться буду на общий пользы и соседстве иное и приятностью себе почту иметь во всегдашнее время дружескую мою с вами пере писку и пребыть всегда готовым к оказанию возможных со стороны моей угодностей.

607

816

Письмо Джебевд хана к д. с. с. Ковале некому

Получил я дружеское В. пр. письмо и с лекарем Степаном, в коем объявляете что, мальчик один из подданных Г.И. находившийся у вас для учения грамоты, бежал к нам в Ганджу...

...Царевич Александр прибыл сюда, и для извещения вас о сем отправил и к вам лекари Степана, по случаю же сему какия вы имеете, следует вам меня известить. Царевич Александр намерен был отиравшей в Белаканы, но и его удержал, — конечно куда он прибудет, подаст причину к возмущению, я за лучшее почитаю, так как братьям его и родственникам даны имения и пенсии и по силе повеления всеславнейшего Г.И. преподан им от вас способ к содержанию их, то если и царевичу Александру будет отдано имение или назначена пенсия, чтобы он жил в Гандже и за здоровье государя молился бы он богу в Гандже или в Грузии жить ему — все одно и то же и если он будет жить здесь, то почтите как бы он находился у вас. Я сие признавать за лучшее, В пр. объявляю оставляя воле вашей лучше избежать.

608

818

Тоже, к генерал-лейтенанту Кноррингу

Ныне посланный мною Гюргии бек прибыв ко мне доставил ваше письмо и словесные ваши поручения. Из содержания письма обнаружилось, что Шамшадиль будто отдан мне Ага-Магомсд ханом. Шамшадиль никто нам не давал, и следовательно никто и не вправе его у нас отнимать или отдавать. 700 или 600 лет Шамшадиль находится во владении моего рода и служил нам. Иногда случалось, что часть этого племени, по какому либо неудовольствию на нас, приставала к Грузии, впоследствии же им по собственному желанию, или по увещанию Грузинского владетеля в соблюдении соседственной дружбы, возвращалась к нам. Во всяком случае

134

племя это кроме нас другого владельца не имело. Но там (в Грузии) есть люди, которые по пристрастью перетолковывают вещи, с тою целью, чтобы заводить интриги между двумя соседстве иными владениями. Еще вы соизволили высказать, что мы поздно начали сношения. В Грузии не было человека, с которым я мог бы вступить в сношения, а как только узнал о вашем приезде, то поспешил послать к вам своего секретаря с поздравлением и вслед за тем я намерен был отправить к вам из своих доверенных лиц с гостинцем. Вдруг получено было ваше письмо и я для ответа и дня. передачи моих желаний отправил к вам Гюргин бека. Ныне, как он возвратился, оказалось, что все мои слова перетолкованы вам в превратном виде... Так как содержание первого письма передано вам превратно, я с этим письмом отправляю вам Гюргин бека с одним переводчиком, дабы они все мои слова и пожелания передали вам без убавлений и добавлений... Надеюсь дверь дружеской переписки между нами будет отверзта.

608
819

Письмо генерал-лейтенанта Кнорринга к Джеват халу от 27 января 1801 г.

Принося вам истинную благодарность за приятные выражения, смею уверить вас, что я наслышась о добрых свойствах В.в. тем охотнее побуждаюсь, возмечь личное с вами знакомство и сей конец не оставлю уведомить вас особо о прибытии моем в Грузию...

608
820

Рапорт генерал-майора Лазарева генерал-лейтенанту Кнорришу от 22 марта 1802 г.

Джевад хан Ганджипский имеющий издавна претенцию на Шамшадиль, на сих днях прислал туда с некоторым числом войск своего сына Хусейн Кули агу, по прибытию коего гуда некоторые деревни перекочевали в Казах, а некоторых он увел с собою, как извещает о сем меня Насиб бек, султан Шам-шадильский.

609
821

*Письмо генерал-лейтенанта Кнорринга Дджевад хану от 18 апреля
1802 г.*

Во исполнение Высоко монаршего Е.И.В. Всемилостивейшего моего Г.И. повеления по прибытие моем в Тифлис, обнародован Манифест, коим Е.И.В. вняв всеобщему взыванию народов Грузию населяющих, приемлет их под непосредственную верховную свою власть и в повиновении властям над **ними** постановляемым учинили торжестве!шую пов-семесто присягу, а за сим правительство для управления Грузии от Е.И.В. апробованное, воспримет здесь свое действие...

(Такого же содержания письма были адресованы к Мустафа хану Ширванскому, Ибрагим хану Карабахскому и Мегмед хану Шекинекому).

609
822

Тоже, от 6 мая 1802 г.

Сего числа получил известия, что сын Ваш Хусейн -Кули-ага прибыв с 500 человеком в Шамшадильскую деревню Айрум, неприятельским образом приступил было к разорению ея, но жителями тамошними к тому не допущен. Толь неблагоприязненный поступок сына вашего к обл. Грузии, управляемым Г.И. совсем противен тем уверениям доброго соседства. Я однако иологаю, что сын ваш покусился на этот поступок без вашего уведомления. Прошу вас, не только удержать его от подобных злоумышлении па Грузию, но и доставить удовольствие Шамшадильцам. Иначе я буду вынужден ограждать пределы Грузии с силою оружия.

609
823

*Репорт Тифлискою Мушкетерскою полка поручика Вискрбенцова
генерал-лейтенанту Кнорришу от 10-ю мая 1802 г. Хасань*

Узнал я от Шамшадильского старшины султана Насиба, что сын Ганджинского хана с войском своим 2 мая отогнал скота из деревни Айрум — лошадей 130, ротатого 258, рамен 1 человек. 8-го числа сего же месяца взял в плен со скотом и имуществом жителей, 500 семей.

610
824

136

Письмо Джэсват хана к генерал-лейтенанту Кноррингу

Почтенное в.в. письмо я получил через Гогиа бека; пишете, что будто Хусейн Кули, пришедь в Айрум, якобы принадлежащий Грузии, офабил и что ему сего делать не следовало. Народ Айрумский с самых предков наших, были нашими подданными. Никогда к Грузии не принадлежал и когда он провинился мы его наказывали соответственно его поступкам. А посему вам не следовало так писать. Еще пишете, будто Айрум входит в Грузию. Никогда. Айрум входит в число Ганджинских элов (т.е. кочевых народов) неужели будете верить всему тому, что вам рассказывают...

Вы спросите в других странах соседей и узнаете, — Шамшадиль была в нашем подданстве. Если она принадлежала Гандже, какое имеете вы слово и претензию. Если претендуете на всю Ганджу, это другое дело. Известно, что пока я жив, не отстану от Ганджи. От Иранского Государя имею фирман, что Шамшадиль принадлежит Гандже. При сем обратно возвращая Гогие, отправили мы надежного Гургин бека, вес мое слово здесь сказано и ему наказано.

612
825

Письмо генерал-лейтенант Кнорринга Джэсвад хану от 20-го мая 1802 г.

Письмо в.в. полученного мною от Гургин бека крайне удивило меня своим содержанием. ...Шамшадиль и при царе Ираклии и при царе Георгии принадлежит Грузии и поскольку я, вступив по повелению Г.И. в управление сию землю по кончину царя Георгия нашел Шамшадиль в границах Грузинских, то и справедливость и должность требует от меня удержании этих земель в прежней се зависимости от Грузии. Странно, что в.в. столь поздно приступили отыскивать право свое на Шамшадиль и тогда уже, как все области Грузинския торжественно повергли себя покрову Е.И.В.

612
826

Тоже, от 29 мая 1802 г.

Имеv разговор о Шамшадили с прибывшим ко мне Гургин беком, я хотя и подаю веру, что сия издревле принадлежало Ганджинской области, но

поскольку Шамшадиль при царе Георгии считалась в зависимости от Грузии, то с принятием Грузии в всемогущественное управление Е.И.В., то я должен удерживать Грузию в тех владениях, в каких он обратился при последнем царе.

613
828

*Рапорт генерал-майора Лазарева генерал-лейтенанту
Кнорришу от 16 октября 1802 г*

Капитан Таганов, находившийся в Шамшадили, рапортует, что Джевад хан и царевич Александр не отлагают намерения своего сделать впадение от стороны Шамшадили...

Полковник Карягин доносит, что в Эривани делается заготовление провианта, и хан Эриванский, приказал в области своей быть войскам в готовности и что в Нахчивань прибыло 60 всякокой готовности пехотных 4000 персидских войск. Соображая сие известие с полученным прежде и описанным в рапорте моем 5-го числа №510 нахожусь нужным усилить деташамент в Шамшадили и потому посылаю туда еще 2 роты егерей и 60 казаков, что и составит гам батальон егерей и 100 чел. казаков и орудие артиллерии; деташамент сей будет силен дать отражение Александру царевичу и Джевад хану и не допустит Казахов соединится с ними.

613
829

*Тоже, от капитан Таганова к генерал-майору
Лазареву от 18 октября 1802 г. деревня Татлы*

...Гапджинский хан обещал Александру посвятить всю жизнь свою. Джевад хан писал всем ханам помогать детям их вал и я Ираклия. А притом посланы

в Джары войска 5000 человек, обещая каждому 50 руб... Ганджипский хан ведет частую переписку с некоторыми Кизикскими князьями и что оные уверяют, что оные будут готовы, когда он наберет войско. Чаше приезжают к нему от казахского Панаг аги; он на сих днях дал ему знать, что я вверенному мне деташаментом прибыл в Шамшадиль, но что он о том не беспокоился и чтобы делал свое дело. А когда будет голов, чтобы дал ему знать. Ибо этот деташамент для него много значит. В Гандже при-

готовавливают, укрепляют сиены, стаповят с одною места на другое пушки, делают батареи.

Ханский сын прибыл с войском в Дзегам и ожидает, - буде случится от пас какого-нибудь действия, тогда придвинут их ближе.

614

*Тоже от подполковника Ляхова генерал-майору
Лазареву от 9 декабря 1802 г. при р. Дзегам*

Сего числа бежал из владения Ганджинского хана Ага Нельвебой с двумя ему принадлежавшему людьм, которым Джевад хан угрожал посадить в тюрьму. Притом он (Ага Нельвебой) переведет из своей деревни Шамхор, сост. из 400 дворов, свою семью.

6-го числа со стороны лезгин прибыли Махмад ага и Ахмад ага со ста людьми из деревни Джар за Александром в Ганджу, с которым они со своими людьми уехали в вышеуказанную деревню.

*Рапорт генерал-майора Лазарева генерал-лейтенанту
Кнорришу от 27 февраля 1802 г.*

Получено от Ганджинского хана письмо, где указывается о получении письма в. пр. при моем к нему отправленного, донес, что в бытность его в Гандже прибыл туда из Карабага к хану человек, объявив ему, что Нухинский хан получил уведомление от своего сына в Тегеране о приезде к Баба-хану посланной) от Александра с письмами, просившую от него помощи с войсками для нападения на Грузию. Баба-хан по получении сих писем намерен отправить 50 тыс. войск в Грузию, из коих 10 для занятия Эривана, 40 идя в Казахи и 6 в Памбаки, привлекая к себе тамошних татар, послать в Тифлис к начальнику войск Российских посланника, чтобы они оставили Грузию и вывели сои войска оттуда, буде сего не выполнит, то вести войну. Имеет ли согласие с Баба-ханом и царевичем Александром хан Ганджинский, не смог узнать. Но заметил, что Джевад хан при получении сего известия был доволен. То как видно, и он имеет с ним согласия.

139

Т. II.

*Всепогоднейший рапорт князя
Цицианова от 27 апреля 1803 г. №15*

Во исполнение Высочайшего имянного рескрипта за собственноручно подписанным Его Императорским Высочеством от 19 марта, касательно нужных соображений местных обстоятельств и надежнейших способов занятия Дербента и прочих побережных пунктов западного побережья Каспийского моря, имею счастье донести Его Императорскому Высочеству, поскольку главные действия в сей стране по иредполагаемому предначертанию до весны 1804 года.

Не имея уже надежды на 9 батальенов, нужных для помещения в разных пунктах гарнизонами ограничил я мои предприятия на сию кампанию походами на Ганджу, Эриван и занятием Баку следующим порядком: Кабардинского мушкеторского полка, шеф генерал-майор Гуляков, дал я предписание с 3 батальенами итти па сопредельных Джарцами Самухских беков, привести их в повиновение, обложить данью и обозреть удобнейшее место для переправы через реку Куру, которая от Тифлиса до Ганджи имеет весьма крутые берета и требует заблаговременного приготовления для переправы. Тогда учредивши переправу с левого берега по правому из Шамшадиле я пойду до покорения, во первых, Ганджи, дабы не оставить за собой неприятеля, ибо из новейших известий Джевад хан примирился с враждовавшим Ибрагим ханом и в залог дружбы прислал к нему две медные пушки в подарок.

Хотя иредполагаемый мною оставить гарнизон в Гандже ослабит малый отряд войска в экспедицию сию назначенный, но поход в Эриван я почитаю необходимо нужным. Потом из Ганджи через Шамшадильскую провинцию пойду в Эриван.

Цицианов захват Ганджи мотивирует следующим образом: "К сему присовокупляется другие основательные причины подозревать его (Джсвад хана, Э.Б.) в недоброжелательстве к нам, через частые сношения Тифлиских жителей с Ганджою, приготовлением его к сопротивлению и запасанием воинскими снарядами, равно как и то обстоятельство, что на требование мое утвердить уверение его в преданности к России нрысылкою аманатов, в числе коих должен быть один из сыновей его, отвечал он, что выполнить сего не может и что он получил фирман от Иранского государя Баба хана".

*Высочайшее рескрипт князю Цициалову от 24-го июня 1804 г.
С.Петербург*

Утвердить сочиненный сходно с представлением вашим ко мне инж. ген. Фон-Сухтеленем проект об усилении Ганджинской крепости наружными пристройками для получения вокруг ея к удержанию приближающегося неприятеля горизонтальной и лучшей фланговой обороны, препровождаю оный у сего ддя должнаго по нем выполнения обще с представлением и следующими к нему приложениями, предостовляя вам расположить по местному Вашему усмотрению нредполагаемые им верки, не отступая однако же от генерального плана.

Об ассигновании же и отпуске в распоряжение ваше примерно исчисленной на те пристройки суммы 70.945 р. 971/2 коп., или сколько потребуется впоследствии, повелел я уже министру военных сухопутных сил сделать надлежащее назначение.

подписано "Александр"

465
916

*Письмо князя Цицианова к Андрею Акоюевичу
Италийскому от 13-го февраля 1804 г №95*

...При сем долгом почитаю уведомить в.пр., что 3-го января сего года войска Е.И.В. под моим личным предводительством одержали в Персии знатную победу во взятии приступом кр. Ганджинской области; до 2000 чел положено на месте и обоего пола людей взято в плен 17.000; 18 пушек и большое количество провианта достались нам. Джевад хан Ганджинский и средний сын его потеряли жизнь в сем сражении. Наша потеря не превосходила 200 ранеными и 35 убитыми...

586
1166

*Рапорт дс.с. Ковалевского князю
Цициалову, от 17 декабря 1802 г. №273*

Ганджинский владелец Джсвад хан, руководимый издавна неблагонамеренностью к Грузии, но скрывая то под личною политики Персидской, с некоторого времени явно стал себя обнаруживать. Минуя

обстоятельства, до наблюдения пограничного принадлежности, о коих конечно, от имеющего сию препорученность в свое время было доносимо и которые сколько мне известно, заключается:

1. В увлечении им из пределов Грузии древних ея подданных еще прежде открытия настоящего, а во время бывшего здесь временного правительства до 200 семей Шамшадильских армян и татар.

2. В связях его в виде действующего лица и первого ревнителя с прочими неблагонамеренными владельцами и народами, а также с членами Гру зинского царского дома.

3. В приеме к себе бежавшего царевича Алек сандра с снабдением его и всего сброда его всяческим пособием и даже подкреплением на чинимья от них иногда в Грузию воровские впадения; ныне же по соглашению с джарскими и белаканскими старейшинами.

В бытности еще здесь предместника в.с, генерал-лейтенанта Кнорринга, тогда когда по домогательству сего владельца на присвоение области Шамшадильской отправлен был деташамент войск наших, оставшаяся там часть народа сего имени, в вознаграждение убытков при увеличении прочих в Ганджу, как выше упомянуто, от владельца Ганджинского ею понесенных, следуя обычаю своему, попустилась на ограбление Ганджинских подданных каравана, из Эривани шедшего.

...Между тем в минувшем месяце, когда рыбные промышленники здешние по обычаю своему хотели в Шекинское владение за рыбою и по поводу что дорога идет туда через Ганджу, испрашивали сами собою на проезде от хана Ганджинского позволения; - получили от него письменный ответ в виде повеления такого содержания: "что когда они привезут ему за какие-то принадлежащие ему вещи за 10.000 р., то пусть приезжают, а в противном случае подвергнут себя взысканию". Письмо сие было представлено мне и я по оному отправил нарочного от себя чиновника с отзывом к хану, объяснив ему приличным образом невместность переписки с подданным другой державы, и что ежели на них есть какая-либо претензия, то может о том снести со мною и получить надлежащего удовлетворения.

Тем временем явились ко мне 4 человека Тифлиских жителей армян, по промыслу бывших в Гандже и оттуда спасшихся бегством от хана, объявив мне, что всех их там было 27 человек здешних же купцов и что отстальные их сотоварищи все задержаны там в оковах и истязаются немилосердно, по требованию от них ханом 3000 р., в числе коих уже он 2000 р. продаю за полцены всех найденных при них товаров и вещей. Я тот-же час отправил от себя к хану другого чиновника с убедительным представлением противу наглого сего поступка, но ответа еще не получил.

Тоже, от 8-го января 1803 г. № 25

Сейчас получил я рапорт от Моурава Шам-шадильских татар кн. Соломона Тарханова и помощника его, дворянина Варламова, что с 3-го на 4-е число сего месяца партия состоявшеюся из 200 доброконных хищников, высланная от Джевад хана Ганджинского для впадения на границы Грузинские, с намерением отогнать табун при отряде войск наших в Шамшадилых или нанести отряду сему либо обывателям сближаясь к лагеру на далее 6 верст, расположилась па ночлег, проникнув па 20 верст внутрь Гранины. А как о сем покушении кн. Тарханов с вечера был еще извещен, то и уведомил он об этом начальника отряда подполковника Ляхова, который отправясь с командою для поиска сих хищников, нечаянные нашедь па передовые посты той партии, столь подтрсвожил их, что они с крайним после шением, имея однако же с козаками перестрелку, скрылись без потерь. А с Козаков один убит.

Тоже, генерал-майора Лазарева от 9-го января 1803 г. №14

Полученным мною рапортом от подполковника Ляхова извещен я, что из числа удалившихся к Ганджинскому хану Шамшадильских сселений возвратились на прежние жилища с 31-го по 3-е число сто домов и что многие еще намереваются перейти.

По тому же рапорту, что пойманные пикетными козаками 2 армянина при допросе показали, что они Шамшадильские жители из сел. Чуртночи и были для прокормления себя на работе в Гандже, а ныне оттуда возвращаются в свои селения, при том объявили, что все Ганджинские армяне нетерпеливо желают прибытия войск Российских в Ганджу, за что все магометанского закона их уфожают притеснением и что предосторожность хана Ганджинского состоит только в предписании делать разьезды до Шамхора, который всякий день и делается и состоит из 10 человек.

Письмо князя Цицианова к Джэсва/рсану от 25-го февраля 1803 г. №14

Письмо ваше, присланное через почтенного чиновника вашего Гюргин-бека, дошло до меня; с удовольствием видел я из онаго наклонность вашу к мирному, союзному и дружескому сохранению соседства, каково изяснение приемля за чистосердечное ваше желание, радуюсь душевно для собственного блага и поздравляю вас с благополучным намерением вашим, которое буде сохранится непоколебимо, доставить вам и народу вашему высокое, славное и многомощное покровительство величайшие в свете Российские державы и сильнейшего из монархов великого и всемилостивейшаго Г.И. моего. Во взаимность вашего расположения в.в. можете во всяких случаях, при сношении ваших подданных с Грузиею, прислать ко мне о делах ваших краткое объяснение, по которому получше решительное и правосудное удовлетворение, ибо по высочайшей власти Е.И.В. моею великого Государя как в управлении Грузиею, так и по всем делам сопредельных нам народов удостоился я получить полную доверенность и разрешение, по дабы вещи утвердить столь похвальное дружеское ваше расположение, и доказать оное торжественно пред целым светом, в залог вашей верности и пашей приязни, прошу вас прислать в Тифлис в аманаты высо-костепенного сына вашего старшего Угурлу агу, которому по достоинству и званию его будет здесь производи гея приличное содержание. Исполнение сего требования моего почту я истинным законом вашего чистосердечного доброжелательства и тогда, по собственным словам вашим не будет никакого различия между Ганджою и Грузией. Впрочем, одаря любезного вашего Гюргин бека, отправляю с ним в знак моего дружеского расположения к вам, бархату и атласу по К) аршин и пребыть честь имею навсегда готовым к услугам.

588
1170

Тоже, князя Реваза Андроникова к князю Цинианову от 7 апреля 1803

2.

Если угодно узнать о Джевад хане, он с Ибрагим ханом помирился, от коего получил две пушки, а он ему отдал 8 катеров и одну палатку. Джевад хан укрепляет свою крепость, а окружающих около Ганджи народов отдает иод сохранение Ибрагим хану. В Шамхор я отправил человека, по возвращения коего донесу в.с. обо всем. Шамхорские просят вас усердиейши о наряде к ним войск, они желают перебраться в Шамшадиль, но опасаются.

144

*Предписание князя Цицианова Казахскому моураву
Гарсевану Чавчавадзе, от 17ноября 1803 г. № 1931*

Поло гаю что, в силу моего к вам от 30 июня предписания о учения наряда из Казахов конному войску, который по крайней мерс должен состоять из 300 человек, вами уже приготовлено и извещаю вас, что я на этой недели намерен выступать па Гаиджу, подтверждаю в.с, чтобы сказанное войско было в совершенной готовности с 6-ти недельным провиантом и явиться с оными ко мне.

[Такого же содержания предписание было дано и Демургасальскому моураву кн. Тамазу Орбелиани, с поручением выставить из местных татар 100 человек конного войска].

*Письмо князя Цицианова
к Джевад хану от 29-го ноября 1803 г.*

Вступив во владение Ганджи не кое, объявляю вам о причинах моего прихода сюда: 1-я и главная, что Ганджа с ея округом во времена царицы Тамары принадлежала Грузии и слабостью царей Грузинских отторгнут от оной; Всероссийская же Империя приняв Грузию в свое высокомошное покровительство и подданство, не может взирать с равнодушием на расторжение Грузии и несогласно бы было с силою и достоинством высокомощной и Боюм вознесенной Российской империи оставить Ганджу, яко достояние и часть Грузии, в руках чужих, 2) Ваше высокостепенство на письмо мое, писанное по приезде моем в Грузию, коим я требовал сына вашего в аманаты, отвечали, что Иранского государя опасаетесь, забыв, что 6 лет тому назад были Российским подданным и в крепости Ганджинской стояли высокославные всероссийские войска, 3) Купцы Тифлиские, ограбленные вашими людьми, не получили удовлетворения от в.в. — а по сим трем причинам я сам пришедь с войсками брать город по обычаю Европейскому и по вере мною исповедуемой должен не к пролитию крови человеческой, предложить вам о сдаче города и требовать от Вас в ответе двух слов по вашему выбору: да или нет, т.е. сдаете или не сдаете? Да будет Вам известно, также, что допусти войска перейти в такую непогодь и вступить в ваше владение, никаких договор принято быть

не может, а сдачу на волю мою вам предназначаю и тогда испытаете не ограниченное милосердие Е.И.В. всемилоствийшаго Государя моего.

Буде сего не желаете, то ждите несчастного жребия, коему подпадали некогда Измаил, Очаков, Варшава и др. города. Буде завтра в полдень не получу ответа, то брань возгорится, понесу под Ганджу огонь и мечь, чему вы будете свидетели и узнаете, умею ли я держать мое слово.

589
1173

Тоже, Джонад хина к князю Цицианову

Я получил твое письмо. Ты пишешь, что во время царицы Тамары Ганджа находилась в зависимости Грузии. Этому разказу никто не поверит, а паши предки Аббас Кули-хан и прочие управляли Грузией. Если не веришь, спроси Грузинских старожиллов, — управляли Аббас Кули-хан Грузией или нет? Доныне в Грузии существует его мечети и лавки. У многих грузин сохранились его приказы. Со времени Ираклия и нашего отца, фаницы Грузии и Ганджи определены. Если я скажу, что предки мои были валиями в Грузии, никто не примет этих слов в уважение и никто мне не возвратит Грузии.

Ты еще пишешь, что я 6 лет тому назад передал Ганджипскую крепость русскому падишаху. Это правда. Тогда твой Падишах прислал мне рескрипт и я приняв Его предложения, передал крепость. Если теперь твой Падишах прислал такой рескрипт, то покажи его мне, тогда я, уведавши Его волю, соображусь с нею.

Ты еще писал, что я будто находился прежде в зависимости: но да будет тебе известно, что в моих руках и теперь рескрипт твоего Падишаха. Посмотри, назван ли я в нем Ганджинским беглербеком или вассалом Грузии. Из этого явствует, что слова твои ложны. Кроме того, в то время когда я передал Ганджу твоему Падишаху, персидский шах находился в Хорасане и моя рука не достигала его и я счел нужным покори гея Русскому Падишаху. А теперь, слава Аллаху, Персидский шах находится в близости моей и посланный его главнокомандующаго уже прибыл сюда; также прибыло войско и еще онаго прибудет.

Еще ты пишешь, что Грузия принадлежит Русскому Падишаху и я не имел права конфисковывать ся купцов. Это правда. Но когда ты только, что прибыл в Грузию, и я писал тебе отнять у моего подвластного, изменившаго меня, Насиб бека похищенное им у наших купцов имущество и возвратить оное, я был уверен, что ты исполнишь мое желание. Также возвратишь мне изменившихся Шамшадильпев и Насиб бека.

Ты ни того, ни другого не сделал. Я конфисковывал имущество у жителей Ганджи и Шамхора, а вовсе не у жителей Грузии. Если ты замышляешь со мною войну, то я готов; если ты хвастаешься своими пушками, то и мои не хуже твоих: если твои пушки длиною в 1 аршин, то мои в 3 и 4 аршина и успех зависит от Аллаха. Откуда известно, что ваши войска храбрее Персидских? Вы только видели свои сражения, а с Персиянами не видели. Ты предлагаешь мне быть готовым на борьбу. Я с того дня готовлюсь, как ты прибыл в Шамшадиль, обратил его население в зависимость свою. Если хочешь воевать, то будем воевать. Ты предсказываешь мне несчастью, я не приму твоего предложения, но я полагаю, что вассалом Грузии. Из этого явствует, что слова твои ложны. Кроме того, в то время когда я передал Ганджу твоему Падишаху, персидский шах находился в Хорасане и моя рука не достигала его и я счел нужным покорится Русскому Падишаху. А теперь, слава Аллаху, Персидский шах находится в близости моей и посланный его главнокомандующаго уже прибыл сюда; также прибыло войско и еще онога прибует.

Еще ты пишешь, что Грузия принадлежит Русскому Падишаху и я не имел права конфисковывать ея купцов. Это правда. Но когда ты только, что прибыл в Грузию, и я писал тебе отнять у моего подвластного, изменившего меня, Насиб бека похищенное им у наших купцов имущество и возратить оное, я был уверен, что ты исполнишь мое желание. Также возвратишь мне изменившихся Шамшадильцев и Насиб бека. Ты ни того, ни другого не сделал. Я конфисковывал имущество у жителей Ганджи и Шамхора, а вовсе не у жителей Грузии. Если ты замышляешь со мною войну, то я готов; если ты хвастаешься своими пушками, то и мои не хуже твоих: если твои пушки длиною в 1 аршин, то мои в 3 и 4 аршина и успех зависит от Аллаха. Откуда известно, что ваши войска храбрее Персидских? Вы только видели свои сражения, а с Персиянами не видели. Ты предлагаешь мне быть готовым на борьбу. Я с того дня готовлюсь, как ты прибыл в Шамшадиль, обратил его население в зависимость свою. Если хочешь воевать, то будем воевать. Ты предсказываешь мне несчастью, я не приму твоего предложения, но я полагаю, что несчастье пруследует самого тебя, которое завлекло тебя из Петербурга сюда. Последствие покажет, кто из нас будет несчастен.

590
1174

*Обвщенис Армянским народам, обитающим в
Гаиджитской области, от 30-го ноября 1803 г.*

Вступив я победоносными Всероссийскими войсками в Землю Гаиджипской провинцию принадлежащую, уверяю вас именем Е.И.В. Всемилоствийшаго Государя моего, что кто только из вас прибегает к сильной Высочайшего Всероссийского престола защите, будет огражден от всех опасностей личных и имущественных, не почувствуя ни малейшего ни в чем ущерба избавится от всех притеснений и фабительств, магометанами чинимых, и будет иметь не возбранное право йети на жительство в какую либо часть Грузии, ведая, что там будут государственными крестьянами, не принадлежа ни меликам, ни другим каким-либо помещикам.

590
1175

Письмо князя Цицианова к Дженад хану от 9-го декабря 1803 г.

Князь Цицианов, высокочасных Всероссийских войск генерал-лейтенант, главнокомандующий в Грузии, в Астрахани, и на Кавказе, начальник Кас пийской флотилии, многих орденов кавалер и проч., по Европейскому обычаю и по вере ими исповедуемой еще раз вопрошает его высокост. Джевад хана Ганджипского, сдает ли он крепость на волю войск Российских начальника, или нет? А ответ должен быть прислан неотменно завтра по утру и для безопасности посланного он должен иметь белый платок, навязанный на палке.

590
1176

Тоже, от 11 декабря 1803 г.

Князь Цицианов объявляет высокостепенному Джевад хану, что письмо его он получил, что не условия ему предлагает, а вот что по доброте сердца ему советует: — завтра высокостепенный день Е.И.В. всемилоствийшаго Г.И. и если его высокостепенство вышлет в оный день поутру ключи города с сыном своим Хусейн Кули Агой, который и должен остаться и аманатом в знак сдачи города начальнику войск Российских, тогда все счастье и благоденствие сойдет на его высокостепенство Джевад хана Ганджипского от всещедрых десниц милосердага нашего Государя.

Буле до обеда завтра не будет исполнено сие воле, то возгарится паки война и Богом живым клянется начальник Российских войск, что штурм

прольет кровь несчастных, которых хотя и другой веры, он жалеть будет по человеколюбию.

590
1177

Тоже, от 26-го декабря 1803 г.

Князь Цицианов получа письмо от высоко-степенного Джевад хана Ганджинского, просящего для переноса речей Казах Махмада, объявляет, что между Казахов много Махмадов, а потому неизвестно, который нужен. Впрочем, требование генерала войск Российских его высокостепенству известно, - следовательно и ответы на требовании должны быть на письме. Кто слышал на свете, что Российская войска, обложив крепость, отошли без взятия оной сдачею или штурмом. Первое благоденствие сдающихся утверждают, а последний кровью, омывается и Бог покажет, в чьих руках останется Ганджа.

591
1179

Тоже, от 29-го декабря 1803 г.

Видя из последнего вашего письма, что вы не склонны на сдачу крепости, долгом моим почитаю, в последний самый раз, отправить к вам статьи условия на коих зная милосердия Е.И.В. всемироств. моего Государя ко всем, войску Его покоряю! цимса, сдача крепости может быть принята переходя молчанием ваши советы, чтобы мне не итти на штурм, буде не хочу, чтобы кровь пролилась, яко изъяснение неприличное и ни в каком благонравном писании не приемлимое, не могу без ответа оставить, что я никогда Казаха Махмада к вам не посылывал и буде посылаю чрез пленных, а не чрез майора, который прежде был к вам прислан. Так от того, что бывали в Персии примеры, что после не почитали особою неподворжешною никакому оскорблению...

Статьи на коих сдача г. Ганджи может быт принята:

1. Джевад хан должен присягнуть на подданство Всероссийскому Г.И. и все жители его владения тожы должны исполнить.
2. Крепость должна вовсе быть очищена и занята со всеми орудиями и военными снарядами Российскими войсками.
3. Джевад хан Ганджинский находясь в подданстве Российском, управляет своим владением на прежних правах и пребудет данником России

плата по 20.000 р. в год и за 1804 год должен всю оную сумму заплатить при подписке сих статей.

4. Войска, расположенные в крепости и по дороге к Шамшадилю должен снабдить провиантом и фуражем, а именно, в год пшеницы 2.605 татар, круп 243 1/2 тагара, ячменя 60 1/2 тагара, — все на Ганджинскую меру, а под сено отвести луга, ценою же пшеницу здешнею монетою в 4 р., крупу по 6 р. и ячмень на 2 р. 40 к. каждую тагару. Для избежания могущих встретиться споров, тагара должна быть вытерена и запечатана печатью главного начальника войск Российских.

5. На Шамшадиль и жителей оной никакого притязания не иметь, а оставаться им, как они ныне состоят, под управлением Грузинского правителя.

6. В верность сохранения всего вышеписанного Джевад хан Ганджинский должен сына своего Хусейн Кули агу отдать аманатом для всегдашнего пребывания при главнокомандующем Грузией), коему будет производимо по 10 р. в день.

591
1180

Тоже, к Ширин беку Самухскому от 2-го января 1804 г. №1

Ширин беку со мною., переписываться и пересылать послов не кстати и низко для меня, а вы должны были тотчас сами приехать с покорностью. Когда вы боялись Джевад хана, как же вы меня не боитесь? И как вы смели принять его детей к себе, бежавших отсюда, которых вы должны без всякой отговорки сюда представить и им худо не будет сделано. Если бы их отец послушался меня и отдал бы мне крепость, то бы он ханом остался на веки, -таковы были последние предложения ему на письме. Оставьте все персидские обманы и знайте, что вам меня не обмануть; приезжайте тотчас с покорностью ко-мне и привезите детей ханских, ~ тогда я приведу вас к присяге и приму в подданные Е.И.В. все-милоствейшаго моего Г.И.А. Если вы замедлите, то я вас и в земле и в воде найду. Вспомните только это, что я слово свое держать умею..

Впрочем вас уверяю, будете довольны Российским иравлением и моим приемом.

591
1181

*Донесение князя Цицианова гр. А. Воронцову от 3 января 1804 г. №3.
Ганжа*

Из всеподданнейшего моего донесения Е.И.В. и приложенной при оном переписки моей во время блокады с Джевад ханом в.с. усмотреть изволите, что он меня довел до необходимости взять город приступом, ибо с одной стороны, предложение мое ему остаться владетельным ханом и данником России, не только не принял, по и не отвечал. Но с другой стороны, непобедимым войском Е.И.В. отступать от города не взявшим оный ни тем, ни другим образом было бы, по мнению моему, невместно и сила оружия Всероссийского упала бы в глазах соседей. И так. причины побудивший меня прибегнуть к сей мере смею ласкаться надеждою, что удостоить соизволите оное своим одобрением. Нимало не сомневаюсь при том, что последствия и время оправдают меня в относительном к пользе дела в здешнем краю и тем паче, что Ганджинская крепость, почитавшаяся между азиатов неприступною, держит в страхе весь Азербейджан и может способствовать торговле грузинской по Каспийскому морю.

592
1182

*Предложения князя Цицианова Кавказскому гражданскому
губернатору Каспарову от 8-го января 1804 г. №5*

Ни строжайшее обложение Ганджинской крепости, через целый месяц лишившиеся осажденных воды и дров, ни 5-ти кратное мое требование сдачи города, ни даже последнее требование, сделанное хану остаться владетелем и данником России, не могли превозмочь упорства и буйства Джевад хана, а потому и принужденным я нашелся прибегнуть к единственной и необходимой мере, состоящей во взятии крепости штурмом, что и совершено двумя колоннами, при помощи Вышняго, с невероятным успехом и малым уроном, 3-го числа на рассвете в полтора часа времени употребленного на штурме.

Добыча наша состоит в 12-ти орудиях, 6-ти Фальконетах, в 1-м штандарте, 8-ми знаменах, в 55-ти пудах пороху, и в большом хлебном запасе.

Урон с нашей стороны в убитых: 1 штаб и 2 обер офицерах, и 35 нижних чинах, да ранено легко 1 штаб, обер офицеров 8, нижних чинов 122, тяжело-обер офицеров 5, и нижних чинов 70 человек.

Потеря с неприятельской стороны состоит 1500 убитых и 17.224 в плен взятых мужеска и женска пола, а о раненых не известно.

Местоположение Ганджинской крепости, держав в страхе весь Азербейджан, заставляет приобретение сие почитать наиважнейшим для России, а потому и считаю нужным, известие о том в. пр. предложить вам о толь знаменитой победе известить во все места, вверенный вам губернии.

592
1183

Всеподданнейший рапорт князя Цицианова от 10 января 1804 г.

Следствием штурма Ганджипской крепости есть то, что Ширин бек Самухский, зависящийся от Джевад хана, приехал вчера ко мне просить принять его во Всероссийское подданство; я же на верность оному привезти ею к присяге, обложил оброком на 1000 червонных в год, со взносом тех денег в январе месяца каждого года, так и о том, что он не более 400 домов имеет своего владения.

592
1185

Письмо Цицианова к УгурлуЛге от 4-го февраля №80

[В письме он просит приехать Угурлу-агу и брата его Али Кули агу в Тифлис]. "... тогда бы я вас принял как отец детей принимает, [обещает ходатайствовать перед Е.И.В.] "жалованья к безбедной вашей жизни; тогда вы в объятиях своей несчастной супруги, в объятиях детей своих, коих я лобызал, жили бы покойно". [Убеждает их, что он под покровительством России] "за должность свою почитает являть милость и помочь побежденному". (Призывает не слушать советов Персидских) "они вас погубят и разлучат вас с почтенною вашею супругою Ниса-бсгумь и почтенною родительницей на веки; для них же о назначении безбедной и вечной пенсии представил я уже Г.И., которую монаршею милостью наверно они получают".

593
1186

*Высочайший рескрипт князю Цицианову
от 5-го февраля 1804 г. С.Петербург*

Известие о взятии Ганжи подает мне новый и приятный случай изъяснить вам искреннюю благодарность мою за труды ваши на пользу отечеству.

Не менее одобряю строгое средство, вынужденное упорством Джевад хана...

...приятно мне засвидетельствовать вам мое за то удовольствие и поручить вам объявить благоволение мое всем чинам и рядовым, под Ганжею находившимся. Должное же награждение отличившимся определяю я по получении подробных от вас о деле сем донесение.

...В переписках своей с вами хан Ганджинский упоминает о чиновнике персидском и персидских войсках, при нем находившихся, буде таковы окажутся не бесполезно было бы удалить их от театра операций ваших, и вообще, оставляя обывателей в жилищах, переселять служащих в войсках ханов по сю сторону Кавказских гор.

...Предложения ваше переименовать Ганжу Российским именем приемлю я за благо и вы можете оное исполнить.

Подпись "Александр"

594
1187

То же, от 20-го февраля 1804 г. С.Петербург

Донесение ваше от 10-го января о принятии Ширин бека Самухского в Российское подданство, о назначении пенсионов некоторым членам ханской фамилии и об освобождении г. Ганжи от платежа податей, кроме таможенного сбора, я получил.

Одобряя в полной мере все ваши распоряжения, я приказал министру финансов производить женам бывшего хана: Бе поме и Шукуфе по 1200 р. каждой в год, невесткам его Ниса-Бегюм с детьми ея и Зейнабе по 600 р. каждой и дочери ханской Хануме по 300 р. А всего по 3900 р. в год...

596
1190

Краткое описание Ганжи с ея округом 2-го марта 1804 г.

(итога)

Число домов - 2517 (Ганджа - 213 домов)

Число душ с малолетн:

муж. - 3922

жен. - 3381

Имущество:

лощадей и катыров - 196

рогатою скота - 940

овец и козлов - 700

сады - 421

пашни - 232

Годовая подать во время ханского правления:

тагар - хлебом - 144

тулог вином - 450

фунты - шелком - 67 ф 1/2

рубли - деньгами - 8434

Хлебная подать собиралась пшеницею, сарацинским пшеном, просом и ячменом, по числу урожая и по назначению хана, сколько которого сорта ему было надобно, при неурожае же как хлеба, как и вина и шелка, в число вышеписанного количества давали только половинную часть. Деньги собирались в два срока годового времени, когда бывает байрам, а с 21 армянских деревень и хотя не означено сколько давали, но хан брал неограниченно, а более грабежем касательно до скота, то брато им с богатых деревень больше, также брали в число подати армянских мужеского и женского пола малолетних детей.

Земли же для хлебопашества и прочих хозяйству надобностей, по словам жителей, достаточно.

Сверх того имеется на форштате мечеть; к ней принадлежащих покоев: внутри 6, в ограде 47, за оградю 12, лавок обывательских торговых годных 36, раззоренных 363, мельниц: годных 24, раззоренных 11, бань: годных 1, раззоренных 5.

597

1192

*Ведомость об имуществе Дджевад хану
принадлежащему, составленная 2-го марта 1804 г.*

В крепости: домов 19, бань 2, лавок для ремесленников 40, монетный двор 1, мельница 1, завод стеклянный 1.

На форштате: караван сараев 5, лавок торговых: годных 48, раззоренных 28, баня 1, мельниц - 6.

В Калис кянде: дом - 1, завод масля нный 1, садов 6 (всего там 186 садов).

В окружности: каналов 10, земли для хлебопашества 42 пашни, засеянного хлеба: пшеницы 151, и ячменя 38 тагаров.

597
1193

*Предложения князя Цицианова Исполнительной
Экспедиции от 3-го марта 1804 г. №202*

На всеподданнейшее представление мое Е.И.В., коим я испрашивал Высочайшего соизволения, дабы Ганджинскую крепость украсить священным именем Е.И.В.Г.И. Елисаветы Алексеевны, под названием Елисаветполь, я имел счастье сего месяца 2-го дня (марта) получить высочайшее на то утверждение. Выполняя Е.И.В. волю, предлагаю Исполнительной Экспедиции немедленно, через комендантов и кап. - исправников о том - подписками обвести по всей Грузии, чтобы, Ганджинскую крепость и все Ганджинское владение во всех актах и официальных бумагах не имели другого названия, кроме Ели-саветиоля...

599
1197

Ведомость
о ремесленных и художнических казенных и обывательских лавках и мастеров армянских и татарских; состоявшихся на майдане в темном реду
и 4-х караван сараях (в Елисаветиоле) 23-го апреля 1804 г.

Показание	Числолавок	Мастеров	
		Армян.	Татарек
Серебряков	9	6	3
Слесарей	7	7	-
Делают медную посуду	7	7	-
Делают ружейные стволы	1	1	-
Кузнецов	5	2	3
Ткут шелковые материи	123	-	123
Ткут шелковые пояса, тесьму и гарус	12	-	12

Мотают шелк	20	-	20
Ткут баз и прочие бумажные холсты	29	-	29
Сапожников	23	15	8
Седельников	2	1	1
Токарей	5	2	3
Плотников	5	2	3
Южников	2	5	1
Кирпичников	-	4	3
Портных	24	22	2
Делают для ткачей инструменты	2	1	1
Имеют к седлам приборы	5	1	4
Подковывают лошадей	7	4	3
Шерстобитов и бумажников	9	-	9
Работают вьючные седлы	1	1	-

600
1198

Ведомость
о доходах с города Ганжи прежде получаемых и ныне по
вызову моему всех купцов, согласившихся платить пошлыны
за что именно и по сколько — мая 1804 года.

За что именно	1 [режде получаемые (рубли)	Ныне все купцы платить согласились
За красильню синяго цвета	3700	1200
За красильню синяго цвета	1500	500
Весовые пошлыны	1500	800
Боевые пошлыны	1600	1100

156

Таможенные пошлины	1900	1300
Пошлины от продажи лошадей и разн. скота	900	700
Пошлины от прод. посуды	160	140
Пошлины с краен, бази	220	150
За прод. бумаж. нити	300	300
За ирод, кожевни	200	140
За прод. марены	3000	800
За прод. мыла	800	250
За ирод, вина и боевые пошлины Кялие кянда	230	500
Табачные пошлины	120	100
За бани	300	-
За масляный завод	-	80
За продажу разного хлеба	-	120
4 казенных- караваи сарая	-	240
Итого	16430	8420

Сверх того, пошлины собираются с 27 казенных лавок, с каждой в месяц по 79 1/2 кои. с. (серебром), а всех 21 руб 50. кап., также с каждого торгующего на майдане с разными мелочными припасами и фруктами собирается в месяц по 6 р. с. Сверх исчисленных, хан получал доходы с собственного своего имущества: с 6 от караван-сараев 1112 руб., в крепости с 40 лавок с каждой в месяц по 40 к. — 16 р., масляного завода в полгода 5 п. 38 ф., а от стеклянного никакою дохода получаемо не было, от продажи квасцов 3000 руб., с мельниц мукою, с каждой в год по 20 татар — 140 гагар лошадиными подковами 8000 пар, которая продавалась по 30 к. пара, а всего 2400 руб., брали железом для крепости и прочих ему надобностей, с колко надобно было.

600
1199

Всеподданнейший рапорт князя Цицианова от 29мая 1804 г. № 36.

Вследствие прежних моих донесений о предписании 17 Егерского полка, шефу полковнику Карягину, находив! пимуся с полком в Елисаветпольской крепости, долгом ставлю донести Е.И.В., что из числа

найденного при занятии крепости провианта с 14 января по 19 мая полков. Карягиным по предписанию моему собрано из разных мест крепости и ям ретрошаменте находившимся по перемерке принято в особый присмотр пшеницы 6485 четвертей, сарачинского пшена 1210 четвертей, ячменя 352 четверти и проса 882 четверти, а всего 8929 четвертей, из коих сверх выданного ханской фамилии разнот хлеба 70 четвертей, пшеницы 158, а сарачинского пшена 586 четвертей. Выдано заимообразно тамошними жителями и сверх того обрабатывание садов и ханских полей пшеницы 175 четвертей, а затем оставалась разного хлеба 7940 четвертей, ...при описи по предписанию моему 25-го мая оказалось в Елисаветполе жителей 15092 души.

Наконец доношу, что все откупные статьи, существовавшихся при хане, кои приносили в год 16430 р., отданы по предписанию моему на откуп на нынешний 1804 года с 15-го апреля за 9200 р. во уважение раззорения во время штурма претерпенного.

601
1200

*Извлечение из письма государственного казначея
Голубцова к князю Цицианову от 21 июля 1804 г, №2268*

Высочайшем Е.И.В. указом, данным мне от 6-го числа сего июля месяца на исправление Гаижинской крепости, отпустить в ведение Инженерного департамента 70945 р. 97 1/2 к. из Государственного казначейства.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора

Глава I.

Образование Гянджинского ханства

- а) Политическая история Азербайджана накануне образования Гянджинского ханства
- б) К вопросу образования и упрочения Гянджинского ханства

Глава II.

Социально-политический строй Гянджинского ханства

- а) Гянджинское ханство и политическое положение на Кавказе в 60-80-е гг. XVIII в.
- б) Политическая ситуация в регионе в период правления Джавад хана Зиял оглы .

Глава III.

Хозяйственно и социально-экономическое положение Гянджинского ханства

Родословная таблица Гянджинских ханов

Литература, источники-примечания

Приложение

Kompüter t rtibatı v  dizayn:

Elmar M h err mov

Kompüter yığımı:

Nihay t C f rova

Elg n Tofiq ođlu Babayev

G nc  xanlığının tarixində

Yıđılmađa verilmiř: 11.04.2003

Çapa imzalanmıř: 15. 09. 2003

Formatı: 60x84 1/16

Çap v r qi: 14, 62

Tirajı: 500

“Nurlan” NPM